

Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет международных отношений

В. Н. Конышев, А.А. Сергунин

**ВОЕННАЯ СТРАТЕГИЯ
СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА**

Учебное пособие

*Печатается по постановлению
Ученого совета факультета международных отношений
Санкт-Петербургского государственного университета*

Санкт-Петербург

2012

УДК 355/359

ББК 68

К 64

Коньшев В. Н., Сергунин А.А. Военная стратегия современного государства: Учебное пособие. — СПб: Изд-во Родные просторы, 2012. — 158 с.

Рецензенты:

д-р полит. наук М.И. Рыхтик (ННГУ, Нижний Новгород)
канд. ист. наук А.Ю. Павлов (СПбГУ)

Учебное пособие предназначено для магистрантов, изучающих курс «Анализ военной стратегии современного государства» в рамках программы «Стратегические исследования». Цель пособия – помочь студентам изучить современные концептуальные и методологические подходы к изучению вопросов, связанных с военной стратегией современных государств. Пособие издано при поддержке Дискуссионного клуба «Валдай».

ISBN 978-5-91844-033-9

© В.Н. Коньшев, А.А. Сергунин

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на эпохальные изменения, происшедшие в мире за последнюю четверть века и приведшие к снижению роли военно-силового фактора в международных отношениях, вопросы военной стратегии по-прежнему продолжают оставаться в центре внимания научно-аналитического сообщества и вызывать острые дискуссии как среди ученых, так и политиков. Причем, для нынешней дискуссии по проблемам военной стратегии характерны большой «разброс» и «полярность» оценок.

Так, с окончанием «холодной войны» и противостояния между двумя военно-политическими блоками (НАТО-Варшавский договор) ряд «радикальных» школ теории международных отношений (ТМО), принадлежащих к парадигмам глобализма и постпозитивизма, провозгласил конец эры «силовой политики» и выступил за существенное снижение военных потенциалов ведущих стран мира, всеобщее разоружение и передачу военных полномочий в руки наднациональных органов. По сути дела, под сомнение была поставлена необходимость существования как военной организации государства, так и самой военной стратегии как одной из функций и видов деятельности современного государства.

Авторы популярной в 1990-е гг. теории секьюритизации (securitization theory) Б. Бузан и О. Вæвер фактически обвинили государство в том, что оно само «придумывает» внутренние и внешние угрозы и, базируясь на этих ложных (милитаристских и алармистских) оценках, строит свою военную стратегию.¹ Для них современное государство – само по себе источник проблем в области безопасности, и общество должно предпринять

¹ Buzan B., Wæver O., Wilde J. Security: a new framework for analysis. – London: Lynne Rienner Pub., 1998; Wæver O. Securitization and desecuritization // On Security / Ed. by Lipschutz R. – New York: Columbia University Press, 1995. – P. 46-86.

значительные усилия по реформе этого политического института (прежде всего, путем лишения его полномочий в военной сфере и передачи его функций в сфере безопасности на уровень субнациональных и наднациональных институтов). Сходные идеи развивает и постмодернистский феминизм.²

Прямо противоположных оценок придерживаются ученые, принадлежащие к неореалистической парадигме ТМО. Они признают, что в современных условиях происходит трансформация как самого государства, так и его военной стратегии. Однако речь идет не о снижении роли государства как основного актора в сфере военной политики и обеспечения национальной и международной безопасности (она по-прежнему остается центральной) и не об отказе от разработки и реализации военной стратегии государства, а лишь о поиске адекватных современным условиям роли и места государства в данной сфере политики, а также методов и форм военной стратегии.³

Между этими «полярными» точками зрения существует множество «компромиссных», «умеренных» подходов к оценке военной стратегии современного государства.

² Gendered states: feminist (re)visions of international relations theory. Ed. by Peterson S. Boulder: Lynne Rienner, 1992; Rocking the ship of state: towards a feminist peace politics. Ed. by Harris A., King Y. Boulder: Westview Press, 1989; Women and men's wars. Ed. by Stiehm J. Oxford: Pergamon Press, 1983.

³ Betts R. Conflict after the Cold War. Boston: Allyn and Bacon, 1994; Complexity, global politics, and national security / Ed. by D. Alberts, T. Czervinski. – Washington: Institute for National Strategic Studies, 1997; Powell R. In the Shadow of Power: States and Strategies in International Politics. – Princeton: Princeton University Press, 1999; Snyder G. Alliance politics. – Ithaca: Cornell University Press, 1997; The perils of anarchy: contemporary realism and international security / Ed. by M. Brown, S. Lynn-Jones, S. Miller. – Cambridge: MIT Press, 1995; Unipolar politics: realism and state strategies after the cold war / Ed. by E. Kapstein, M. Mastanduno. – New York: Columbia University Press, 1999.

Еще большее разнообразие мнений существует в отношении конкретных аспектов военных стратегий ведущих государств мира: как определять угрозы военной безопасности государства, каков будет характер войн будущего, каковы должны быть параметры военной организации и военной мощи государства, как осуществлять военные реформы и военное строительство, при каких условиях и как будут применяться вооруженные силы? Эти и другие вопросы находятся в центре современной политико-академической дискуссии.

Несмотря на обилие исследований по современной военной стратегии, учебная литература (особенно отечественная) относительно немногочисленна. Отечественные учебники, учебные пособия и близкая к ним по характеру литература могут быть условно разбиты на две основные категории. Во-первых, это работы общего характера, посвященные изучению роли военной силы в современных международных отношениях, национальной и международной безопасности.⁴ Во-вторых, это учебная литература, в которой рассматриваются конкретные аспекты проблемы – военные стратегии отдельных государств⁵ или специфические стороны военной стратегии как таковой (ядерная стратегия, стратегия применения обычных вооруженных сил,

⁴ Военная сила в международных отношениях. Учебное пособие. / Под ред. В.И. Аннекова. – М.: Русавиа, 2009; Кокошин А.А. Стратегическое управление. Теория, исторический опыт, сравнительный анализ, задачи для России. - М.: РОСПЭН, 2003; Коньшев В.Н. Американский неореализм о природе войны: эволюция политической теории. - СПб: Наука, 2004; Кулагин В.М. Международная безопасность. Учебник. - М.: Аспект Пресс, 2006; Проблемы безопасности и военно-силовой политики в международных отношениях. - СПб: Изд-во СПбГУ, 2007.

⁵ Власов Н.А., Малыгина А.А., Павлов А.Ю. Военная стратегия ведущих держав Западной Европы. - СПб: Изд-во СПбГУ, 2009; Коньшев В.Н. Военная стратегия США после окончания «холодной войны». - СПб: Наука, 2009; Рыхтик М.И. Безопасность Соединенных Штатов Америки. История, теория, политическая практика. - Н. Новгород: Издательство Нижегородского государственного университета, 2004.

особенности миротворческих операций или противоповстанческих действий, управление боем на театре военных действий с применением современных видов вооружений и средств связи и пр.).⁶

Авторы данной работы понимают, что в рамках одного исследования невозможно отразить весь спектр проблем и мнений по такой сложной теме, как состояние современной военной стратегии. Данная работа – это попытка осмыслить уроки развития военной стратегии современного государства за последнее время, очертить основные проблемы, стоящие перед отечественными и зарубежными учеными в области изучения военной стратегии, и представить, по каким направлениям пойдут дальнейшие научный поиск и дискуссии.

Учебное предназначено, прежде всего, для студентов, проходящих обучение по магистерским программам, требующим углубленного изучения проблем войны и мира в современных международных отношениях. Предполагается, что студенты уже прослушали базовые курсы по мировой политике и международным отношениям на уровне бакалавриата. Данное пособие предназначено для того, что помочь студентам, изучающим вопросы военной стратегии современного государства, познакомиться с особенностями понятийно-терминологического аппарата, базовыми концепциями, основными источниками и литературой, рассмотреть эволюцию самой концепции «военная стратегия» и познакомиться с современными военными стратегиями на примерах США и России. Для самостоятельной проработки материала в конце глав

⁶ Кокошин А.А., Веселов В.А., Лисс А.В. Сдерживание во втором ядерном веке. - М.: РОССПЭН, 2001; Колобов А.О. Специальные операции в мировой политике. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2004; Ядерное оружие после «холодной войны» / Под ред. А. Арбатова и В. Дворкина. М.: Московский Центр Карнеги, 2006; Хохлышева О.О. Миропонимание, миротворчество, миросохранение: опыт XX столетия. Н. Новгород, 2002.

приводятся контрольные вопросы и оригинальная литература по всем рассматриваемым теориям.

Учебное пособие также может быть полезным и для аспирантов, изучающих проблемы мировой политики и глобального развития и обучающихся по политологическим специальностям 23.00.01, 23.00.02, 23.00.04..

Учебное пособие написано по итогам чтения лекционных курсов «Анализ военной стратегии современного государства», а также курсов «Актуальные проблемы теории международных отношений», «Изучение проблем безопасности и теории международных отношений», которые преподаются на магистерских программах факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, а также курса «Российские теории международных отношений», читаемого для аспирантов того же факультета.

Учебное пособие призвано обеспечить теоретическую базу для лекционных курсов, направленных на изучение проблем методологического и содержательного характера, с которыми сталкивается современная военно-политическая мысль. Это позволит студентам и аспирантам в дальнейшем не только продолжить изучать отдельные научные школы и методологические подходы к анализу проблемы, но и активно применять полученные знания в своих научных исследованиях современных военно-политических проблем.

ГЛАВА I. ОСОБЕННОСТИ ТЕРМИНОЛОГИИ

Проблема точных и логически непротиворечивых определений понятий является общей для многих гуманитарных наук. Важность разработки таких определений в области изучения и разработки военной стратегии трудно переоценить. Выверенный понятийный аппарат необходим для адекватного определения угроз военной безопасности, формулирования задач, которые позволяют достигать стратегические цели государства, выбора необходимых сил и средств для нейтрализации угроз, выработки планов военного строительства, то есть для того, что и составляет основное содержание военной стратегии.

Проблемы точной терминологии нередко связаны с нарушением формально-логических правил построения определений.⁷ Эти правила сводятся, во-первых, к подведению определяемого понятия под определяющее понятие, более широкое по содержанию (под содержанием понятия в логике понимают совокупность существенных признаков). Тем самым определение указывает на родо-видовые отношения между двумя понятиями. Во-вторых, определение должно включать в себя те признаки понятия, которые отличают его от других видовых понятий этого же рода. В этом плане определение не должно быть преимущественно отрицательным, т. е. говорить только о том, чем не является данный предмет. В-третьих, определение должно быть достаточно ясным и полным, отражающим сущность понятия. В-четвертых, родовое и видовое понятие должны обладать равным объемом, т. е. указывать на одинаковое множество предметов действительности.

⁷ Подробнее о формально-логических аспектах критики существующих определений понятий «национальная безопасность» и «военная безопасность» см.: Сергунин А.А. Эволюция концепта «военная безопасность» в доктринальных документах Российской Федерации // Национальная безопасность, 2011. № 5. С. 6-14.

Для примера, показывающего подобные нарушения, достаточно обратиться к понятию «военная безопасность». В официальном документе, Военной доктрине Российской Федерации, опубликованной в 2010 г., военная безопасность определяется как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних военных угроз, связанных с применением военной силы или угрозой ее применения, характеризующееся отсутствием военной угрозы либо способностью ей противостоять».⁸ Насколько же это определение соответствует упомянутым правилам?

В качестве родового здесь использовано понятие «состояние защищенности», видовой отличительный признак - «защищенность жизненно важных интересов» субъектов безопасности, к которым отнесены личность, общество и государство.

При внимательном прочтении оказывается, что понятие «состояние защищенности» не является родовым для понятия «безопасность», потому что они не совпадают по своему объему полностью. Понятие безопасности соотносится не только с состоянием, но и также с 1) видом деятельности, направленной на обеспечение безопасности; 2) социальным порядком или международно-правовым режимом, ставящим своей целью обеспечение безопасности; 3) системой государственных и общественных органов, действующих в сфере безопасности.

В данном случае нарушено правило соразмерности определения. Это правило требует, чтобы объем определяемого понятия был равен объему определяющего. Иначе говоря, эти понятия должны находиться в отношении равно-объемности. В приводимом же определении понятие «состояние защищенности» явно уже понятия «безопасность». Т.е. в данном случае

⁸ Военная доктрина Российской Федерации (утверждена указом Президента РФ от 5 февраля 2010 г.) <http://президент.рф/ref_notes/461>

совершена так называемая «ошибка слишком узкого определения».

То же самое касается и «претензии» понятия «защищенность жизненно важных интересов» на видовое отличие. Безусловно, интересы (и не только «жизненно важные») личности, общества и государства нужно защищать от внутренних и внешних угроз. Но, наверное, следует, прежде всего, защищать не некие абстрактные, как правило, нечетко, а подчас и неверно сформулированные интересы (существующие не в материальной, а идеальной форме), а саму конкретную личность, общество и государство. Угрозы-то существуют не столько интересам, сколько определенным людям и общественно-политическим институтам. И на практике надо защищать именно их, а не некую идеальную субстанцию (интересы). К тому же, как явствует из современных теорий безопасности, следует защищать не только человека, но и окружающую природу (экологическая безопасность), информацию (информационная безопасность) и пр. Т.е. опять совершена ошибка слишком узкого определения.

Более того, определяя военную безопасность как состояние, «характеризуемое отсутствием военной угрозы», данная дефиниция приобретает черты отрицательного определения. Как известно, отрицательное определение не раскрывает определяемого понятия. Оно указывает, чем не является предмет, не объясняя при этом, чем он все-таки является.

Отметим, что концентрация на негативном смысле понятия безопасности и его дериватов, невнимание к наполнению их позитивным смыслом характерно не только для российских доктрин и законов, но и для подобных документов и научных работ по проблемам безопасности иностранного происхождения.⁹

⁹ Подробнее о дискуссиях по теоретическим проблемам международной безопасности см.: Сергунин А.А. Международная безопасность: новые подходы и концепты // Полис (Политические исследования). 2005. № 6. С. 126-137.

Еще во второй половине 1960-х гг. основатель школы изучения проблем мира (peace research school) норвежский ученый Йохан Гальтунг обратил внимание на то, что большинство экспертов определяют понятия «мир» (peace) и «безопасность» (security) исключительно негативным образом как отсутствие войны или военных угроз, хотя в английском языке оба понятия (даже «безопасность») не являются отрицательными и в принципе могут быть определены через род и видовое отличие (родо-видовое определение). По мнению Й.Гальтунга, отсутствие войны или военной угрозы – это лишь предпосылка для настоящего мира и безопасности. Должно быть позитивное наполнение этих понятий, т.е. в них нужно отразить такие социальные условия, которые бы, с одной стороны, способствовали предотвращению войн и конфликтов, а с другой – обеспечивали стабильное развитие общества.¹⁰

Другие источники неточностей в определениях имеют содержательные или качественные основания. Примером может служить понятие референта безопасности. В документах, регламентирующих политику безопасности РФ, так и не преодолен до конца государство-центричный подход, согласно которому референтом безопасности являлось государство. Несмотря на упоминание личности и общества как новых референтов, отсылка к ним осталась во многом формальной, поскольку не детализирована связь между всеми тремя уровнями безопасности и механизмы взаимодействия государства, общества и личности по обеспечению военной безопасности.

В частности, в Военной доктрине в разделе о путях военного строительства говорится о необходимости «совершенствования допризывной подготовки и военно-патриотического воспитания

¹⁰ Galtung J. A Structural Theory of Aggression // Journal of Peace Research. 1964. Vol. 11. No. 2. P. 95-119; Galtung J. Violence, Peace and Peace Research // Journal of Peace Research. 1969. Vol. 6. No. 3. P. 167-191; Galtung J. Peace: Research, Education, Action. Essays in Peace Research. Vol. 1. Copenhagen: Christian Ejlertsen, 1975. P. 103-104.

граждан» и «обеспечения государственного и гражданского контроля деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в области обороны». Но подобной декларации явно недостаточно для обеспечения общественной поддержки политики РФ в сфере военной безопасности.

В настоящее время терминология, используемая для изучения и формулирования военной стратегии, формируется под влиянием британской и особенно американской военной мысли. Это связано с лидирующим положением США как военной державы и с успехами, достигнутыми в развитии теории и практики военного дела. В США довольно регулярно выпускаются словари военных терминов, а многие документы министерства обороны сопровождаются соответствующими глоссариями.

В силу указанных причин терминология, используемая в изучении стратегии, постоянно нуждается в уточнении и совершенствовании. В итоге многие исследования стратегии делают оговорки о рабочем характере вводимых определений, подчеркивая, что они не свободны от недостатков.

Рабочие определения некоторых терминов.

Безопасность – это социальный порядок, в котором существует механизм предотвращения наиболее опасных внутренних и внешних угроз индивиду, обществу и государству, и обеспечены условия для наиболее полного раскрытия творческих способностей человека и устойчивого развития общества. Данное определение базируется во многом на исследованиях норвежского ученого Й. Гальтунга и его последователей.

Более полное раскрытие понятия «безопасность» происходит при характеристике её уровней - национальный (индивидуальный, общественный, государственный) и международный (субрегиональный, региональный, глобальный) – и видов (военная, политическая, экономическая, экологическая,

информационная, демографическая, продовольственная, культурная).

Военная безопасность на национальном уровне – это такой социальный порядок, который обеспечивает предотвращение реальных и потенциальных внешних и внутренних военных угроз личности, обществу и государству путем создания у страны адекватного военного потенциала и благоприятного международного окружения.

Военная стратегия - оценка существующих угроз; определение военных целей; решения о распределении и предназначении необходимых ресурсов государства (сырья, продукции, людей), о мобилизации вооруженных сил, о выборе театров военных действий (ТВД); планирование и организация военных действий.

Оборонная политика – комплексный план действий по обеспечению безопасности на различных уровнях (в государстве, в конкретном регионе мира или в глобальном масштабе); планы собственно военных действий для достижения состояния безопасности; политический процесс, который образует политику безопасности¹¹.

Это понятие объединяет различные аспекты обеспечения министерством обороны военной безопасности государства. Оборонная политика является важнейшей частью политики национальной безопасности, которая объединяет в себе военные и невоенные стратегические цели и пути их достижения.

Оборонная политика является важнейшей частью политики национальной безопасности, которая объединяет в себе военные и невоенные стратегические цели и пути их достижения.

Оборонная стратегия, которая является частью оборонной политики, детально описывает характер угроз военной безопасности с учетом политических, экономических и военных факторов и ставит задачи военному ведомству. В свою очередь,

¹¹ American Defense Policy / Ed. By Bolt P. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2005. – P. XI.

военная стратегия концентрируется на том, как, с точки зрения профессиональных военных, следует решать военно-стратегические задачи.

Стратегическое окружение – объективные тенденции (тренды) глобального и регионального развития в области политики, экономики и военного дела, которые могут оказать влияние на достижение стратегических целей государства. Эта концепция пришла на смену прежней традиции, когда доктринальные документы конкретно определяли потенциальных противников с учетом интенсивности и характера угроз, исходящих от них. Синонимично стратегическому окружению используется термин «*окружение безопасности*» (*security environment*). Смысл концепции состоит в том, что государство может не только учитывать влияние стратегического окружения, но и воздействовать на него так, чтобы сделать более безопасным для себя.

Примерами изменений стратегического окружения, которые влияют на военную стратегию государств, являются рост влияния негосударственных субъектов политики, усиление могущества Китая, ускорение темпов технологических инноваций и распространения оружия массового поражения.

Угроза национальной безопасности – внешняя опасность государству, которая означает возможность нанесения конкретного неприемлемого ущерба и связана с деятельностью враждебных государств, нестабильных государств и негосударственных субъектов политики.

Термин «угроза» традиционно использовался применительно к возможной крупномасштабной войне США со сравнимым противником, в частности, в лице СССР. Он отражал высокую интенсивность военной опасности, включая ядерный удар на уничтожение, и предполагал планирование ответных мер реагирования, пропорциональных интенсивности угрозы.

Однако по направленности опасность может исходить не только извне, а зависеть от внутренних особенностей самого

государства. В этом смысле помимо понятия угрозы стали выделять дополняющее его понятие — уязвимость.

Уязвимость государства – опасность, возникновению которой способствуют особенности государства: политическое устройство, политические традиции, внутривнутриполитические проблемы, система обеспечения безопасности общества.

Соответственно двум источникам возникновения опасности формируются направления политики безопасности – внешняя в ответ на угрозы и внутренняя (*homeland*) — в ответ на уязвимость.

Понятие уязвимости вошло в обиход относительно недавно, когда после теракта 11 сентября 2001 г. отчетливо проявился парадокс безопасности: самое сильное в мире государство оказалось уязвимым перед атакой террористов.

Другим следствием парадокса безопасности стало введение в активный оборот военными понятия асимметричной угрозы. Конечно, асимметричные действия как таковые известны давно. В наши дни особое внимание к ним на уровне стратегии вызвано упоминавшимися изменениями стратегического окружения современных развитых государств.

Асимметричная угроза – опасность нерегулярной формы использования силы с точки зрения источника угрозы, выбора цели для нападения, а также средств и способов нанесения ущерба государству. В результате асимметричных действий эффект достигается относительно малыми средствами по принципу «рычага». Основными источниками этих угроз считаются террористические организации, нестабильные государства, а также государства, заведомо более слабые, чем потенциальный противник.

В современных конфликтах все более актуальной становится не интенсивность угрозы, а непредсказуемость последствий от ее реализации, поэтому в военном планировании многих государств вместо термина «угроза» используются термины «вызов» и «риск». Наиболее дифференцированная типология вызовов и

рисков предлагается в документах, регламентирующих военную политику США.

Вызов – это опасность в будущем, которая не обязательно несет прямой неприемлемый ущерб безопасности государства. Вызов требует реагирования, но не обязательно военными силами и средствами.

Традиционные вызовы существуют со стороны государств, обладающих известным военным потенциалом и готовых к обычным формам военных действий, опираясь на действия сухопутных сил, военно-морского флота и военной авиации.

Нерегулярные вызовы связаны с государствами и негосударственными субъектами политики, которые будут делать ставку на нетрадиционные методы борьбы перед превосходящим противником.

Катастрофические вызовы создают возможность использования политическими оппонентами оружия массового уничтожения или других средств, дающих близкий эффект воздействия: биотехнологии, кибер-операции, космическое оружие и оружие, использующее направленную энергию. Проблему усугубляет слабый международный контроль за распространением соответствующих технологий, достаточно «прозрачные» границы государств и доступность специальной информации. Эти вызовы занимают особое место в военном планировании крупных держав, так как даже единичная атака подобного рода на их территорию считается неприемлемой. Для нейтрализации катастрофических вызовов наиболее вероятны превентивные военные действия.

Прорывные вызовы (в трактовке американских военных) возникают, если какое-либо государство создаст технологии «прорыва», которые способны лишать США преимуществ на оперативном уровне боевых действий. Эти вызовы будут носить, скорее всего, асимметричную природу. Они порождаются тем обстоятельством, что потенциальный противник не в состоянии конкурировать в тех областях военных технологий, где США к настоящему моменту достигли значительного превосходства.

Речь, таким образом, идет о достижениях в биологических науках, информатике, космическом оружии и оружии, основанном на принципах направленной энергии.¹² Прорывные вызовы создают для военного планирования наиболее серьезные трудности, если сравнивать их с другими видами упомянутых выше вызовов.

В реальной политике все вызовы безопасности проявляются не поодиночке, а в тех или иных комбинациях.

Риск – это связь, с одной стороны, с ожидаемыми опасностями, которые необязательно несут прямой неприемлемый ущерб безопасности государства, а с другой, с определенным набором возможных ответных событий и действий. Понятие риска продуктивно в том отношении, что в принципе позволяет оценивать вероятности того или иного ущерба. Для этого необходимо придать понятию риска более формализованное представление, чтобы затем количественно оценить степень риска в зависимости от комплекса конкретных условий.

Современная военная стратегия крупных государств подразумевает, что военная сила используется не сама по себе, а только как часть общей мощи государства, наряду с экономическим, политическим и дипломатическим влиянием. Поэтому понятие риска в его военном смысле тесно увязывается с другими рисками – стратегического и политического характера.

Риск политический имеет два аспекта: международный и внутривнутриполитический. В международном плане он возникает от особенностей восприятия легитимности данного государства другими государствами и соответствующей способности и воли союзников и партнеров поддерживать общие цели. Во внутривнутриполитическом аспекте риск связан с одобрением населением национальных стратегических приоритетов и

¹² The National Defense Strategy of the United States. – Washington: Department of Defense, 2005. – P. 2–3.

наличием ресурсов в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективе.¹³

Риск стратегический – это потенциальное воздействие на население, территорию и национальные интересы государства текущих и внезапных событий с учетом их вероятности и предполагаемых последствий.¹⁴

Риск военный – способность вооруженных сил государства адекватно подготовить и провести военную операцию для достижения стратегических целей.¹⁵

Превентивная оборона – обеспечение мира и стабильности путем дружественного взаимодействия, которое подразумевает установление более близких связей между американскими военными и военными других государств, чтобы избежать ложного понимания политики и намерений друг друга. Эта концепция впервые была выдвинута министром обороны США У. Перри в 1996 г. и послужила началом для выработки принципиально иного, чем в годы «холодной войны», осмысления вопросов военной стратегии.

Суть предложений У. Перри в том, что он предложил в качестве приоритета оборонной политики не сдерживание противника, а предотвращение появления угрозы невоенными средствами. В случае, если это не удастся – сдерживать возникшую угрозу, и только в крайнем случае – нейтрализовать угрозу путем применения военной силы. Идеи превентивной обороны сказались на многих других последующих концепциях.

Упреждающие действия (*preemptive actions*) – комплекс упреждающих мероприятий невоенного и военного характера, направленный на предотвращение военной агрессии или внезапной атаки со стороны потенциального противника, не

¹³ Quadrennial Defense Review Report. – Washington: Department of Defense, 2010. – P. 95.

¹⁴ Chairman of the Joint Chiefs of Staff Instruction. – Washington: Joint Chiefs of Staff, 2008. – P. GL-7 // http://www.dtic.mil/cjcs_directives/cdata/unlimit/3100_01.pdf

¹⁵ Ibid.

требующий предварительных доказательств агрессивности намерений противника. Эта концепция впервые была закреплена в Стратегии национальной безопасности США 2002 г.¹⁶ Поскольку в тексте стратегии нет четких критериев, при каких условиях несилковое принуждение переходит в силовую фазу, это понятие стали трактовать как синоним превентивной войны (*preventive war*), которая нелегитимна с точки зрения международного права.

Операции мирного времени (*operations in peacetime*) – невоенная часть операций, называемых «военные операции иные, чем война». Термин введен в оборот американскими военными. Наиболее распространенные виды операции мирного времени включают:

1) Помощь в обеспечении безопасности: передача военного имущества, обучение военного персонала, сервисное обслуживание в рамках программ военного сотрудничества с другим государством.

2) Помощь государству: создание инфраструктуры управления местных властей, обучение медицинского персонала, повышение квалификации местных военных.

3) Поисковые и спасательные работы: открытые или тайные операции как мирного, так и военного времени, могущие потребовать поддержки сил общего назначения.

4) Эвакуация населения, которая может включать элементы военного насилия в виде временной оккупации.

5) Миротворческие операции (*peacekeeping*) – действия вооруженных сил как нейтральной стороны по установлению мира при согласии конфликтующих сторон. Обычно проводятся по решению ООН.

6) Демонстрация силы – операции по оказанию давления на государства или военные организации. Проводятся в виде

¹⁶ The National Security Strategy of the United States. – Washington: Government Printing Office, 2002.

визитов военных кораблей и авиации, многонациональных учений, развертывания сил передового базирования.

7) Операции по борьбе с наркотиками – операции по пресечению перевоза наркотиков через границу США и нейтрализации источников поставок наркотиков за рубежом.

8) Гуманитарная помощь и защита при стихийных бедствиях – помощь населению оказывается как внутри США, так и в других государствах.

9) Отношения с гражданскими властями и психологические операции – взаимодействие с гражданскими властями, изучение региональных особенностей и воздействие на целевую аудиторию для облегчения выполнения последующих миссий.¹⁷

Опираясь на этот понятийный аппарат, приступим к рассмотрению особенностей военной стратегии современного государства.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

1. В чем выражаются и с чем связаны проблемы терминологии при изучении военной стратегии?
2. Почему важно иметь четко определенный понятийный аппарат в сфере военной стратегии?
3. С чем связаны сложности определения понятия «военная безопасность»?
4. В чем заключаются формально-логические ошибки при определении понятий «национальная безопасность» и «военная безопасность» в официальных документах Российской Федерации?
5. Что понимал Й. Гальтунг под «негативным» и «позитивным» определениями понятия «безопасность»?

¹⁷ Field Manual 100-7. Decisive Force: the Army in Theater Operations. – Washington: Headquarters Department of Army, 1995.

6. В чем принципиальное отличие школы по изучению мира в подходах к определению понятия «безопасность»?
7. Какое отличие существует между понятиями и терминами «угроза» и «вызов»?
8. В чем состоят преимущества понятия «риск»?
9. Можно ли считать концепцию упреждающих действий (preemption) четко определенной?

ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ САМОПОДГОТОВКИ

1. Сергунин А.А. Международная безопасность: новые подходы и концепты // Полис (Политические исследования). 2005. № 6. С. 126-137.
2. Сергунин А.А. Эволюция концепта «военная безопасность» в доктринальных документах Российской Федерации // Национальная безопасность, 2011. № 5. С. 6-14.
3. American Defense Policy / Ed. By Bolt P. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2005
4. Chairman of the Joint Chiefs of Staff Instruction. – Washington: Joint Chiefs of Staff, 2008. // http://www.dtic.mil/cjcs_directives/cdata/unlimit/3100_01.pdf
Field Manual 100-7. Decisive Force: the Army in Theater Operations. – Washington: Headquarters Department of Army, 1995.
5. Galtung J. A Structural Theory of Aggression // Journal of Peace Research. 1964. Vol. 11. No. 2. P. 95-119; Galtung J. Violence, Peace and Peace Research // Journal of Peace Research. 1969. Vol. 6. No. 3. P. 167-191.
6. Galtung J. Peace: Research, Education, Action. Essays in Peace Research. Vol. 1. Copenhagen: Christian Ejlertsen, 1975. P. 103-104

ГЛАВА II. ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ «ВОЕННАЯ СТРАТЕГИЯ»

§1. К вопросу о трактовке понятия

Военная стратегия относится к числу древнейших явлений государственно-политической жизни и, тем не менее, до сих пор вызывает горячие споры относительно самого содержания этого понятия и статуса стратегии в сфере общегосударственной политики. Есть несколько «вечных» тем, дискутируемых в сфере военной стратегии, часть которых будет освещена в данном исследовании.

Дискуссии начинаются с самого определения понятия «военная стратегия» и места последней в системе общегосударственной политики. Издавна сложились два основных подхода к решению этого вопроса – узкий и широкий.

Сторонники *первого (узкого) подхода* происходят в основном из среды военных. Они считают военную стратегию частью военного искусства и, соответственно, исключительно делом профессионалов в военной области.

Ярким представителем подобной точки зрения являлся начальник сначала прусского, а затем германского Генштаба Хельмут Мольтке-старший, который активно отстаивал в своих трудах (и практической деятельности) полную автономию военной стратегии от политического руководства страны и считал недопустимым вмешательство политиков в ход войны. Формально он признавал, что «...политика, к сожалению, неотделима от стратегии». Однако сфера вмешательства политики в стратегию, по Мольтке, должна быть поставлена в строго ограниченные рамки: «...политика используется войною для достижения своих целей и имеет решающее влияние на ее

начало и конец».¹⁸ Он был весьма категоричен в своих суждениях о взаимоотношении военной стратегии и политики: «для хода войны руководящими являются главным образом военные соображения, политические же – лишь поскольку они не требуют ничего с военной точки зрения недопустимого. Полководец же никогда не должен руководствоваться одними политическими побуждениями, а на первый план ставит успех в войне. Как политика воспользуется победами или поражениями, полководца это не касается – это исключительно ее дело». Неслучайно, подобная позиция Мольтке не раз приводила к конфликтам с политическим руководством страны (прежде всего, с канцлером Бисмарком) относительно того, как воспользоваться результатами побед армии в австро-прусской (1866 г.) и франко-прусской (1870-1871 гг.) войнах.

Линия Мольтке была продолжена такими его последователями на посту руководителей германских вооруженных сил (ВС), как фон Шлиффен, Э. Людендорф и П. фон Гинденбург, также активно отстаивавших автономию ВС от политического руководства страны как перед, так и в ходе первой мировой войны.

Ряд советских военных руководителей, включая «раннего» М.Н. Тухачевского, в годы гражданской войны и борьбы с иностранными интервенциями также выступали с аналогичными идеями, особенно резко критикуя вмешательство реввоенсоветов, состоявших часто из людей, далеких от военного дела, в непосредственное управление военными действиями. Правда, в отличие от германских военных, которые настаивали на полной передаче руководства войной Генштабу, М.Н. Тухачевский считал, что общее руководство войной и государством в военное время должно принадлежать единому государственно-политическому органу страны – Совету обороны.

¹⁸ Здесь и далее об истории военно-стратегической мысли см.: Стратегия в трудах военных классиков. / Под ред. А. Свечина. М.: Госвоениздат, 1926 <militera.lib.ru/science/classics2/index.html>

Сторонники узкого подхода к определению военной стратегии сохранились среди советских военных и в более позднее время. Так, подобные взгляды были присущи и Г.В. Жукову, который, правда, весьма осторожно высказывал их, учитывая обстановку репрессий в стране сталинской эпохи. Даже в относительно позднее советское время «Большая советская энциклопедия» (автор соответствующей статьи – Маршал Советского Союза В.Г. Куликов) утверждала, что военная стратегия - это «составная часть военного искусства, представляющая его высшую область. Она охватывает вопросы теории и практики подготовки вооруженных сил к войне, её планирование и ведение»¹⁹. При этом, правда, делалась оговорка, что военная стратегия тесно связана с политикой и экономикой общества, но сути подхода это не меняло.

Сторонники *широкого подхода* к пониманию военной стратегии считают, что последняя является не автономным образованием, а частью высшей политики государства, нацеленной на обеспечение национальной безопасности.

Первые зачатки подобного подхода можно обнаружить, в частности, в византийском «Стратегиконе Маврикия» - трактате VI века нашей эры. В нем автор ведет речь не о «чистых» военных стратагемах²⁰, а о целом комплексе мероприятий, в которых дипломатия, в частности, становится одним из орудий достижения успеха²¹.

Разработка «интегративного» подхода к взаимосвязи между военной и общеполитической стратегиями началась по-настоящему лишь в начале 19 в. (прежде всего, на базе анализа опыта Наполеоновых войн) в трудах выдающегося прусского военного теоретика Клаузевица. Его классическая формула

¹⁹ Большая советская энциклопедия // <http://slovari.yandex.ru/dict/bse/article/00075/04000.htm>

²⁰ Под стратагемами древние теоретики военного искусства понимали конкретные приемы ведения военных действий.

²¹ Кучма В.В. Военное искусство // Культура Византии IV – первой половины VII в. Под ред. З.В.Удальцова. М.: Наука, 1984. С. 399.

«Война есть не что иное, как продолжение государственной политики иными средствами» стала воплощением подобного подхода.²² Клаузевиц считал, что военная стратегия не должна формироваться сама по себе, она должна отражать насущные потребности государства и общества в обеспечении своей безопасности и соответствовать тем ресурсам и возможностям, которыми обладает страна. Политическое руководство страны обладает большими возможностями для оценки как внутренней, так и международной обстановки, чем военные, и потому оно должно быть в состоянии определить угрозы для безопасности страны и поставить перед военными задачи по минимизации или нейтрализации этих угроз, а в случае начала войны – сформулировать цели последней.

Другое дело, что в реальной истории далеко не все политические лидеры отвечали подобным требованиям, и критика их действий военными и другими политическими силами часто была справедливой. Клаузевиц отмечал, что у военного командования есть свои особые права в отношении политиков и политики: «Военное искусство в целом и полководец в каждом отдельном случае вправе требовать, чтобы направление и намерение политики не вступали в противоречие с военными методами». Однако, несмотря на всю важность выполнения политиками своих обязательств перед военными, это требование «не должно ни в коем случае отменять доминирование политики. Сколько бы сильно ни сказывалось влияние этого требования на намерения политики, все же это воздействие следует мыслить только как видоизменяющее их, ибо политическое намерение является целью, война же – только средство, а никогда нельзя мыслить средство без цели».

Взгляды Клаузевица на военную стратегию и ее взаимоотношения с политикой оказали огромное влияние на военно-политическую мысль не только Германии, но и других стран мира.

²² Клаузевиц К. О войне. М.: Наука, 1999.

Так, в России Н. В. Медем в работе "Обозрение известнейших правил и систем стратегии" (1836) высказал соображения о связи между войной, политикой, стратегией и тактикой, подчеркнул зависимость стратегических действий от многих условий, которые постоянно изменяются. П. А. Языков в труде "Опыт теории стратегии" (1842) на основе опыта Отечественной войны 1812 года отметил возросшее влияние народных масс на исход войны.

Во 2-й половине 19 в. видный русский военный теоретик и историк, профессор Академии Генерального штаба Г.А.Леер, являвшийся большим поклонником Клаузевица и продолжившим дело последнего на российской почве, в труде "Опыт критико-исторического исследования законов искусства ведения войны (положительная стратегия)" (1869) признал единство политики и стратегии и ведущую роль политики, пытался сформулировать понятие стратегия, операции как части кампании или войны. Он приводит аналогичную Клаузевицу формулу взаимоотношений войны и политики, но с весьма существенным акцентом, говоря, что война есть не просто «иное», а «крайнее средство» политики: «Война является в виде одного из средств и притом крайнего средства в руках политики для достижения государственных целей». То есть для решения споров между государствами предпочтительны политические, а не военные средства. Последние могут применяться лишь в том случае, если мирные инструменты оказались исчерпанными. В трудах Леера мысль о том, что военная стратегия является лишь одним (а не единственным или главным) из средств обеспечения национальной безопасности, выражена особенно четко.

Труды Н. П. Михневича "История военного искусства с древнейших времен до начала XIX ст." (2 изд., 1896) и "Стратегия" (Т. 1—2, 1899—1901) явились еще одним шагом вперед в развитии теории военной стратегии. Михневич обратил особое внимание на взаимосвязь военной стратегии и политики. Он утверждал, что войны ведутся вооружёнными народами, пытался вскрыть зависимость войн от степени развития

экономического и политического строя государства, отмечал влияние новых средств борьбы на решение многих стратегических вопросов, подчёркивал, что теория и практика должны друг друга уравнивать, разработал рекомендации по осуществлению стратегического прорыва и ведению стратегической обороны.

В период между первой и второй мировыми войнами в СССР также активно шла разработка более широкого подхода к определению сути военной стратегии. Выразителями этого подхода стали выдающиеся военные стратеги того периода – Б.М. Шапошников и А.А.Свечин. Они подвергли критике линию Мольтке и его последователей, «эмансипировавших» общегосударственную и военную стратегию друг от друга, что, в конечном счете, и привело к поражению Германии в первой мировой войне. По их мнению, военная история не раз доказывала, что отсутствие увязки военной стратегии с общеполитическими целями и практическими действиям неизбежно приводило различные нации к сокрушительным неудачам.

В конце 1920-х годов М.Н.Тухачевский существенно пересмотрел свои прежние взгляды и начал разработку понятия «полюстратегия» - во многом совпадавшее с современным понятием стратегии национальной безопасности. Под «полюстратегией» Тухачевский понимал учение о сущности, методах и способах подготовки к войне, о путях и способах наиболее целесообразного использования всех сил и средств государства для достижения победы. Тухачевский исходил из того, что Верховное главнокомандование, руководящее войной в целом, не может опираться только на классическую военную стратегию, «чистую стратегию» старого типа; отсюда он определял потребность в новой, высшей стратегии. Идея «полюстратегии» в СССР, однако, не нашла сколько-нибудь широкой поддержки. Некоторые критики в попытке Тухачевского конструировать «полюстратегию» усмотрели

стремление не столько подчинить военную стратегию политике, сколько «подтянуть» политику к стратегии²³.

В межвоенный период в Великобритании на основе опыта Первой мировой войны разрабатывалась так называемая концепция «большой стратегии», которая также стремилась интегрировать военную стратегию в общегосударственную политику по защите национальных интересов страны. Позднее (в 1935 г.) категория «большой стратегии» вошла в английский Полевой устав²⁴.

В послевоенный период советская военная стратегия в целом развивалась в сторону признания примата политики над военными средствами обеспечения безопасности СССР. Идея установления прочного политического (партийного) контроля за ВС СССР и другими «силовыми» структурами стала особенно популярной после развенчания культа личности Сталина. Неверными, по мнению известного советского теоретика М.А.Гареева, являлись утверждения некоторых советских авторов о том, что военная доктрина формируется только с помощью военной науки. «Совершенно очевидно, что политическая сторона военной доктрины не может основываться лишь на достижениях военной науки», – подчеркивал он, тем самым еще раз акцентируя примат политики над военной стратегией²⁵.

Классической для советского времени характеристикой взаимоотношения военной стратегии и политики стала точка зрения, высказанная бывшим заместителем начальника Генерального штаба генерал-полковником М. Повалием: «Политика, на основе оценки мировых политических, классовых

²³ Кокошин А.А. Армия и политика. М.: ИМО, 1995. С. 46.

²⁴ Говард М. Большая стратегия. Под ред. и с предисл. О.А.Ржешевского. М.: Воениздат, 1980. С. 5.

²⁵ Кокошин А.А.. Стратегическое управление. Теория, исторический опыт, сравнительный анализ, задачи для России. М.: РОСПЭН, 2003 // <http://www.ipmb.ru> ; Гареев М.А. М.В.Фрунзе – военный теоретик. М.: Воениздат, 1985. С. 394.

сил, состояния экономического, военного и морально-политического потенциалов своих и вероятных противников, определяет политическую цель войны, т.е. ее политическое содержание... Она намечает важнейшие промежуточные задачи военных действий, вытекающие из общей цели, порядок вступления в войну, сроки или последовательность ударов, которые необходимо осуществить на различных театрах или в стратегически важных районах земного шара. Политика... определяет состав вооруженных сил, которые необходимо иметь к началу войны и в ходе ее развития, их группировку и задачи с учетом значимости театров военных действий и сил противника»²⁶.

Современная военная мысль (и отечественная, и зарубежная) трактует понятие военной стратегии, прежде всего, как сферу планирования строительства, развертывания и использования вооруженных сил в мирное и военное время. Она разрабатывается и реализуется в рамках стратегии национальной безопасности. Последняя, наряду с военной безопасностью, включает в себя невоенные аспекты: экономический, социальный, экологический, информационный. (см. схему 1).

В зависимости от международной обстановки, наличия или отсутствия внутренних и внешних угроз безопасности страны, ресурсов, имеющихся в распоряжении государства, соотношение между различными средствами обеспечения национальной безопасности может быть разным. Так, в период «холодной войны», когда степень конфронтации между двумя общественно-политическими системами была высокой, военный компонент занимал весьма значимое место в стратегии национальной безопасности ведущих держав мира. Соответственно, военный фактор оказывал существенное влияние на все стороны общественной жизни – экономику (сформировался военно-промышленный комплекс), политику, идеологию и даже культуру.

²⁶ Цит. по: Там же.

После окончания «холодной войны» и исчезновения советского блока государств изменился и характер угроз и вызовов безопасности ведущих стран мира. США и другие западные государства озабочены, прежде всего, двумя важнейшими проблемами – обеспечением доступа к энергоресурсам и борьбой с международным терроризмом. Россия же до наступления определенной социально-экономической и политической стабилизации при режиме В.В. Путина рассматривала в качестве главных угроз своей безопасности, прежде всего, сугубо внутренние факторы – системный финансово-экономический кризис, сепаратизм, национализм, религиозный фанатизм, коррупцию. Этот подход к пониманию характера угроз российской национальной безопасности особенно четко отражен в Концепции национальной безопасности РФ в редакции 1997 г.

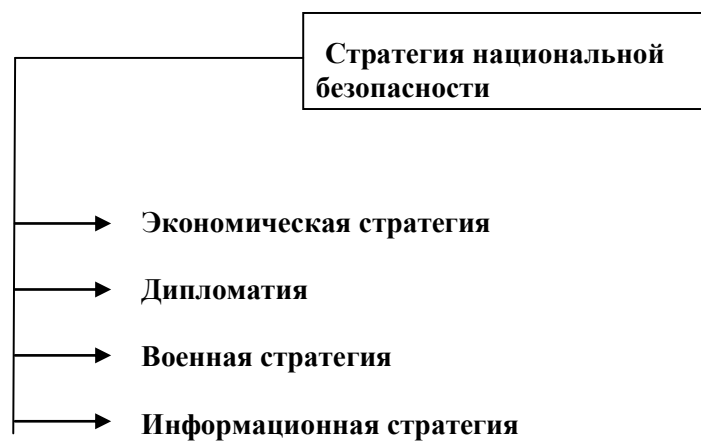
В любом случае военная стратегия ведущих держав мира периода «холодной войны» не годилась для решения современных проблем, ее пришлось существенно видоизменить. Да и роль военного фактора в обеспечении национальных интересов этих стран в целом понизилась, его потеснили другие – невоенные – инструменты, которые оказались более адекватными для решения возникших проблем.

Что касается непосредственно военной стратегии, то она, в свою очередь, имеет весьма сложную структуру (см. схему № 2). Современная военная мысль выделяет следующие компоненты этой структуры:

2. *Политические основы военной стратегии.* Как уже говорилось, они формулируются политическим руководством страны (в идеале, конечно, в диалоге с военным руководством) и включают в себя характеристику места и роли ВС в обществе, стоящих перед ними целей и задач с точки зрения обеспечения национальной безопасности, перспектив их развития. Так, например, в разделе о военно-политических основах российской военной доктрины (2000 г.) говорится о современной военно-политической обстановке в мире, основных военных угрозах

безопасности страны (внешних и внутренних), определяются главные цели и содержание политики по обеспечению военной безопасности РФ, описывается военная организация государства и система руководства ею.²⁷

Схема № 1. Место военной стратегии в системе национальной безопасности

²⁷ Военная доктрина Российской Федерации (Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 21 апреля 2000) <http://www.ipmb.ru/1_3.html>

3. *Экономические основы военной стратегии.* Главная цель этой части военной стратегии - удовлетворение потребностей военной организации государства в финансовых средствах и материальных ресурсах. Так, в соответствии с военной доктриной РФ приоритетные задачи военно-экономического обеспечения включают: своевременное и в полном объеме (в пределах имеющихся финансовых ресурсов государства) финансовое обеспечение планов строительства и развития, боевой и мобилизационной подготовки ВС России; экономическое и финансовое обеспечение совершенствования стратегических и обычных вооружений, военной и специальной техники; создание экономических и финансовых условий для разработки и производства унифицированных высокоэффективных систем управления войсками и оружием, систем связи, разведки, стратегического предупреждения, радиоэлектронной борьбы, высокоточных, мобильных безъядерных средств поражения, а также систем их информационного обеспечения; осуществление военно-технического сотрудничества с иностранными государствами; повышение уровня жизни, реализация установленных федеральным законодательством социальных гарантий военнослужащим и членам их семей.²⁸ Создание прочных экономических основ военной организации государства – залог успешного претворения в жизнь военной стратегии, а также стратегии национальной безопасности в целом.

4. *Военное строительство.* Важная часть военной стратегии – подготовка ВС и всей военной организации государства к защите национальных интересов и обеспечению военной безопасности страны. Отечественные и зарубежные специалисты считают, что главными приоритетами военного строительства ядерных держав в современных условиях являются: создание единой системы управления военной организацией государства и обеспечение ее эффективного функционирования; развитие и совершенствование войск (сил), обеспечивающих стратегическое

²⁸

Там же.

сдерживание, в том числе ядерное; создание и поддержание в необходимой готовности структур для подготовки мобилизационных ресурсов и обеспечения мобилизационного развертывания ВС; комплектование, оснащение, всестороннее обеспечение и подготовка соединений и воинских частей к постоянной боевой готовности сил общего назначения для решения задач сдерживания и ведения боевых действий в локальных войнах и вооруженных конфликтах.

5. *Военное планирование и применение вооруженных сил* - в узком смысле это и есть военная стратегия. Военные планы и применение ВС диктуется, прежде всего, характером войны или вооруженного конфликта, в которых той или иной стране предстоит или приходится участвовать. Тип военной стратегии зависит от того, каковы военно-политические цели участников вооруженного противоборства, средства достижения этих целей (обычные или с использованием оружия массового поражения) и масштабами военных действий: конфликт либо локальная, региональная или крупномасштабная война. В свою очередь, это будет определять характер развертывания войск, структуру группировок, конкретный способ применения ВС.

Так, по мнению отечественных военных специалистов, например, локальная война может вестись группировками войск (сил), развернутыми в районе конфликта, с усилением их при необходимости за счет переброски войск, сил и средств с других направлений и проведения частичного стратегического развертывания вооруженных сил. В локальной войне стороны будут действовать в границах противоборствующих государств и преследовать ограниченные военно-политические цели.

Региональная война, которая может стать результатом эскалации локальной войны, вероятно, будет вестись с участием двух или нескольких государств одного региона, национальными или коалиционными вооруженными силами с применением как обычных, так и ядерных средств поражения. В региональной войне стороны будут преследовать важные военно-политические цели.

Наконец, крупномасштабная война потребует вовлечения в нее значительного количества государств различных регионов мира. Такая война с применением только обычных средств поражения будет характеризоваться высокой вероятностью перерастания в ядерную с катастрофическими последствиями для цивилизации, основ жизнедеятельности и существования человечества. В крупномасштабной войне стороны будут ставить радикальные военно-политические цели. Она потребует полной мобилизации всех материальных и духовных ресурсов государств-участников.²⁹

Разумеется, вышесказанное не исчерпывает содержания понятия «военная стратегия». Оно имеет гораздо больше граней и смыслов, чем было освещено в данном исследовании. Необходимо также помнить, что это понятие весьма подвижно, оно постоянно меняется вслед за происходящими в военно-политической обстановке, а также в военной технике и военном деле динамичными изменениями. Рассмотрим, как эволюционировали концептуальные основы военной стратегии за время существования человечества, и в каком состоянии находится современная военная мысль в данной сфере.

²⁹ Военная доктрина РФ 2000 г.; Кокошин А.А.. Стратегическое управление.

Схема 2. Декомпозиция понятия «военная стратегия»

§2. Эволюция доктринальных основ военной стратегии

Военная стратегия зародилась в глубокой древности параллельно с возникновением государственности и вооруженных сил и складывалась постепенно в зависимости от уровня развития экономики и общества, появления нового оружия и военной техники, с учётом практики войн. Смена этих факторов приводила к изменению характерных черт и содержания военной стратегии.

Военная стратегия государств Древнего Востока (Индия, Китай), а также Древней Греции и Древнего Рима первоначально ограничивалась проведением кратковременных походов на сравнительно небольшие расстояния, но затем приобрела значительный размах (Пелопонесская война (5 в. до н.э.), война греков с персами, походы Александра Македонского, Юлия Цезаря, римской армии периода империи). Постепенно стала зарождаться военная теория. Многие обществоведы и полководцы уже тогда рассматривали вопросы, относящиеся к подготовке и проведения войны (Сунь-цзы (конец 6 — начало 5 вв. до н. э.), древнеиндийская священная книга Архашастра (1 тысячелетие до н.э.) и так называемые законы Ману (1 в. до н.э.), «История Пелопонесской войны» Фукидида (5 в. до н.э.), Г. Ю. Цезарь (1 в. до н. э.), Фронтин, Оносандр (1 в. н. э.), Полоний и Вегетий (конец 4 — начало 5 вв. н. э.). Фронтин и Оносандр ввели термины "стратегикон", "стратегология", под которыми понимались способы ведения войны, т. е. вопросы стратегии в рамках того времени.

В средние века военная стратегия переживала определённый застой, т.к. феодальные государства Западной Европы преимущественно вели ограниченные по целям и масштабам междоусобные войны (10—15 вв.) и имели войска, по своему характеру не соответствовавшие стратегическому уровню. Походы кочевников (монголо-татары 13-14 вв.), располагавших крупными массами конницы и отличавшиеся наступлениями на

большую глубину (Чингисхан, Тимур и др.), вместе с тем, носили стихийный характер и не были подкреплены теорией стратегии.

Русская военная стратегия во 2-й половине 16 в. (Иван IV Грозный) характеризовалась нанесением последовательных ударов по Казанскому и Астраханскому ханствам, а в дальнейшем — сосредоточением усилий в борьбе за Прибалтику и за выход к Балтийскому морю. Во время Северной войны 1700—21 Петр I, продолжая борьбу за Прибалтику, искусно сочетал наступление и оборону и, используя все средства ведения войны на суше и на море для достижения решающего превосходства над противником и свободы маневрирования, успешно решил стратегическую задачу завоевания выхода в Балтийское море.

Что касается Западной Европы, то в 17—18 вв. в большинстве европейских армий получила всеобщее распространение так называемая кордонная стратегия: они стремились по возможности выиграть войну путём искусного маневрирования на коммуникациях противника, а также блокадой и захватом его крепостей.

Русская военная стратегия во 2-й половине 18 в., выраженная в деятельности полководцев П. А. Румянцева-Задунайского, А. В. Суворова и флотоводца Ф. Ф. Ушакова, отбросила принципы кордонной стратегии. Румянцев признавал приоритет политики над стратегией. Его действия предусматривали не только занятие территории противника, но и разгром его живой силы. Суворов развил военную стратегию Румянцева и заложил основы новой системы ведения военных действий, в которой стратегические цели достигались решительным наступлением, борьбой за инициативу, сосредоточением сил на решающих направлениях, смелым маневром. Ушаков добивался выполнения стратегических целей на море умелыми действиями главных сил, сочетанием маневра и огня и своевременным использованием резервов.

Глубокие изменения во взглядах на характер и способы ведения войны произошли в результате Великой французской

революции 1789 г. С одной стороны, стратегические цели войны стали достигаться решительным разгромом живой силы противника. С другой стороны, возросло значение стратегической обороны с целью удержания территории и создания условий для перехода в наступление.

Наступательная линия военной стратегии проявилась в действиях Наполеона I, которые характеризовались стремлением к достижению победы над противником в одном генеральном сражении. Наполеон нашёл в целом правильное стратегическое применение колоссальных вооружённых масс для разгрома сил врага, но его стратегия, выражавшаяся в конечном стремлении завоевать мир, не была лишена элементов авантюризма (что и предопределило его крах как полководца и политика).

Линия стратегической обороны получила развитие в русской военной доктрине М.И. Кутузова. Эта стратегия характеризовалась богатством применяемых стратегических приёмов борьбы (изматывание врага в ходе отступления, упорная оборона, контрнаступление и преследование), объединённых общим стратегическим планом, искусством управления несколькими армиями, действовавшими на огромном фронте, созданием и своевременным использованием стратегических резервов, сочетанием действий регулярных войск с партизанским движением. Стратегия Кутузова, отвечавшая целям справедливой оборонительной войны России, привела, в конечном счёте, к победе в войне с Наполеоном. Опыт Отечественной войны 1812 послужил основой для дальнейшего совершенствования военной стратегии России и европейских государств.

В начале 19 в. уже упоминавшийся классик военной стратегии К. Клаузевиц и швейцарец А. Жомини (последовательно находившийся на французской и русской военных службах) попытались сформулировать принципы военной стратегии в новых условиях. В своём главном труде "О войне" Клаузевиц, а Жомини в работах "Трактат о больших военных операциях" и "Очерки военного искусства" противопоставили кордонной стратегии 17-18 вв. необходимость

расчленения неприятельской армии и уничтожения её в решительном сражении (так называемая ударная стратегия). Они также постарались доказать существование у военной стратегии определенных принципов и закономерностей развития.

Труды Х. Мольтке (Старшего), несмотря на его спорные взгляды на отношения между войной и политикой, тем не менее, имели большое значение для развития военного искусства. Так, при ведении войн он придавал важное значение внезапности нападения, заблаговременному сосредоточению армий у границ враждебных государств. Сходные мысли развивали и французские военные теоретики Ж. Леваль в трудах "Введение к позитивной части стратегии" (1892), "Стратегия марша" (1893), "Стратегия сражения" (ч. 1—2, 1895—96) и Ф. Фош в своих трудах "Принципы войны" (1903) и "О ведении войны" (1904). Основной формой стратегических действий они признавали наступление и требовали сосредоточения сил по внутренним операционным линиям с целью разгрома важнейшей группировки противника.

С конца 19 в. военная стратегия Великобритании и США заключалась главным образом в обеспечении господства на море. Выражением характера английской и американской военной стратегии явилось развитие военно-морского флота, который занял главное место в вооруженных силах этих стран. Теоретиками так называемой «независимой» морской стратегии были английский военно-морской деятель Ф. Коломб, американский адмирал А. Мэхэн и их последователь — английский военно-морской историк Дж. Корбетт.

Военная стратегия большинства европейских стран перед Первой мировой войной 1914—18 исходила из необходимости ведения непродолжительной войны. Однако эти концепции оказались несостоятельными; план молниеносной победы провалился. Военная стратегия обеих коалиций с образованием сплошных позиционных фронтов долгое время не могла найти выход из образовавшегося "позиционного тупика". Стратегическое руководство Антанты лишь в 1918 г. оказалось

способным использовать своё превосходство над Германией в людских и материальных ресурсах и добилось победы над её армией.

В ходе войны возросли роль политического руководства, влияние политики на стратегию, политики стран коалиции на координацию вооруженной борьбы. Военная стратегия, как и прежде, направлялась на уничтожение живой силы противника и на захват или удержание территории. Её возможности с появлением новых средств борьбы (авиации, танков, подводных лодок) и усовершенствованием артиллерии возросли. Стратегические цели достигались проведением операций и боев. С образованием новых стратегических объединений — фронтов (групп армий) усложнилось стратегическое управление войсками, возросла роль стратегических резервов. Проблемы коалиционной военной стратегии — выработка единого плана действий, создание единого командования, единство политического и стратегического руководства, организация стратегического взаимодействия и многое др. — решались медленно и неуверенно.

В постреволюционной советской России, находившейся во враждебном ей окружении, вопросы военной стратегии занимали особое место. В 20-х гг. М. В. Фрунзе в произведениях "Единая военная доктрина и Красная Армия" (1921), "Фронт и тыл в войне будущего" (1925), "Итоги и перспективы военного строительства" (1925) и др. осветил характер современной войны, взаимосвязь стратегии и подготовки вооруженных сил в конкретных исторических условиях, значение техники и человека в войне, подготовку к ней народного хозяйства, роль тыла и снабжения. М. Н. Тухачевский в трудах "Стратегия национальная и классовая" (1920), "Война классов" (1921), "Вопросы современной стратегии" (1926) изложил главные принципы стратегии в будущей войне. Б. М. Шапошников в труде "Мозг армии" (т. 1—3, 1927—29) исследовал вопросы всесторонней подготовки государства к войне, роль Генштаба, основы коалиционной стратегии. В. К. Триандафиллов в работе

"Характер операций современных армий" (1929) пытался установить новые исходные положения о характере подготовки и ведения будущей войны (операции), вскрыл особенности её начального периода.

Перед началом Второй мировой войны советская военная доктрина исходила из того, что защита от нападения агрессоров будет достигаться решительным наступлением и согласованными усилиями всех видов вооруженных сил. Теория оборонительных операций разрабатывалась преимущественно в масштабе армии. Считалось, что внезапность является важным фактором победы в современной войне, однако проблема отражения внезапного нападения врага не была в должной мере разработана.

Что касается западных военных стратегов, то под влиянием опыта Первой мировой войны они переоценили роль в бою и операции авиации и танков. Это вызвало появление военных теорий о завоевании победы путём "воздушной войны" (Дж. Дуэ в Италии), "танковой войны" (Дж. Фуллер в Великобритании, Х. Гудериан в Германии) и др. Официальными военными доктринами считались концепции "тотальной и молниеносной войны" (Э. Людендорф, Германия), "морской силы" (Великобритания, США), "позиционной войны" (Франция).

Планируя нападение на Советский Союз, нацистская Германия в основу своей военной стратегии положило идею "молниеносной войны", рассчитывая разгромить СССР в одной военной кампании. Стратегический план ("план Барбаросса") предусматривал разгром советских Вооруженных Сил путём нанесения внезапных ударов крупными группировками войск при массированном использовании танков и авиации одновременно на московском, ленинградском и киевском стратегических направлениях, уничтожения главных сил Красной Армии в Прибалтике, Белоруссии и на Правобережной Украине. Затем имелось в виду стремительно продвинуться в глубь страны и овладеть Москвой, Ленинградом, Киевом, выйти на линию Архангельск — Волга и принудить СССР к капитуляции. Решающим видом действий считалось стратегическое

наступление. Возможности стратегической обороны и контрнаступления со стороны советских войск недооценивались.

Советскому руководству пришлось в короткие сроки переориентироваться с прежних (наступательных) концепций и решать сложный комплекс важнейших вопросов: стратегического развёртывания вооружённых сил с одновременной организацией активной стратегической обороны на всём фронте и на важнейших направлениях; правильного определения направлений главных ударов немецко-фашистских войск; глубокого построения имеющихся сил и средств и осуществления маневра ими; создания стратегических резервов и массированного использования их на решающих направлениях. Основным способом ведения стратегической обороны заключался в изматывании противника упорным сопротивлением на заранее созданных и естественных рубежах, срыв его замыслов контрударами и контратаками.

В результате борьбы двух стратегических линий, советской и нацистской, советская стратегия показала своё превосходство над противником и обеспечила достижение победы над его армией. Действия советского стратегического руководства после достижения перелома в войне характеризовались: решительностью целей; постоянной борьбой за захват и удержание стратегической инициативы; умелым выбором направлений главных ударов; смелым массированием сил и средств на избранных направлениях; искусным выбором разнообразных форм ведения операций; разработкой и практическим осуществлением стратегических операций групп фронтов, способов прорыва стратегического фронта противника, организацией и осуществлением постоянного взаимодействия фронтов, всех видов вооружённых сил; правильным использованием резервов; сочетанием действий войск на фронте с партизанским движением в тылу противника.

Появление после Второй мировой войны ракетно-ядерного оружия вызвало радикальнейший пересмотр взглядов на характер войны. Принципиальные изменения были внесены в военную

стратегию ведущих держав. Обладатели ядерного оружия возлагали большие надежды на его применение. Стратегическое командование получило возможность путём применения ракетно-ядерного оружия по объектам противника на большой глубине непосредственно решать крупные стратегические задачи. Это сказалось и на содержании военно-стратегических концепций. Так, США, будучи некоторое время монополистом на ядерное оружие, приняли в начале 1950-х гг. доктрину "массированного возмездия", исходящую из возможности ведения против СССР преимущественно ядерной войны.³⁰

В 1960-е гг. в связи с изменением соотношения сил между СССР и США, в частности из-за увеличения ядерных возможностей СССР), в США начался пересмотр ядерной доктрины. В 1962 г. была принята так называемая «стратегия гибкого реагирования». Составными частями этой доктрины являлись стратегические концепции «гарантированного уничтожения» (уничтожение противника ядерными ударами), «контрсилы» (уничтожение ядерных средств и других военных объектов) и «эскалации» (постепенное расширение и обострение военного конфликта, если это соответствует интересам США и их союзников).

Эта стратегия предусматривала также возможность ведения против социалистических стран войн разного уровня - всеобщей ядерной войны, ограниченной ядерной войны, обычной войны, войны, которая начинается обычным оружием с переходом к применению ядерного оружия, локальных войн. Доктрина «гибкого реагирования» в 1967 г. была принята Советом НАТО в качестве официальной доктрины этого военного блока.

В начале 1970-х гг. военно-политическое руководство США провозгласило так называемую стратегию "реалистического устрашения" (разновидность стратегии "гибкого реагирования"),

³⁰ О стратегической культуре США периода «холодной войны» см.: Gray C. War, Peace, and Victory. Strategy and Statecraft for the Next Century. N.Y.: Simon & Schuster, 1990.

в основу которой были положены превосходство в стратегических силах, партнерство со значительным увеличением военного вклада союзников по агрессивным блокам и переговоры с опорой на силу. Эта доктрина, сохранив прежние политические цели и взгляды на характер будущей войны, главный упор сделала на качественное совершенствование стратегических наступательных сил, особенно ядерных, и сил общего назначения, которые гарантировали бы уничтожение противника.

Советская военная стратегия, декларировавшая неприятие западных подходов к вопросам войны и мира, на самом деле также придерживалась принципов «ядерного устрашения», но в иных формулировках. Советская военная доктрина исходила из того, что новая мировая война явится решающим столкновением двух противоположных мировых общественно-экономических систем. Такая война со стороны СССР и др. социалистических стран, по мнению советских стратегов, была бы справедливой, направленной на защиту своей свободы и независимости.

Считалось, что главным средством ведения войны будут стратегические ядерные силы. При ведении ядерной войны могут применяться удары стратегических ядерных сил, стратегические операции на континентальных и океанских театрах военных действий, операции по разгрому авиационных группировок противника и действия по отражению его воздушно-космического нападения. По мнению советских военных специалистов, широкое применение в современных войнах найдут средства и способы радиоэлектронной борьбы. Окончательный разгром войск противника и захват его жизненно важных районов могут быть достигнуты в результате совместных действий сухопутных войск и других видов вооруженных сил.

При этом советские стратеги замалчивали потенциальные последствия применения ядерного оружия как для живой силы сражающихся армий, так и для мирного населения. Между тем, по данным независимых экспертов, США и СССР на пике «холодной войны» накопили такие запасы ядерного оружия, которые могли бы уничтожить все живое на планете 15 раз.

Окончание эпохи «холодной войны» внесло кардинальные изменения в военную стратегию большинства стран мира.

Во-первых, изменилась роль военной силы в современных международных отношениях и, соответственно, роль военного компонента в системе национальной безопасности ведущих стран мира. Военная сила рассматривается большинством государств мира (пожалуй, за исключением США) лишь как последнее средство в обеспечении своей безопасности и безопасности союзников. Предпочтение отдается другим, невоенным инструментам политики национальной безопасности.

Как и для многих стран для России на передний план вышли так называемые «мягкие» (невоенные) факторы безопасности. Поскольку реальной военной угрозы извне для России не существует, то вопросы «жесткой» (военной) безопасности потеряли свою былую значимость. Российское руководство оказалось перед совершенно новым для него спектром проблем, требовавших настоящего решения, - незащищенность новых границ РФ, незаконная миграция, терроризм, наркоторговля, контрабанда, религиозный, национальный и политический экстремизм, сепаратизм, притеснения русскоязычных в бывших советских республиках, массовые заболевания и эпидемии: СПИД, мультирезистентный туберкулез, дифтерия, гепатит и пр.

Следует отметить, что прошло немало времени прежде, чем Москва отрешилась от традиционного подхода к вопросам безопасности, и пришло понимание первоочередной важности именно «мягкой», а не «жесткой» безопасности, внутренних, а не внешних угроз России. В военной доктрине РФ 1993 г. внешние источники угрозы российской безопасности еще стоят на первом месте. В ней упоминаются локальные конфликты вблизи российских границ, территориальные претензии к РФ со стороны иностранных держав, расширение военных альянсов и т.д.³¹

³¹ Основные положения военной доктрины Российской Федерации // Известия, 1993, 18 ноября; Красная звезда, 1993, 19 ноября.

Лишь в концепции национальной безопасности 1997 г. впервые была четко сформулирована мысль о том, что наиболее серьезные угрозы безопасности страны проистекают не извне, а изнутри самой России, и к их числу относятся такие факторы, как системный экономический кризис, социально-политическая напряженность, национализм, религиозный экстремизм, сепаратизм, терроризм и пр.³²

Вслед за пересмотром роли военной силы во внешней политике государства произошли изменения и в доктринальных основах военной стратегии большинства стран мира. Бывшие соперники по «холодной войне», прежде всего, США и Россия, больше не ставят перед собой цель подготовки к полномасштабной термоядерной войне друг с другом.

Так, сложившаяся еще в 1990-е гг. новая стратегия национальной безопасности США, которую иногда называют стратегией "пост-сдерживания", учитывает возрастающее политическое и экономическое значение внешней политики. Опора на военную силу остается важным компонентом этой политики, но значимость этого фактора сильно уменьшилась за последние 15 лет. «Сдерживание путем устрашения» еще остается официальной военной доктриной США, т.к. наличие ядерных арсеналов у других государств, в том числе у недружественных по отношению к Вашингтону режимов, а также интенсивное развитие вооруженных сил ведущих стран "третьего мира" не дают оснований для полного отказа от этой концепции.

И все же эта доктрина сильно изменилась как по форме, так и по содержанию. В отношении России политика ядерного сдерживания ныне является весьма условной, т.к. даже самые консервативные военные стратеги США прекрасно отдают себе отчет в том, что у Москвы нет агрессивных намерений в отношении США и их союзников. Острие американской политики ядерного устрашения ныне направлено в основном

³² Концепция национальной безопасности Российской Федерации // Российская газета, 1997, 26 декабря, с. 4-5.

против потенциально опасных для Вашингтона государств, которые быстро наращивают свою экономическую и военную мощь, как Китай, или стремятся к обладанию оружием массового уничтожения (ОМУ) и средствами его доставки — Ирак до войны 2003 г., Иран, Северная Корея и пр.

Изменения доктринально-концептуальной основы военной стратегии сказались и на отношении военных стратегов к ядерному оружию как таковому и его роли в обеспечении военной безопасности страны.³³ Поскольку ядерный арсенал ведущих стран мира рассматривается стратегами как своего рода условно-символический, не предназначенный для реального использования инструмент, отпала необходимость в его постоянном наращивании и прекратилась гонка ракетно-ядерных вооружений. США и Россия как по обоюдному соглашению, так и в одностороннем порядке взяли курс на глубокие сокращения стратегических вооружений, в основном за счет списания устаревших систем. Ставится задача сократить эти вооружения до разумного предела, так, чтобы сохранялся потенциал устрашения и, вместе с тем, чтобы содержание оставшихся систем вооружений не было чрезмерно дорогостоящим. При этом сокращение ядерных потенциалов США и РФ не означает отказ от модернизации этих арсеналов. Избавляясь от устаревшего оружия, обе страны регулярно пополняют свои ядерные запасы новейшими, более надежными и высокоточными системами.

Те же самые требования — быть более компактными и эффективными предъявляются современными военными стратегами и к обычным вооруженным силам. Наряду со снижением общей численности войск за последние полтора-два десятилетия (американская армия сократилась с 2,5 млн. чел. до 1,6 млн. чел., российская — с 2,8 млн. чел. до 1,2 млн. чел.), возросло количество частей мобильного характера, а также подразделений, находящихся в полной боевой готовности.

³³ Кокошин А.А., Веселов В.А., Лисс А.В. Сдерживание во втором ядерном веке. М.; РОССПЭН, 2001.

Современная военная стратегия ведущих стран мира ныне нацелена на применение вооруженных сил, прежде всего, в локальных конфликтах внутри страны (Чечня) или за рубежом (Косово, обе войны в Персидском заливе).

Так, военная стратегия США 2005 г., получившая название «реагирование на кризисы» (другое название – «доктрина Рамсфелда» по имени тогдашнего министра обороны), требовала, чтобы вооруженные силы США были готовы эффективно вести боевые действия в региональных конфликтах самостоятельно или во взаимодействии с союзниками. Скоротечность кризисов предполагала применение мощных ВС, способных быстро реагировать на изменения обстановки и использоваться в широком диапазоне, от нанесения одиночного выборочного удара до крупномасштабной операции.

Масштабы реагирования ограничивались требованием к ВС быть способными действовать в одном "существенном региональном кризисе" и иметь силы для одновременного обеспечения американских интересов в других районах. Эта же стратегия требовала американского присутствия на передовых рубежах и включала осязаемую демонстрацию американского намерения обеспечить свои интересы военным путем. Это должно было достигаться размещением на постоянной или ротационной основе группировок вооруженных сил, обеспеченных соответствующим базированием; заключением соглашений с союзниками и дружественными странами о доступе к базам и складам; совместным планированием и проведением учений и др.³⁴

Вместе с тем, коренным образом изменилась конфигурация размещения американских ВС за рубежом. Наряду с общим сокращением американского военного присутствия в мире (особенно в Европе, Южной Корее и в азиатско-тихоокеанском регионе в целом), поменялась и концептуальная база стратегии присутствия. От доктрины «передовой обороны» периода

³⁴ <http://www.defenselink.mil/news/Mar2005/d20050318nms.pdf>.

«холодной войны», которая состояла в сдерживании противника по всему миру на максимальном удалении от своей территории, США за последние 15-20 лет постепенно перешли к стратегии «выборочного присутствия» и «гибкой вовлеченности», что предполагает концентрацию американской военной мощи только в тех регионах, где это действительно потребуется с точки зрения американских военно-стратегических интересов.

В современных условиях изменился характер войн, что также диктует необходимость внесения корректив в военную стратегию. Ныне ведущие державы мира, в основном, вынуждены иметь дело не с «классическими» межгосударственными войнами, а с контртеррористическими, противоповстанческими, миротворческими операциями, «гуманитарными интервенциями». Это требует принятия на вооружение новых методов ведения военных действий, иных принципов комплектации вооруженных сил и обучения личного состава, новых видов вооружений и боевой техники.

Наконец, на военную стратегию ведущих стран мира большое влияние оказывает также развернувшаяся с рубежа 1980-1990-х гг. «революция в военном деле» (РВД). Несмотря на разницу во взглядах, большинство и отечественных, и зарубежных специалистов сходятся во мнении, что главной чертой этой революции является активное внедрение в военное дело информационных технологий, которые радикально меняют характер современной войны в целом и проведения отдельных боевых операций в частности.

Ключевым компонентом информационной войны является внедрение концепции «командование, контроль, коммуникация, компьютеры, разведка, наблюдение и рекогносцировка» (К⁴РНР),³⁵ которая, по замыслу стратегов, должна обеспечить единство управления планированием и проведением боя в режиме реального времени. При такой организации боевых

³⁵ В английском варианте – command, control, communication, computers, intelligence, surveillance and reconnaissance (C⁴ISR).

операций обеспечивается быстрота и скоординированность действий подразделений, предоставление большей инициативы и полномочий командирам на поле боя («сетевой», а не иерархический принцип ведения боя), точечное нанесение ударов по противнику, многомерность и гибкость использования различных средств борьбы, что подавляет волю противника к сопротивлению и обеспечивает успех.

В понятие РВД входит также разработка, принятие на вооружение и активное применение высокоточного оружия. Последнее позволяет не только быстро и эффективно поразить цели, но и избежать ненужных средств среди гражданского населения. По мнению, скажем, американских военных, такое оружие особенно необходимо для «войн с режимами», т.е. для войн, в которых ставится цель не захватить и удержать территорию противника, а заставить правящий режим с помощью точечных ударов изменить свою политику или вообще уйти его в отставку.

Наконец, еще одной чертой РВД стало активное внедрение оружия, позволяющее бесконтактное ведение боя: авиация дальнего действия, беспилотные самолеты, ракеты различных систем, бомбы лазерного наведения, космическое оружие, различные системы оружия, нацеленного на выведение из строя средств связи и командования противника. Применение этих средств не только сводит к минимуму собственные потери в живой силе и технике, но оказывает особое психологическое воздействие на противника, которого уничтожают без физического контакта с ним собственной живой силой.

Несмотря на очевидный эффект РВД для повышения боевого потенциала ВС США и других ведущих стран мира, ряд экспертов призывает быть более сдержанными и не полагаться чрезмерно на новую военную технику и информационные технологии, напоминая о печальном опыте концепций «воздушной» и «танковой» войн, модных в ряде западных стран перед Второй мировой войной.

Специалисты, например, указывают на опыт современных войн и конфликтов в Югославии, Афганистане и Ираке, когда гораздо хуже вооруженному противнику в ряде случаев удавалось эффективно противостоять силам США и НАТО и даже наносить последним ощутимые потери. Тот факт, что НАТО не решилась на наземную войну с Югославией в 1999 г. и предпочло пойти на переговоры, говорит о том, что в ряде случаев полная победа с помощью «бесконтактных» методов ведения войны невозможна. Не помогла новейшая военная техника США и их союзникам достичь своих военно-политических целей и в случае с Афганистаном и Ираком, где до сих пор активно действует вооруженная оппозиция.

Ряд экспертов задается вопросом, а насколько военные структуры ведущих стран мира готовы к внедрению результатов РВД в свою деятельность с точки зрения внутренней организации ВС, их размещения, квалификации персонала, финансовых возможностей? Часть специалистов выражает сомнение, что даже США с их огромными финансовыми и техническими возможностями в состоянии полностью реорганизовать свои ВС на принципах РВД. Даже такой энтузиаст РВД как бывший министр обороны США Д. Рамсфелд был вынужден признать, что в обозримом будущем США способны внедрить достижения РВД только в частях и подразделениях, составляющих не более 5-10%.³⁶

Еще одна сходная проблема – это способность союзников США по НАТО по-настоящему «примкнуть» к РВД. У них совершенно иные геополитические амбиции, чем у США. Они по-другому воспринимают задачи ВС и, соответственно, по-иному ведут военное строительство и планирование. Они существенно отстали от США в сфере военных технологий. По этой причине некоторые эксперты заговорили о «военном

³⁶ New Roles of Military Forces, p. 105.

отставании» Европы от США и даже о «зияющей пропасти» между ними в области РВД.³⁷

Суммируя сказанное в данном разделе, отметим, что процесс пересмотра ведущими державами мира своей военной стратегии применительно к новой международной обстановке еще не завершен, а сама стратегия еще не получила законченного вида. Думается, что этот процесс получит свое завершение лишь с окончанием переходного периода в современной мировой политике и формированием нового мирового порядка.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

1. Что значит узкая трактовка понятия «военная стратегия» и кто являлся (является) её сторонниками?
2. Чем отличается широкая трактовка «военной стратегии» и кто развивал (развивает) эту концепцию?
3. В чем состоит современная трактовка военной стратегии, из чего она складывается?
4. Дайте подробную структурную характеристику современной военной стратегии.
5. Как соотносятся стратегия национальной безопасности и военная стратегия?
6. Каковы основные этапы в эволюции доктринальных основ военной стратегии?
7. Какое влияние на военную стратегию оказало появление ядерного оружия?
8. С чем связаны изменения в военной стратегии США и России после окончания «холодной войны»?
9. Какое влияние оказала на военную стратегию ведущих стран мира революция в военном деле?
10. Что такое стратегия «пост-сдерживания»?

³⁷ Ham P., Kugler R. Western Unity and Transatlantic Security Challenge // The Marshal Center Papers, 2002, no. 4., P. 20-26

ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ САМОПОДГОТОВКИ

1. Внешняя политика и безопасность современной России: в 4-х томах / Сост. Т.А. Шаклеина. М.: РОССПЭН, 2002.
2. Военная сила в международных отношениях. Учебное пособие. / Под ред. В.И. Аннекова. – М.: Русавиа, 2009.
3. Власов Н.А., Малыгина А.А., Павлов А.Ю. Военная стратегия ведущих держав Западной Европы. - СПб: Изд-во СПбГУ, 2009.
4. Гареев М.А. М.В.Фрунзе – военный теоретик. М.: Воениздат, 1985
5. Говард М. Большая стратегия. Под ред. и с предисл. О.А.Ржешевского. М.: Воениздат, 1980
6. Клаузевиц К. О войне. М.: Наука, 1999
7. Кокошин А.А. Армия и политика. М.: ИМО, 1995
8. Кокошин А.А.. Стратегическое управление. Теория, исторический опыт, сравнительный анализ, задачи для России. М.: РОСПЭН, 2003 // <http://www.ipmb.ru>
9. Кокошин А.А., Веселов В.А., Лисс А.В. Сдерживание во втором ядерном веке. М.; РОССПЭН, 2001.
10. Колобов А.О. Специальные операции в мировой политике. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2004.
11. Комов С.А. О способах и формах ведения информационной борьбы // Военная мысль, 1997, № 4.
12. Коньшев В.Н. Военная стратегия США после окончания холодной войны. - СПб: Наука, 2009.
13. Проблемы безопасности и военно-силовой политики в международных отношениях. - СПб: Изд-во СПбГУ, 2007.
14. Рыхтик М.И. Безопасность Соединенных Штатов Америки. История, теория, политическая практика. - Н. Новгород: Издательство Нижегородского госуниверситета, 2004.
15. Сергунин А.А. Эволюция военной стратегии: история и современность // Региональные аспекты международных

- отношений: история и современность. Н. Новгород: Издательство ННГУ, 2009. С. 11-17.
16. Стратегия в трудах военных классиков. / Под ред. А. Свечина. М.: Госвоениздат, 1926
<militera.lib.ru/science/classics2/index.html>
 17. Ядерное оружие после «холодной войны» / Под ред. А. Арбатова и В. Дворкина. (Московский Центр Карнеги). М., 2006.
 18. American defense policy / Ed. By Bolt P. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2005.
 19. Conflict after the cold war / Ed. by R. Betts.. – Boston: Allyn and Bacon, 1994.
 20. Gray C. War, Peace, and Victory. Strategy and Statecraft for the Next Century. N.Y.: Simon & Schuster, 1990.
 21. New roles of military forces. Global and local implications of the Revolution in Military Affairs / Ed. By B. Heurlin, K.S. Kristensen, M.V. Rasmussen & S. Rynning. Copenhagen: Danish Institute for International Studies, 2003.
 22. Non-offensive defence for the twenty-first century / Ed. by Moeller B., Wiberg H. Boulder & London: Westview, 1994.

ГЛАВА III. СОВРЕМЕННАЯ ВОЕННАЯ СТРАТЕГИЯ США

Полное представление о военной стратегии США дает не только текст публикуемой Национальной военной стратегии, но также целый ряд других документов: Стратегия национальной безопасности, Четырехгодичный обзор по безопасности, Национальная оборонная стратегия, Полевые уставы, Дорожные карты развития отдельных видов вооруженных сил, военные доктрины и официальные разъяснения, публикуемые министерством обороны, объединенным комитетом начальников штабов, министром обороны и президентом США³⁸.

§1. Угрозы, стратегические концепции, военное строительство

Угрозы военной безопасности США. В доктринальных документах, отражающих современную стратегию США, обнаруживается несколько тенденций в оценке угроз. Прежде всего в них следует отметить расширительное толкование содержания угроз/вызовов за счет повышения внимания к их невоенной составляющей. Это объективно способствует размыванию критериев применения военной силы и увеличению доли нетрадиционных миссий, выполняемых вооруженными силами США.

С точки зрения масштабов угроз, у США в среднесрочной перспективе нет сравнимого по силе соперника в лице другого государства. Такого рода угрозы стали восприниматься как региональные. По сравнению с периодом «холодной войны» произошло очевидное снижение их интенсивности. В этой связи в доктринальных документах все чаще вместо термина «угроза»

³⁸ См. подробнее: Коньшев В.Н. Военная стратегия США после окончания холодной войны. - СПб: Наука, 2009.

используется «вызов», который не предполагает обязательного военного реагирования.

Начиная уже с 1990-х гг. возросло внимание к асимметричным угрозам безопасности со стороны более слабых государств и негосударственных субъектов политики. Теракт 11 сентября 2001 г. лишь подчеркнул парадокс безопасности, когда единственная супердержава оказалась беззащитной перед террористической атакой, которая потрясла Америку.

Стало очевидно, что уязвимость от асимметричных угроз не компенсируется традиционными показателями военной мощи государства. Власти США пришли к убеждению, что в новых условиях потребуются не только расширение спектра миссий, выполняемых министерством обороны, но также более активное использование сил специальных операций и усиление разведывательной деятельности в глобальном масштабе.

Еще одно следствие теракта 11 сентября состояло в том, что в политике национальной безопасности произошел перенос акцента на обеспечение внутренней безопасности при активном участии министерства обороны. Это способствует не только усилению тенденции односторонности во внешней политике, но и развитию серьезной проблеме управления: как наладить постоянное и эффективное взаимодействие военных и разведывательных служб с одной стороны, и гражданских — с другой.

В доктринальных документах наблюдается отказ от узкого государственно-центричного восприятия источника угроз в пользу негосударственных субъектов политики и тенденций глобального развития международной системы. Это усложняет стратегическое планирование и межгосударственные отношения в сфере безопасности в целом, а для США еще и ведет к глобализации масштабов политики национальной безопасности. Борьба с негосударственными акторами неизбежно влечет за собой проблемы международно-правового характера по легитимации военно-силовых действий. Конечно, нельзя забывать, что при оценке угроз государства, как акторы, отходят

на второй план только в силу того, что у США пока нет сравнимого по силе соперника.

В доктринальных документах изменился и принцип оценки угроз. Вместо привязки угроз к конкретному государству США готовятся к отражению всего спектра потенциально возможных угроз/вызовов как военно-силовым путем, так и с помощью оказания влияния на крупнейшие государства. Именно поэтому информационные операции возведены в разряд стратегических. США избегают называть потенциальных противников, за исключением государств-«изгоев», которые значительно слабее. В то же время очевидно, что любое сильное государство, не являющееся американским союзником, военная стратегия рассматривает как потенциального противника.

Из анализа доктринальных документов следует, что США намерены продолжать укреплять свой военный потенциал, направленный против России. Конечно, интенсивность и масштаб угроз со стороны России снизились в связи с экономическим упадком и сломом советской системы. Но с точки зрения стратегии, главной причиной сохранения системы военного сдерживания служат не политические противоречия, а наличие сравнимых с американскими стратегических ядерных сил России. Поэтому президент Б. Обама не отказался от планов развертывания элементов американской ПРО в Восточной Европе. Наоборот, был принят план поэтапного развертывания ПРО на более совершенной технической базе, включающей мобильные элементы сухопутного и морского базирования.

Следует ожидать и продолжения политики США, направленной на строительство военных баз по периметру России, в том числе на Кавказе и в бывших союзных республиках Средней Азии. О преемственности на данном направлении постепенная активизация США в этих регионах, также сохранение поста министра обороны за Р. Гейтсом, который занимал этот пост еще в предыдущей администрации Дж. Буша-младшего, практически до последнего года президентства Б. Обамы.

Однако фокус стратегического планирования США постепенно смещается на противостояние с Китаем. Американские исследователи отмечают, что в последнее десятилетие стратегическая ситуация в Юго-Восточной Азии складывается в пользу усиления региональных позиций Китая во всех аспектах: экономическом, политическом, дипломатическом и военном. Военные возможности Китая уже поставили на грань риска баланс сил в АТР, где США претендуют на ведущие роли. Китай продолжает вкладывать деньги в развитие асимметричных средств борьбы с акцентом на электронные и информационные технологии; оружие перехвата космических объектов; крылатые и баллистические ракеты; системы противовоздушной обороны; новое поколение торпед и подводных лодок; стратегические ядерные силы наземного и морского базирования; беспилотные летательные аппараты. На этом фоне не случайно было принято решение о наращивании американского военно-морского присутствия в АТР. Принятая в январе 2012 г. новая военная доктрина Б. Обамы подтвердила тенденцию на усиление противостояния США и Китая в региональном и глобальном масштабах.

Эволюция стратегических идей. Для эволюции стратегических концепций после окончания холодной войны характерны следующие черты.

В начале 1990-х гг. США не имели планов глобального военного доминирования в международной системе. Считалось, что после поражения главного антагониста в лице СССР больше нет оснований для острых противоречий и конфликтов, а потому роль военной силы как инструмента международной политики будет значительно ниже, чем в годы «холодной войны». Предполагалось, что лидерство США будет обеспечиваться вполне «естественным» ходом дел: технологическими преимуществами, экономической мощью, контролем над глобальными экономическими процессами и политическим авторитетом США.

Несмотря на временное сокращение финансирования оборонных расходов в 1990-х гг., военная стратегия США всегда предполагала сохранение или поступательное наращивание боевой мощи и эффективности вооруженных сил США. В отличие от реформ в современной России, которые нередко начинаются и заканчиваются численными сокращениями, фокус американских реформ состоит в постоянной оптимизации сил и средств для последующего повышения боевых качеств армии.

Гегемонистская тенденция в военной стратегии США проявляется в середине 1990-х гг. Сначала это происходит на фоне непредсказуемости и множественности угроз, с которыми столкнулись многие государства, и устойчивой дестабилизации международной системы в целом. Затем эта тенденция закрепляется во второй половине 1990-х гг. из-за неспособности США контролировать мировой порядок несиловыми методами и утратой позиций безусловного лидера. Теракт 11 сентября лишь освободил руки сторонником установления американской гегемонии по всем направлениям: экономическому, политическому и военному.

Доктрина «превентивных действий» Дж. Буша-младшего (2002 г.), которая ставит международное право и международные организации в положение, подчиненное национальным интересам США, стала логическим завершением эволюции американской стратегии после окончания «холодной войны». Она является воплощением общеполитической идеи гегемонии, ставшей сердцевиной внешней политики Дж. Буша-младшего. Согласно этой стратегии, США делали ставку на односторонние действия и превентивные удары по государствам, которые они считают опасными (например, спонсоры терроризма).

Б. Обама, следующему президенту США, пришлось отказаться от столь прямолинейных амбиций на силовое укрепление мирового господства. Он перенес акцент на невоенные составляющей силы государства: дипломатия, многосторонние коалиции, экономическое лидерство и привлекательность американского образа жизни.

После окончания «холодной войны» в США не было выработано всеобъемлющих военных стратегий в силу разнообразия угроз и неопределенности вероятного противника. Эволюция стратегической мысли шла по линии создания концепций оперативно-тактического уровня. В конкретных исторических условиях США могли позволить себе достигать стратегические цели в ходе краткосрочных операций регионального масштаба, которые проводятся небольшими мобильными силами, использующими интегральную автоматизированную систему боевого управления и достижения революции в военном деле.

Характерными чертами новых стратегических и оперативно-тактических концепций стали стремление создать военную инфраструктуру и военное присутствие за рубежом, позволяющие проводить операции в любой точке планеты; привлечение вооруженных сил к выполнению нетрадиционных для военных миссий на регулярной основе; использование достижений революции в военном деле, позволяющее решать задачи меньшими силами, чем любая современная регулярная армия; отказ от иерархии в управлении боевыми действиями в пользу идеи сетевого управления, дающего больше инициативы низовому командному звену без потери общей управляемости; опора на принцип нелинейности в планировании и проведении операций, позволяющий вместо атаки на полное уничтожение выявлять и отслеживать в режиме реального времени стратегически важные элементы боя и нанесением точечных ударов быстро добиваться победы.

Современная ядерная стратегия США направлена на то, чтобы при любых обстоятельствах не снижался общий потенциал стратегических сил. Ядерное оружие сохранило свою значимость как средство сдерживания. Однако в условиях постепенного распространения ядерного оружия за пределы круга великих держав и изменения характера угроз стало сложнее оценивать риск его применения. Еще в большей мере это касается тактического ядерного оружия. Отрыв в развитии неядерных

стратегических сил способен существенно поменять баланс сил в российско-американских отношениях и в международной системе в целом в пользу США.

Военное строительство. После окончания «холодной войны» в США не прекращаются дискуссии и поиски для оптимального пути реформирования вооруженных сил применительно к новым задачам. При этом, безусловно, дальнейшее развитие вооруженных сил будет происходить в русле максимальной реализации достижений революции в военном деле. Замедлять эту тенденцию будут, видимо, только бюджетные ограничения, вызванные экономическими проблемами.

Глобальный масштаб стратегии США продиктовал принципиально новый подход к строительству вооруженных сил. В его основу положен принцип максимально широкого спектра возможностей, а не угроз, исходящих от конкретных государств. Тем самым вооруженные силы готовятся побеждать любого противника не только в настоящем, но и в обозримом будущем. Однако такой затратный путь реформ едва ли под силу даже США. По крайней мере, военные кампании в Ираке и Афганистане, требующие увеличения затрат, привели к сокращению инвестиций в реформы по «трансформации».

Реформы вооруженных сил, начатые еще министром обороны Д. Рамсфелдом, опираются на несколько компонентов:

- модульность подразделений, позволяющая формировать оперативно-тактические соединения под конкретную задачу без боевого слаживания;
- интегрированная автоматизированная система управления боевыми действиями C⁴ISR, которая дает возможность в режиме реального времени использовать информацию как ресурс военной мощи;
- универсальный набор функций, выполняемых вооруженными силами как единым целым;

- глобальная инфраструктура, позволяющая быстро сосредотачивать в любой точке планеты необходимые силы и средства для нанесения опережающего удара.

Новые вооруженные силы, создаваемые по принципам «трансформации», по замыслу авторов реформ, получат значительные преимущества перед регулярной армией любого потенциального противника. Это превосходство в мобильности, маневре, точечном ударе, адресной логистике, стратегически выгодном базировании в важнейших регионах мира, интегрированной автоматизированной системе боевого управления, позволяющей принимать решения в режиме реального времени.

В то же время вооруженные силы США, расквартированные за рубежом, уязвимы в том плане, что их преимущества в значительной мере основаны на использовании большого количества сложной техники, связанной в единую сеть информационными технологиями. Уязвимы распределенные по всему миру элементы военной инфраструктуры (базы, склады, порты, аэродромы, элементы ПРО). Даже не уничтожение, а блокирование доступа к ним способно свести на нет многие преимущества вооруженных сил США, несмотря на развитые экспедиционные возможности.

С учетом собственных глобальных интересов, а также расширения и непредсказуемости спектра угроз, США делают особый упор на развитие сил специальных операций. Эти подразделения ориентированы на постоянное выполнение военных, полувоенных, информационных, тайных и других миссий в условиях мирного и военного времени в десятках стран.

Разработка неядерных стратегических сил, с одной стороны, – вполне закономерный ответ США на ситуацию, когда ядерные силы перестали играть роль сдерживания в том виде, как это было в годы холодной войны. С другой стороны, отрыв США в данной области может привести к тому, что неядерные стратегические силы будут способны нейтрализовать

гарантированный ответный удар стратегическими ядерными силами.

§2. Особенности американской военной стратегии при Б. Обаме

Военно-политическая составляющая внешней политики администрации Б. Обамы формировалась медленно и с большими трудностями. Стратегия национальной безопасности США появилась в свет только в 2010 г. - только на второй год президентства. В то же время целый ряд факторов потребовал новых решений в области военной стратегии.

Прежде всего, это геополитические изменения. Нестабильность постепенно охватывает страны Северной Африки в результате серии «цветных революций», которые перекинулись и в Сирию. Эти процессы грозят дестабилизацией всего Ближнего и Среднего Востока. Они напрямую затрагивают безопасность и ближайшего союзника США в регионе – Израиль.

Растет напряженность в отношениях США и Евросоюза с Ираном, которая может обернуться новым военным конфликтом в зоне Персидского залива и далеко идущими последствиями глобального масштаба.

Выросла обеспокоенность США по поводу наращивания военного потенциала Китая, который не исключает «силового варианта» решения тайваньской проблемы, если Тайбэй продолжит курс на закрепление своей независимости.

Другие обстоятельства носят внутривнутриполитический характер. Продолжающийся экономический кризис в самих США и в мире в целом поставил Б. Обаму перед необходимостью серьезного сокращения военных расходов. В сложившихся условиях США просто не смогут содержать прежнее количество вооруженных сил, находящихся в состоянии постоянной боевой готовности.

В связи с этим к 2020 г. было запланировано существенное сокращение личного состава сухопутных сил США. По самому скромному варианту - с 570 тыс. до 482 тыс. чел., а по более

радикальному – до 360 тыс. чел. Готовится сокращение корпуса морской пехоты с 220 до 175 тыс. чел. (или даже до 154 тыс. чел.). Численность гражданских служащих министерства обороны должна уменьшиться на 20% (до 630 тыс. чел.) или на 30% (до 550 тыс.). Сокращаются «силы передового базирования» США в Европе и Азии со 150 до 100 тыс. чел. Общий объем «экономии» военного бюджета должен составить за ближайшие десять лет 450 млрд. долл. (реалистичный вариант) или 1 трлн. долл. (наиболее радикальный вариант, против которого возражают сами военные и нынешний министр обороны Л. Панетта).³⁹ Планируется также введение системы строгого аудита министерства обороны, известного своей расточительностью и коррупционными связями с военно-промышленным комплексом.

Борьба за сокращение военных расходов складывалась для Б. Обамы не просто, о чем говорит динамика военных расходов за последние годы (см. Таблицу 1). Согласно этим данным, военные расходы значительно росли с самого начала его президентства по сравнению с администрацией Дж. Буша-младшего. И лишь на 2012 г. запланировано резкое сокращение расходов за счет прекращения или уменьшения масштабов военных кампаний в Ираке и Афганистане – на 42 млрд. долл.

Таблица 1. Динамика военных расходов США за 2007-2013 гг.⁴⁰

Годы	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013 запрос
Общие расходы в	601	665	666	691	687	645	613

³⁹ The Future Military: Your Budget Strategy // The New York Times, January 2, 2012 // <http://www.nytimes.com/interactive/2012/01/02/us/you-cut-the-defense-budget.html?ref=us>

⁴⁰ Данные приводятся по: United States Department of Defense Fiscal Year 2013 Budget Request. Overview – Washington: Office of the Undersecretary of Defense (Controller)/ CFO, 2012. – P.1-2.

	млрд. долл.						
Из них базовые расходы (без учета зарубежных операций)	432	479	513	528	528	530	525
Из них операции за рубежом	169	187	153	163	159	115	88.5

С большим запаздыванием, 5 января 2012 г. в США был опубликован документ министерства обороны под названием «Поддержка глобального лидерства США: приоритеты для XXI века»⁴¹, в котором вводятся заметные изменения в военную доктрину США. Опубликованный документ служит руководством для будущего развития ВС США, определения их структуры и состава, планирования операций, а также для составления военного бюджета. Документ не является военной стратегией в полном смысле этого слова, хотя именно так его именуют в прессе. Он лишь уточняет ряд положений Национальной оборонной стратегии (2008 г.) и Национальной военной стратегии США (2011 г.). Анализируемый документ также разъясняет, каким образом министерство обороны США будет обеспечивать выполнение задач по реализации более общего документа – Стратегии национальной безопасности 2010 г.

В этой связи новая доктрина содержит точку зрения военных на цели и задачи Пентагона, характер военно-политической обстановки в мире, оценку вызовов и рисков, с которыми могут столкнуться ВС, и пути достижения поставленных задач. То есть

⁴¹ Sustaining Global Leadership: Priorities for 21th Century Defense. – Washington: Department of Defense, 2012. URL: <http://graphics8.nytimes.com/packages/pdf/us/20120106-PENTAGON.PDF>

она имеет преимущественно инструментальный характер и конкретизирует, каким образом будут на практике решаться стратегические задачи в области национальной безопасности США.

Обновление военной стратегии появилось с таким запаздыванием потому, что стремление президента к отказу от откровенной силовой гегемонии времен Дж. Буша-младшего и сокращению военного бюджета наталкивалось на серьезное торможение в коридорах власти. В этих обстоятельствах Б. Обама приходилось постоянно искать сложные компромиссы не только в своем ближайшем окружении, но и в конгрессе, где он постепенно терял поддержку. Против намеченного сокращения военного бюджета активно лоббировал военно-промышленный комплекс. Этими проблемами и объясняется тот факт, что документ «Поддержка глобального лидерства США» вышел практически в последний год президентства. Главная задача Р. Гейтса состояла в том, чтобы подготовить программу сокращений военного бюджета и помочь убедить в ее необходимости «ястребов».

В первой части военной доктрины Б. Обамы указаны стратегические приоритеты. Во-первых, сделан особый акцент на военное присутствие на Среднем Востоке и в Азиатско-тихоокеанском регионе (АТР). Конечно, это не отменяет ранее принятых Соединенными Штатами обязательств по обеспечению безопасности в других регионах. Наоборот, документ провозглашает, что США будут по-прежнему занимать доминирующее военное положение в глобальном масштабе. Сохранить оперативные и стратегические возможности ВС планируется за счет их качественного улучшения: технологического переоснащения, улучшения организации и взаимодействия и пр.

По существу в единое целое увязывается сразу несколько регионов: Ближний и Средний Восток, Персидский залив, Южная Азия и АТР. В документе говорится, что «экономические интересы и интересы безопасности США неразрывно связаны с

«аркой», опоясывающей Азию с юга - от западной части Тихого океана и Восточной Азии до Индийского океана и Южной Азии».⁴²

При этом что Китай вызывает все большую тревогу у администрации Б. Обамы. В отношении Пекина США все более склоняются к политике стратегического соперничества. Если в Национальной оборонной стратегии 2008 г. говорилось о намерении развивать контакты по линии министерств обороны двух государств,⁴³ то в «Поддержке глобального лидерства США» подчеркивается, что, наряду с продолжением диалога с КНР, США сделают все необходимое, чтобы обеспечить доступ к своей военной инфраструктуре в АТР и сохранить возможности для беспрепятственного выполнения миссий в рамках военных обязательств перед союзниками. На протяжении всего анализируемого документа Китай упоминается как государство, способное создать многочисленные угрозы военной безопасности США и их союзникам.

Ключом для успешной политики становится укрепление связей с азиатскими государствами. Индия объявлена главным стратегическим партнером в Южной Азии, с которым США намерены строить долгосрочные отношения в сфере экономики и безопасности.

Во-вторых, последствия «арабского пробуждения» для стабильности на Среднем Востоке оцениваются как неоднозначные для стратегии США, поскольку трудно предсказать, как сложатся отношения Вашингтона с новыми правительствами. Но США по-прежнему будут опираться на Совет сотрудничества стран Персидского залива и твердо отстаивать интересы безопасности Израиля перед арабским миром. Для противостояния угрозам региональной безопасности

⁴² Sustaining Global Leadership. P. 2.

⁴³ National Defense Strategy 2008. Washington: U.S. Department of Defense, 2008. P.3 // <http://www.defense.gov/news/2008%20national%20defense%20strategy.pdf>

со стороны Ирана США продолжают делать ставку на военное присутствие и тесное взаимодействие с региональными и другим союзниками. Основную тревогу вызывает перспектива распространения оружия массового уничтожения (ОМУ) и баллистических ракет.

В-третьих, во всемирном масштабе акцент будет сделан на обеспечении свободного доступа США и их союзников к жизненно важным природным ресурсам, а также безопасности путей доставки товаров и услуг морскими и воздушными путями. Речь идет о так называемых «зонах/объектах глобальной значимости» - *global commons*.⁴⁴ Любой государственный или негосударственный актор, который создает помехи в этих «зонах», автоматически становится источником угрозы национальной безопасности США и попадает в разряд противников, против которых возможно использование военной силы.

В-четвертых, основной акцент в военном строительстве будет сделан на дальнейшее развитие мобильности вооруженных сил США, включая средства доставки сил быстрого реагирования к потенциальным театрам военных действий (ТВД). Особая роль в этом отводится военно-морским соединениям и военно-транспортной авиации. Продолжится совершенствование и оснащение войск новейшими средствами разведки, связи и управления боем.

В-пятых, США будут сокращать участие в текущих военных конфликтах в пользу развития своего военного потенциала на будущее. Европе придется все больше самостоятельно обеспечивать собственную безопасность. В то же время, продолжится развитие сил НАТО, а также возможностей взаимодействия вооруженных сил США и союзников.

⁴⁴ Зоны глобальной значимости определяются как «зоны, находящиеся вне национальной юрисдикции и составляющие жизненно важную связующую ткань международной системы» - см.: *Sustaining Global Leadership*. P. 3.

Таким образом, США вступили в фазу развития, которую принято называть «перенапряжение сил», когда политические амбиции на глобальное лидерство уже не соответствуют их возможностям. Следует ожидать сокращения военного присутствия США за рубежом, сосредоточения на контроле «южной арки», повышение внимания к военным возможностям Ирана и Китая.

Относительно стратегического сдвига к «южной арке», некоторые американские эксперты считают, что планы Б. Обамы должны быть конкретизированы. В частности, неясно, планирует ли Вашингтон наращивание военного присутствия в Азии на постоянной основе или дело сведется к использованию уже имеющихся там сил передового базирования? Если речь идет о наращивании американского военного присутствия в регионе, то, как его можно сочетать с серьезным урезанием финансирования ВС США? Если речь идет о передислокации, то не скажется ли это на способности ВС выполнять поставленные задачи в других регионах?

Так, согласно существующим планам в случае нападения Северной Кореи на Республику Корея США должны развернуть 690 тыс. чел. наземных войск, 2 тыс. самолетов и 160 эсминцев в течение 90 дней. Если принять во внимание объявленные Б. Обамой сокращения ВС, для этого придется использовать практически все сухопутные войска и весь корпус морской пехоты США. В подобных случаях США вынуждены будут привлекать менее боеспособные силы – резервистов из запаса.

Другая проблема связана с тем, что традиционные союзники США едва ли готовы увеличивать свои расходы по обеспечению коалиционных операций. Это показал в 2011 г. опыт военной кампании в Ливии.⁴⁵

⁴⁵ Klingner B. The Missing Asia Pivot in Obama's Defense Strategy // <http://www.heritage.org/research/reports/2012/01/the-missing-asia-pivot-in-obamas-defense-strategy>.

Во второй части документа уточняются важнейшие задачи ВС США по защите национальных интересов США и реализации целей Стратегии национальной безопасности 2010 г.:

Во-первых, борьба с терроризмом и нерегулярными вооруженными формированиями. Главная цель в этой области состоит в уничтожении Аль-Каиды и недопущении того, чтобы Афганистан вновь стал убежищем для этой организации. Будут использоваться как прямые военные методы, так и несиловые меры в Афганистане и других государствах, включая военную помощь проамериканским режимам, борющимся с террористическими группировками.

Во-вторых, сдерживание агрессии. В данном случае администрация Б. Обамы пошла на определенную корректировку доктринальных основ военной стратегии США: отныне Вашингтон отказывается от концепции одновременного ведения «двух больших региональных войн» в разных регионах мира. Вместо этого военные строительство и планирование будут исходить из задачи ведения одной крупномасштабной войны в регионе и предотвращения второй войны - концепция, получившая название «полутора больших региональных войн»⁴⁶.

ВС ставится задача остановить агрессора в условиях, когда основные силы уже заняты в одной крупномасштабной операции. Военные действия должны успешно проводиться в любой сфере: на земле, воздушно-космическом пространстве, на море и в киберпространстве. По своему характеру операции могут охватывать широкий спектр действий – от защиты территории и населения, до стабилизации правительственных структур. По длительности они могут варьироваться от краткосрочных, на основе имеющихся сил и средств, до продолжительных, требующих дополнительной мобилизации сил и средств внутри

⁴⁶ Концепция «полутора войн» известна с 1971 г, но она означала готовность США к ведению одной глобальной ядерной войны и одновременно - локального конфликта.

США. Военное планирование должно учитывать возможность односторонних действий, без помощи союзников или коалиций.

В-третьих, переброска сил и средств независимо от попыток противника помешать выполнению задач ВС США путем асимметричных действий (например, создание помех развертыванию американских сил на удаленном ТВД, связи, доступу США к военной инфраструктуре за рубежом и пр.). И в этом случае внимание Пентагона вновь обращается на Китай и Иран, которые не только продолжают создание подобных асимметричных средств противоборства, но и распространяют опасные военные технологии среди негосударственных акторов.

Для обеспечения успеха операций в неблагоприятных условиях Пентагон собирается применять специальную Концепцию совместного оперативного доступа (Joint Operational Access Concept), а также использовать возможности подводного флота, создать новый бомбардировщик-«невидимку», основанный на технологии «Стелс», совершенствовать системы ПРО и воздушно-космические средства.⁴⁷

В-четвертых, противодействие распространению и применению ОМУ. Это подразумевает не только продолжение программы Нанна-Лугара по сокращению ядерных вооружений, но также операции по обнаружению, мониторингу, сопровождению, перехвату боевых частей или компонентов ОМУ, уничтожению технических средств для их производства. На уровне правительства США будут продолжены меры политико-дипломатического характера по недопущению распространения ОМУ и создания ядерного оружия Ираном.

В-пятых, эффективные действия в кибер-пространстве и в космосе. Сегодня системы, развернутые в космосе и сопутствующая инфраструктура сталкиваются с целым рядом угроз. Поэтому министерство обороны США вместе с его зарубежными партнерами собирается направить усилия на создание средств защиты сетей, их функциональных

⁴⁷ Sustaining Global Leadership. P. 5.

возможностей и обеспечения надежности как в киберпространстве, так и в космосе.

В-шестых, поддержание эффективного ядерного сдерживания. Как подчеркивается в документе, США нуждаются в ядерном арсенале, пока существует ядерное оружие. Однако цели политики сдерживания могут быть достигнуты меньшим ядерным потенциалом, что предполагает не только снижение запасов ядерного оружия, но и некоторое снижение его значимости в рамках стратегии национальной безопасности.

В-седьмых, обеспечение внутренней безопасности США и поддержка гражданских властей. Подчеркивается, что в задачи министерства обороны входит не только защита территории страны от атак враждебных государств и негосударственных субъектов, но и помощь гражданским властям в случае природных и техногенных катастроф.

В-восьмых, обеспечение стабилизирующего присутствия. Несмотря на сокращения ВС и их финансирования, США намерены продолжить выполнение всех обязательств перед союзниками и партнерами: ведение операций за рубежом, совместные маневры, своевременная ротация сил, расквартированных за рубежом.

В-девятых, осуществление стабилизационных и контрповстанческих операций. С учетом опыта войн в Афганистане и в Ираке Вашингтон собирается сделать акцент на невоенных способах действий и налаживанию прямого сотрудничества между военными США и государствами, где проводятся операции. Такая политика будет осуществляться для того, чтобы снизить использование военно-силовых методов при ведении операций по стабилизации обстановки в тех или иных странах. При необходимости США будут проводить и собственно военные операции, но впредь эти операции по стабилизации будут иметь ограниченный по масштабам и длительности характер.

В-десятых, проведение гуманитарных, спасательных и иных операций. Пентагон имеет силы и средства для быстрого

развертывания, оказания помощи и эвакуации людей, которые будут использоваться при необходимости для проведения спасательных и других операций на территории США и за рубежом.⁴⁸

Следует отметить, что основные задачи ВС США не сильно изменились по сравнению с доктринальными документами последних лет. Новыми являются несколько моментов: переход от концепции «двух больших региональных войн» к доктрине «полтора больших региональных войн»; отказ от участия в длительных и масштабных операциях по стабилизации (из-за неудачного опыта войн в Ираке и Афганистане)⁴⁹; повышенное внимание к возможностям Китая и Ирана по блокированию развертывания ВС США на удаленных ТВД; контрмеры этим враждебным намерениям за счет развития подводного флота, систем ПРО морского базирования и воздушно-космических сил. Кстати, задача по гарантированному преодолению блокирующих усилий противника потребует дополнительного финансирования, что не вяжется с намерением Б. Обамы серьезно урезать военный бюджет.⁵⁰

В третьей части документа излагаются принципы, которыми Пентагон будет руководствоваться в среднесрочной перспективе – до 2020 г.

Во-первых, сохраняется принципиальный путь реформирования ВС по принципу «полного спектра», выдвинутый еще Д. Рамсфелдом (предшественник Р. Гейтса на посту министра обороны при Дж. Буше-младшем). Это означает умение вести широкий спектр операций военного и невоенного характера. Тем самым будет обеспечено выполнение всех задач ВС, о которых говорится в новой стратегической инициативе Б.

⁴⁸ Sustaining Global Leadership. P. 6.

⁴⁹ Sustaining Global Leadership. P.6.

⁵⁰ Eaglen M. Obama's New Defense Strategy: Less or the Same // The Foundry, 2012, January 5. // <http://blog.heritage.org/2012/01/05/obama%E2%80%99s-new-defense-strategy-less-of-the-same>

Обамы. Однако министерству обороны предписано ориентироваться не на все, а только на приоритетные регионы и задачи.

Во-вторых, объявлено о сокращении финансирования ряда военных программ из-за неэффективности. Ключевым моментом в принятии решений на будущее назван принцип «обратимости», когда направление военного строительства (включая промышленную базу, мобилизационные возможности, обученный запас и систему военных союзов) может быть вовремя изменено в соответствии с множеством привходящих факторов, включая скачки или эволюционный путь в развитии стратегической и оперативной обстановки, а также в экономической и технологической сферах. Согласно этому принципу, министерство обороны должно вовремя избегать тупиковых решений и экономить финансовые средства.

В-третьих, министерство обороны будет сохранять достигнутый уровень высокой боеготовности и эффективность ВС, невзирая на планируемые сокращения.

В-четвертых, планируется дальнейшая оптимизация структуры военных расходов с целью их понижения. В том числе это касается темпов роста расходов на личный состав по программам страхования жизни и здоровья военнослужащих, участвующих в боевых действиях, медицинского обслуживания, а также адаптации ветеранов к условиям мирной жизни.

В-пятых, будут пересмотрены планы текущих кампаний и военное планирование будущих операций с учетом ограниченных ресурсов. Акцент будет сделан на принцип глобальной сетевой организации необходимых сил и средств.

В-шестых, продолжится работа по повышению степени готовности сил Резерва (запаса – по отечественной терминологии), а также сочетания сил Активного компонента (лиц, находящихся на действительной воинской службе) и Резерва при проведении операций за рубежом. В этом смысле привлекаемые на ТВД силы запаса способны частично компенсировать сокращения действующих вооруженных сил.

В-седьмых, учитывая вывод США войск из Ирака и постепенное сокращение их присутствия (до полного вывода) в Афганистане, будут и далее развиваться сетевые методы ведения боевых действий по принципу модульного взаимодействия подразделений различных родов и видов войск (концепция joint force).

В-восьмых, министерство обороны будет и дальше прилагать усилия к развитию военно-промышленной базы и военных НИОКР. Оно также намерено совершенствовать свои оперативно-стратегические концепции, учитывая опыт участия в недавних локальных войнах и конфликтах. В частности ставится задача перехода от проведения военных операций в условиях, когда американские ВС пользуются неоспоримым превосходством на море и в воздухе, к осуществлению военных действий в условиях полномасштабного противоборства с потенциальным противником во всех средах: на земле, в воздухе, на морях, в космосе и киберпространстве.⁵¹

Таким образом, в третьей части документа коррекция общих принципов военной стратегии США сводится к тому, чтобы приспособить развитие американских ВС к условиям их сокращения и общего снижения военных расходов.

Оценивая последствия изменений в стратегии США, стоит обратить внимание на то, что в военном бюджете на 2012 г. основные сокращения произошли за счет операций в Афганистане и Ираке. Базовых расходов (т.е. без учета военных операций) это не касается. Значит, на фоне общего уменьшения финансирования не произойдет заметного сокращения расходов на военные программы, модернизацию, обучение и переоснащение ВС США. В частности, базовые расходы на 2012 г., по сравнению с 2011 г., увеличиваются на 2 млрд. долл. (см. Таблицу 1), что почти покрывает инфляцию. Получается, что финансирование остается на том же уровне. Лишь в планах на 2013 г. планируется заметное сокращение общих расходов на 32

⁵¹ Sustaining Global Leadership. P. 8.

млрд. долл., причем в основном за счет сокращения операций за рубежом, а не базовой части расходов. В итоге к 2013 г. военный бюджет все еще будет больше, чем в 1998 г., на 37%. Дальнейшие сокращения тоже не столь уж значительны: в период 2013-17 гг., по сравнению с периодом 2008-12 гг., они составят лишь 4% с поправкой на инфляцию⁵².

Если на предстоящих в этом году выборах Б. Обаму победит республиканский кандидат, то сокращения бюджета, намечаемые на 2013 г. и последующие годы, вполне могут замедлиться. Многие республиканцы считают, что сокращения военных расходов не решают радикально проблему дефицита и государственного долга США. В частности, об этом заявил, уходя в отставку, министр обороны Р. Гейтс⁵³.

По сути дела, новая военная доктрина означает политическую санкцию на осуществление в США давно планировавшейся масштабной военной реформы концептуального, структурного и финансово-экономического характера. Результатом этой реформы должны стать американские ВС, с одной стороны, способные дать адекватный ответ на вызовы современной эпохи и обеспечить глобальное военное доминирование США, а с другой – соответствующие нынешним ресурсным возможностям страны. Пока сокращения связаны с выводом войск из Ирака и Афганистана, в остальном они сводятся к оптимизации расходов и сокращению личного состава. На брифинге заместитель министра обороны Э. Картер пояснил, что сокращения сухопутных сил и морской пехоты не следует считать необратимыми. Они связаны с отказом от длительных операций по установлению стабильности за рубежом

⁵² Conetta C. Keep Pentagon Cuts in Perspective // Project on Defense Alternatives Briefing Memo #53. January 5, 2010. [//www.comw.org/pda/fulltext/1201bm53.pdf](http://www.comw.org/pda/fulltext/1201bm53.pdf)

⁵³ Пентагон: Военные расходы – не причина дефицита бюджета США <http://www.vz.ru/news/2011/6/30/503682.html>

(как в Ираке и Афганистане), но при необходимости численность ВС будет быстро восстановлена до нужного уровня⁵⁴.

Следует иметь в виду особенности эволюции американской стратегии. Так, несмотря на временное сокращение финансирования оборонных расходов, которое наблюдалось в 1990-е гг., США продолжали наращивание боевой мощи и эффективности ВС. Всякое сокращение сил и средств сопровождается мерами по оптимизации управления войсками и их качественному совершенствованию, которые как минимум компенсируют сокращения. В этом отношении реформы, начатые еще Д. Рамсфелдом для военного обеспечения глобального доминирования США, продолжаются. Об этом говорят и основные программы военного строительства в плане бюджета на 2012 г. Среди них, в частности, создание систем для нанесения быстрого глобального удара. Она включает разработку нового стратегического бомбардировщика, способного нести ядерное оружие и обладающего возможностью дистанционного управления, а также крылатых ракет дальнего радиуса действия морского и воздушного базирования⁵⁵. Приоритетным остается обеспечение американского превосходства в сухопутных, военно-морских силах, а также в космосе и в киберпространстве.

§3. Последствия военной доктрины Б. Обамы для безопасности России

С одной стороны, тональность новой доктрины вполне дружелюбна по отношению к России. В частности, в той единственной фразе, которая посвящена России в документе,

⁵⁴ Defense Strategic Guidance Media Roundtable at the Pentagon January 5, 2012
[/www.defense.gov/transcripts/transcript.aspx?transcriptid=4954](http://www.defense.gov/transcripts/transcript.aspx?transcriptid=4954)

⁵⁵ United States Department of Defense Fiscal Year 2012 Budget Request. – Washington: Office of the Undersecretary of Defense (Controller)/ CFO, 2011. – P.4-7.

говорится о необходимости построения более тесных отношений с Москвой и сотрудничества с ней в областях взаимного интереса.⁵⁶ Формально Россия не значится в списке источников потенциальных военных угроз.

Однако важно учитывать, что современная военная стратегия США отошла от государство-центричной модели оценки угроз безопасности. Это означает, что формулировки стратегии не нацеливают на отражение угроз от конкретных государств. В ее основу положен принцип «полного спектра» угроз, т.е. готовности отразить любую угрозу, исходящую от любого противника, включая негосударственных субъектов международной политики.

США избегают называть противников за исключением гораздо более слабых государств-«изгоев» вроде Северной Кореи или Ирана. Но любое государство, не являющееся союзником США, военная стратегия учитывает как возможного противника. «Умолчание» противника создает условие «свободы рук» и выгодные позиции на политико-дипломатическом поприще. Именно так США поступают, когда создают элементы ПРО по периметру России и одновременно уверяют Москву в том, что эта система не нацелена на Россию, и подчеркивают свое стремление к партнерству с нашей страной. Действительное партнерство по безопасности в Европе с равноправным участием Россией не получается потому, что оно противоречит реальным стратегическим замыслам США.

С учетом вышеизложенного, нельзя не отметить ряд положений новой доктрины, которые при определенных обстоятельствах могут быть истолкованы в неблагоприятном для России духе.

Например, ставка США на обеспечение неограниченного доступа к «зонам глобальной значимости» в будущем может привести к конфликту с Россией из-за Арктики, где Москва пытается активно отстаивать свои права на часть

⁵⁶ Sustaining Global Leadership. P. 3.

континентального шельфа и эксплуатацию Северного морского пути. Об этом говорят планы Б. Обамы продолжать создание спутниковой группировка военного назначения для действий в арктических широтах⁵⁷.

Эта далеко не случайно: в Арктике находится около 25% от неразведанных мировых запасов газа и нефти, большая часть которых приходится на шельф России. США стремятся добиться максимальной «свободы рук» не только в доступе к ресурсам Арктики, но и в использовании Северного морского пути, переведя его в статус международного. Если принять во внимание содержащееся в новой доктрине описание военного потенциала, которым должен обладать возможный противник США, чтобы создать помехи свободе доступа к «зонам глобальной значимости», а также географическое положение этого потенциального врага, то под эти критерии подходит только Россия.

Доктрина Б. Обамы не уточняет планы США по развертыванию системы ПРО в Европе, хотя, например, проект бюджета на 2012 г. включает программы по развитию систем ПРО регионального масштаба⁵⁸, а в Четырехгодичном обзоре по обороне за 2010 г. прямо говорится, что США будут развертывать систему ПРО в Европе⁵⁹. Это может быть истолковано только таким образом, что Вашингтон намерен продолжить реализацию намеченных ранее программ и не собирается всерьез прислушиваться к озабоченности России этими планами и её предложениям по созданию совместной европейской ПРО. В документах Пентагона отмечается, что создание системы ПРО в

⁵⁷ United States Department of Defense Fiscal Year 2012 Budget Request. – Washington: Office of the Undersecretary of Defense (Controller)/ CFO, 2011. – P.4-8.

⁵⁸ United States Department of Defense Fiscal Year 2012 Budget Request. – Washington: Office of the Undersecretary of Defense (Controller)/ CFO, 2011. – P.4-9.

⁵⁹ Quadrennial Defense Review Report. – Washington: Department of Defense, 2010. – P.65.

Европе в долгосрочной перспективе укрепит защиту территории США, а, значит, будет обеспечен достаточно эффективный перехват российских межконтинентальных баллистических ракет. Основой ПРО служат противоракеты семейства SM-3⁶⁰, которые по мере развертывания будут улучшаться в несколько этапов.

На первом этапе (к 2011 г.) уже развернуты системы SM-3 Block IA морского базирования на эсминцах «Иджис» для прикрытия части Южной Европы от баллистических ракет ближнего и среднего радиуса действия. На втором этапе (до 2015 г.) намечается добавить к ним перехватчики улучшенной модификации SM-3 Block IB как морского, так и наземного базирования и расширить зону прикрытия. На третьем этапе (до 2018 г.) планируется разместить в Северной Европе еще более совершенные системы ПРО SM-3 Block IIВ в вариантах наземного и морского базирования для перехвата баллистических ракет средней (1-3 тыс.км) и промежуточной (3-5.5 тыс.км) дальности⁶¹. Последнее означает, что эсминцы «Иджис» могут появиться в Норвежском, Баренцевом или Балтийском морях. Улучшение тактико-технических характеристик ракет-перехватчиков идет по линии повышения дальности и скорости полета, а также интеграции с новыми радарными средствами обнаружения и сопровождения целей на всех участках траектории полета.

По оценкам российских экспертов, в ближайшие годы США и НАТО получат возможность перекрыть радарными Северное полушарие полностью, а уже находящиеся на вооружении ракеты SM-3 способны эффективно перехватывать на активной части траектории жидкостные баллистические ракеты, запущенные с российских подлодок из прибрежных акваторий или непосредственно из расположения баз. (На боевое дежурство в

⁶⁰ От англ. Standart Missile-3 (стандартная ракета-3)

⁶¹ Ballistic Missile Review Report. February 2010. – Washington: Department of Defense, 2010. – P.24.

дальние моря в настоящее время выходит один российский атомный ракетносец)⁶². Тем самым создается общая территория ПРО, которая не может рассматриваться в России иначе, как угроза ее потенциалу стратегического сдерживания.

В военной доктрине Б. Обамы говорится о необходимости борьбы с кибер-шпионажем и кибер-терроризмом, а также создания соответствующей правовой и технической базы для этого. Вместе с тем, практически ничего не говорится о конкретных источниках кибер-угроз, кроме упоминания террористических сетей, которые могут использовать компьютерные технологии для атак на США и их союзников. Однако несколькими месяцами ранее директор ФБР Р. Мюллер, а также ряд высокопоставленных сотрудников разведывательных служб США, прямо назвали Китай и Россию основными источниками кибер-шпионажа и хакерских атак на США.⁶³ В Четырехгодичном обзоре по обороне за 2010 г. тоже упоминается о киберопасности со стороны «некоторых самых больших государств мира»⁶⁴. Это дает основание для предположения о том, что Пентагон всерьез готовится к ведению в обозримом будущем кибер-войн с этими странами.

Намечающее стратегическое сближение США с Индией может нарушить сложившиеся военно-технические связи этой страны с Россией, являющейся традиционным поставщиком оружия и военных технологий Дели. Затем может последовать и политическая переориентация Индии на новоявленного «друга из-за океана», что не может не вызывать беспокойства у Москвы.

Повышение военно-стратегического внимания США к пресловутой «южной арке» приведет к укреплению военных блоков и расширению американских военных баз, а также к

⁶² Арктика: зона мира и сотрудничества / Отв. Ред А.В. Загорский. – М.: ИМЭМО РАН, 2011. – С.66, 76-77.

⁶³ США обвинили Россию и Китай в кибершпионаже // Росбалт, 3 ноября 2011 г. URL: <http://www.rosbalt.ru/main/2011/11/03/908590.html>

⁶⁴ Quadrennial Defense Review Report. – Washington: Department of Defense, 2010. – P.37.

увеличению «сил передового базирования» в регионе. Кроме того, оно даст мощный импульс расширению присутствия военно-морских сил США: регулярное патрулирование авианосных группировок, активизация подводного флота, развертывание систем ПРО морского базирования SM-3 японо-американского производства. Усиление военной активности Вашингтона в непосредственной близости от Китая и России (один из «концов» «южной арки» упирается прямо в них) неизбежно усилит тревогу этих двух стран складывающейся стратегической обстановкой в АТР и потребует ответных мер по обеспечению своей безопасности в данном регионе.

Определенные опасения у Москвы вызывает тот факт, что темпы снижения военных расходов США будут не столь впечатляющими, как это было обещано. Даже к 2020 г. военный бюджет США будет превышать аналогичный бюджет администрации Дж. Буша-младшего в конце его правления. А американские военные расходы будут примерно равны совокупному военному бюджету первых десяти стран, идущих после США по объему этих расходов.

Россия не может не принимать во внимание тот факт, что реформы вооруженных сил США и реализация новой военной стратегии начнутся лишь в после президентских выборов в ноябре 2012 г. При этом не факт, что Б. Обама будет переизбран на второй срок. Позиция же его политических противников – республиканцев – резко отрицательна по отношению к планам по сокращению военных расходов и личного состава вооруженных сил страны. Но даже в случае своего переизбрания Б. Обама может отказаться от своих планов военной реформы. Достаточно случится новому международному кризису, и будет найден новый повод отложить эту реформу на неопределенное время.

И здесь следует иметь в виду, что в новой военной доктрине говорится о необходимости ужесточения политики США в отношении ядерной программы Ирана. Специалисты оценивают это как еще один потенциальный источник конфликта с Россией, т.к. последняя выступает за переговоры, а не силовое давление на

Тегеран по этому вопросу. Но именно к военно-силовому сценарию ведет дело наращивание группировки ВС США в зоне Персидского залива с явной целью нанесения удара по Ирану. Последствия очередной военной интервенции лауреата Нобелевской премии мира и масштабы эскалации конфликта предсказать сложно. Многие эксперты предполагают активное участие в бомбардировках Израиля, что вызовет негативную реакцию арабских государств. А Россия получит ещё один источник нестабильности в непосредственной близости от своих границ.

Таким образом, новая военная доктрина Б. Обамы имеет неоднозначный характер. С одной стороны, она нацелена на приведение военной стратегии Вашингтона в соответствие с геополитическими реалиями сегодняшнего мира и финансово-экономическими возможностями США. С другой стороны, как явствует из документа, администрация Б. Обамы не отказалась от претензий на мировое господство и от дальнейшего развития военно-стратегического потенциала для жесткого соперничества с другими мировыми центрами силы, включая Россию. В этой ситуации политическому и военному руководству нашего государства следует в очередной раз задуматься над своей собственной военной стратегией (а в более общем плане - и над стратегией национальной безопасности), над тем, насколько они соответствуют нынешней геополитической обстановке и не требуют ли они уточнения.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

1. Как изменилась система военных угроз США после окончания «холодной войны»?
2. Каковы тенденции в эволюции стратегических идей в США?
3. В чем суть трансформации вооруженных сил по Д. Рамсфелду?
4. В какой мере современная Россия представляет собой военную угрозу США?

5. В чем состоят изменения в военной доктрине США при Б. Обаме?
6. Почему система ПРО в Европе вызывает резко негативную реакцию в России?
7. Какое место в стратегии США отводится Китаю и Индии?

ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ САМОПОДГОТОВКИ

1. Коньшев В.Н. Военная стратегия США после окончания холодной войны. - СПб: Наука, 2009.
2. Коньшев В.Н. Американский неореализм о природе войны: эволюция политической теории. - СПб: Наука, 2004.
3. Коньшев В.Н., Сергунин А.А. Новая военная доктрина Барака Обамы и национальные интересы России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность, 2012. № 14 (155). С. 2-9.
4. Коньшев В.Н., Сергунин А.А. О новой военной доктрине Б. Обамы // Проблемы национальной стратегии, 2012. — № 3. — С. 98-113.
5. Рыхтик М.И. Безопасность Соединенных Штатов Америки. История, теория, политическая практика. - Н. Новгород: Издательство Нижегородского государственного университета, 2004.
6. American defense policy / Ed. By Bolt P. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2005.
7. Konyshev V.N., Sergunin A.A. Moscow Keeps a Wary Eye on Obama's New Defense Strategy // Atlantic Community, 2012. — № March 14, 2012.
8. Lamb C. Transforming defense. – Washington: National Defense University, 2005.
9. New roles of military forces. Global and local implications of the Revolution in Military Affairs / Ed. By B. Heurlin, K.S. Kristensen, M.V. Rasmussen & S. Rynning. Copenhagen: Danish Institute for International Studies, 2003.
10. Sustaining Global Leadership: Priorities for 21st Century Defense. – Washington: Department of Defense, 2012.

11. The National Defense Strategy of the United States. – Washington: Department of Defense, 2005.
12. The National Military Strategy of the United States. – Washington: Office of the Chairman, Joint Chiefs of Staff, 2004.
13. The National Military Strategy of the United States. – Washington: Office of the Chairman, Joint Chiefs of Staff, 2011.
14. The National Security Strategy of the United States. – Washington: Government Printing Office, 2002.
15. The National Security Strategy of the United States. – Washington: Government Printing Office, 2006.
16. The National Security Strategy of the United States. – Washington: Government Printing Office, 2010.

ГЛАВА IV. СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ВОЕННАЯ СТРАТЕГИЯ

После окончания «холодной войны» и распада Советского Союза военная стратегия России (как и, в целом, вся система национальной безопасности страны) переживала глубокий кризис. Политическое руководство России долгое время было не в состоянии определить цели и задачи ВС, их место в системе национальной безопасности и обществе, т.е. политические основы для развития военной стратегии просто отсутствовали как таковые.

В условиях хронического экономического кризиса 1990-х гг. нельзя было всерьез говорить и об экономических основах военной стратегии, т.к. государство не имело соответствующих материальных ресурсов для развития ВС. Последние не только были радикально сокращены, но и началась деградация их материально-технической базы.

Государственный оборонный заказ свелся к величине, близкой к нулю. Только в одном 1992 г. закупки государством оборонной продукции упали на 70%.⁶⁵ Оборонно-промышленный комплекс (ОПК) был представлен собственной судьбе. Количество оборонных предприятий снизилось втрое (с 1500 до 500). Да и оставшиеся заводы можно было лишь условно назвать оборонными, т.к. в поисках путей выживания они были вынуждены перейти на выпуск гражданской продукции, военная продукция составляла у большинства из них меньшую часть производства. По оценкам Министерства экономики, за период 1991-1995 гг. оборонный сектор были вынуждены покинуть около 2,5 млн. специалистов.⁶⁶

Военные НИОКР, за редким исключением, были сведены до минимума. По некоторым данным, в начале 1990-х гг. было

⁶⁵ Bonn International Center for Conversion, 1995, с. 4.

⁶⁶ Hull, A. and Markov, D. A Changing Market in the Arms Bazaar, Jane's Intelligence Review, March 1997, p. 140.

прекращено производство 175 видов вооружений и военной техники.⁶⁷ Лишь те предприятия, которые поставляли вооружения и военную технику на экспорт и потому имели некоторые свободные финансовые средства, могли позволить себе роскошь вести военные НИОКР. По этой причине (а также из-за нехватки у государства средств на эти цели) до начала 21 века ВС не получали новых образцов военной техники и вооружений. Создалась парадоксальная ситуация, когда новейшие образцы вооружений впервые поступали в иностранные армии, а не в российские ВС. Скажем, до недавнего времени истребитель-бомбардировщик Су-30 поставлялся только на экспорт в Китай и Индию.

Не меньшие проблемы существовали и в области военного строительства. Несмотря на разговоры о военной реформе ВС, необходимость которой была очевидна и никем не оспаривалась, не было ясности ни относительно цели и приоритетов военного строительства, ни структуры ВС, ни их численности, ни их комплектования и оснащения. На практике «военная реформа» свелась к простому сокращению ВС (причем, не всегда обдуманному).

То же самое касалось и военной стратегии в узком смысле этого слова (военного планирования и применения ВС). Отсутствовало представление о характере будущих войн, а, соответственно, и способах развертывания войск в мирное, предвоенное и военное время, а также о конкретных способах их применения. На некоторое время (с конца 1991 г., т.е. с момента создания СНГ, и до весны 1992 г.) в военно-политическом руководстве страны возобладала точка зрения, что нет необходимости в наличии самостоятельных ВС России, их с успехом могли бы заменить коллективные ВС СНГ (естественно, находящиеся под контролем Москвы). По этой причине Министерство обороны РФ было создано только в мае 1992 г. (когда в Москве поняли, что партнеры по СНГ не собираются

⁶⁷ Независимая газета, 15 апреля 1995 г.

отказываться от создания собственных национальных армий, тем более, что некоторые из них на тот момент уже участвовали в вооруженных конфликтах – Молдова, Армения, Азербайджан и Таджикистан).⁶⁸

Именно в этих нелегких условиях происходило формирование новой российской военной стратегии.

§1. Политические основы российской военной стратегии

Формированию более или менее осознанного подхода к определению военной стратегии РФ способствовала развернувшаяся с 1992 г. как в профессиональной военной среде, так и в обществе в целом дискуссия о военной доктрине России. Эта дискуссия была полезна тем, что она помогла уяснить место и роль ВС в современном обществе и деле обеспечения национальной безопасности страны, определить характер внешних угроз, наметить пути военного строительства на ближайшее будущее. Хотя эти дебаты и происходили в обстановке глубочайшего общественно-политического и идейного раскола как в обществе, так и в экспертной среде (вспомним трагические события сентября-октября 2003 г., поставившие страну на грань гражданской войны), она все-таки привела к своего рода консенсусу по вопросу военно-политической стратегии России.

Дискуссия закончилась принятием в начале ноября 1993 г. «Основ военной доктрины Российской Федерации». В преамбуле документа подчеркивалось, что военная доктрина является частью более общей концепции национальной безопасности (КНБ) страны, с чем трудно не согласиться, потому что так это и должно быть. Парадокс, однако, заключался в том, что на тот момент КНБ отсутствовала как таковая. Она появилась лишь 4

⁶⁸ Грузия, которая также находилась в состоянии конфликта с Абхазией и Южной Осетией, на тот момент времени не являлась членом СНГ (присоединилась в 1993 г.).

года спустя. Тем не менее, в условиях тогдашнего хаоса сам факт появления военной доктрины внес некоторую определенность в перспективы развития ВС России и позволил в самом общем виде очертить контуры современной военной стратегии РФ.

Наиболее существенным вкладом доктрины 1993 г. было достаточно четкое определение характера военных угроз России, кстати, впервые данное на уровне официального документа (да и еще и подписанного Президентом РФ). В тексте доктрины выделялись 10 основных угроз военной безопасности страны:

1. Территориальные претензии к РФ и ее союзникам со стороны иностранных государств.

2. Существующие и потенциальные вооруженные конфликты в непосредственной близости от территории России.

3. Потенциальное использования ядерного и других видов оружия массового уничтожения (ОМУ) против России со стороны иностранных государств.

4. Распространение ОМУ, его средств доставки и соответствующих технологий, включая попытки террористических групп завладеть таковыми.

5. Нарушение существующих режимов в области контроля над вооружениями, а также качественное и количественное наращивание военного потенциала определенными странами.

6. Попытки вмешательства во внутренние дела РФ.

7. Нарушения прав, преследование и дискриминация граждан РФ за рубежом.

8. Нападение на военные объекты РФ, расположенные на территории зарубежных стран.

9. Расширение военных союзов, создающее угрозу военной безопасности РФ.

10. Международный терроризм.⁶⁹

⁶⁹ Основные положения военной доктрины Российской Федерации // Известия, 18 ноября 1993 г.; Красная звезда, 19 ноября 1993 г.

Специальный раздел документа был посвящен описанию факторов, которые могут превратить потенциальные угрозы в реальную военную опасность России:

1.Наращивание вооруженных сил на границе с Россией, нарушающее баланс сил.

2.Нападение на военные объекты и военные провокации на границах России и её союзников.

3.Подготовка военных формирований на территории иностранных государств с целью их использования против России и её союзников.

4.Действия иностранных государств по нарушению систем управления и контроля российских стратегических ядерных сил, включая их космический компонент.

5.Размещение иностранных вооруженных сил на территории сопредельных с РФ стран, если это не сделано по решению Совета Безопасности ООН или региональной организации по согласованию с Россией.⁷⁰

Наряду с внешними угрозами военной безопасности России, доктрина выделяла и внутренние источники опасности:

1.Незаконная деятельность националистических и сепаратистских организаций, нацеленная на дестабилизацию внутреннего положения в России, а также нарушение ее территориальной целостности, деятельность, осуществляемая с использованием вооруженной силы.

2.Попытки свержения конституционного строя РФ и дезорганизации деятельности органов государственной власти страны.

3.Нападение на ядерные объекты, предприятия химической и биологической промышленности, другие опасные производства.

4.Создание нелегальных вооруженных формирований.

5.Организованная преступность и контрабанда в тех случаях, если они достигают уровень, создающий опасность самим основам общества.

⁷⁰ Там же.

6. Нападения на военные склады, оборонные предприятия и другие специальные объекты с целью завладения оружием.

7. Незаконный оборот оружия, военного снаряжения и боеприпасов с целью подрывной или террористической деятельности на территории РФ, а также незаконный оборот наркотиков.⁷¹

Включение этих факторов в число угроз военной безопасности РФ служило косвенным признанием возможности использования регулярных частей ВС во внутренних целях, что было необычным для того времени. До этого считалось, что отражением внутренних угроз должны заниматься спецслужбы и Внутренние войска МВД. Однако реальность была такова, что для ликвидации источников внутренней опасности было недостаточно возможностей спецслужб и милиции, подчас, для подавления противника требовались настоящие войсковые операции, на которые способна только регулярная армия. Развернувшиеся вскоре после принятия упомянутого документа чеченские события подтвердили это положение военной доктрины.

Несмотря на определенную противоречивость и декларативность документа, он все-таки сыграл значительную роль в формировании *политических основ* военной стратегии (хотя другие компоненты стратегии – экономические основы, военное строительство, характер использования ВС и пр. – были описаны весьма схематично).

В частности в доктрине 1993 г. впервые была дана комплексная и системная характеристика угроз военной безопасности РФ. А ведь именно в зависимости от характера этих угроз и определяются задачи ВС страны, их структура, масштабы, численность, размещение и, наконец, конкретное применение. Другое дело, что, как это часто бывает, существовал огромный разрыв между теорией и практикой, и многие

⁷¹ Там же.

правильные идеи так и не были воплощены на практике по разным причинам.

В доктрине ясно давалось понять, что Россия не считает угрозу «большой» войны (с полномасштабным применением ядерного оружия) реальной, и ее военная стратегия больше не нацелена на подготовку к такого рода войне. Однако это не означало, что Россия отказывается от стратегического ядерного потенциала как средства сдерживания. К тому же, Россия не исключала превентивного использования ядерного оружия в ограниченных масштабах в определенных обстоятельствах (см. раздел о ядерной стратегии РФ). Отказ от ориентации на «большую» войну имел поистине революционные последствия для военной стратегии постсоветской России. Отныне приоритетными стали так называемые конфликты «малой интенсивности». При сохранении стратегического потенциала как инструмента глобального сдерживания началась подготовка компактных и мобильных сил, способных решать оперативно-тактические задачи в условиях локального конфликта. Правда, эта задача не решена до сих пор, и в условиях локальных конфликтов (Чечня, Южная Осетия) воевали «по старинке». Однако поворот в стратегическом мышлении российского военного руководства начался.

При анализе внешних угроз документ не идентифицировал США и НАТО в качестве главных источников опасности (в противовес периоду «холодной» войны, да и некоторым первоначальным вариантам военной доктрины). Это должно было послужить для них сигналом, что Москва больше не считает их врагами и готова к сотрудничеству с ними при условии, что они не будут предпринимать враждебных шагов против России и нарушать стратегическую стабильность в мире в целом и в непосредственной близости к РФ. В данном случае, правда, сказалась некоторая наивность ельцинского режима, настроенного в тот момент в исключительно прозападном духе. Буквально через месяц после публикации доктрины Б. Клинтон объявил о своем принципиальном решении принять в обозримом

будущем Польшу, Венгрию, Чехию и, возможно, Словакию в НАТО. Далее последовало вмешательство США и НАТО (в том числе и с использованием военной силы) в события на Балканах. При этом мнение России почти полностью игнорировалось. Со временем Москве пришлось пересматривать свое «прекраснодушное» настроение в отношении Запада.

Военная доктрина нацеливала РФ и ее ВС на решение реальных задач, на отражение реальных угроз ее безопасности. Например, неслучайно, на первом месте среди внешних угроз стояли территориальные претензии иностранных государств к России. На тот момент времени ни с одной из стран СНГ Россия не имела урегулированных границ. Было зафиксировано 164 этно-территориальных конфликта с участием России⁷². Вполне понятно, почему на втором месте среди внешних угроз стояли локальные конфликты вблизи территории РФ. На тот момент времени Россия была буквально «опоясана» таковыми – от Приднестровья до Таджикистана.

В отличие от прежних времен, доктрина 1993 г. определяла распространение ОМУ и международный терроризм как серьезные угрозы ее безопасности. Ранее они находились на периферии российских стратегических интересов. Кстати, готовность России включиться в международное сотрудничество по борьбе с этими опасными явлениями сделала возможным ее сближение с ведущими странами Запада, которые были давно озабочены этими угрозами.

Новацией также стал и тезис о необходимости защиты прав соотечественников за рубежом. До этого режим Б. Ельцина делал вид, что этой проблемы не существует или она не носит приоритетного характера.

Наконец, как уже отмечалось, впервые в отечественной практике российская военная стратегия была вынуждена

⁷² Dick, C., 1994: “The Military Doctrine of the Russian Federation”, in: Jane’s Intelligence Review (Special Report), № 1, 3.

включить в число своих приоритетов и использование ВС во внутренних целях.

Принятая в декабре 1997 г. концепция национальной безопасности Российской Федерации продолжила разработку политических основ военной стратегии. С ее появлением наконец-то было завершено формирование доктринальной «триады» в сфере национальной безопасности. К тому времени уже имелись концепция внешней политики и военная доктрина РФ (обе приняты в 1993 г.). Однако без документа более общего характера, к которому относилась КНБ, эти два документа как бы «повисали в воздухе», т.к. являлись доктринами функционально-отраслевого характера и нуждались в более солидной политико-идеологической основе. КНБ 1997 г. характеризовала международную обстановку в целом как благоприятную для России и выражала надежду, что нашей стране удастся найти свою «нишу» в формирующемся мировом порядке, который характеризовался как многополярный.⁷³ Вместе с тем, отмечался и ряд негативных тенденций, которые могли помешать созданию мироустройства на более справедливых началах: усиление конкуренции за природные, финансовые, людские, информационные ресурсы; неприятие некоторыми государствами многополярной модели мира; расширение военно-политических и политико-экономических блоков, которые игнорировали интересы России и даже пытались изолировать ее от участия в мировых процессах.⁷⁴

Как и военная доктрина 1993 г., КНБ 1997 г. подтверждала, что не считает полномасштабную войну с применением ядерного оружия возможной. Однако в отличие от военной доктрины 1993 г., которая считала, что основные источники угроз национальной безопасности находятся извне, КНБ-1997 утверждала, что такого рода угрозы проистекают изнутри страны. К их числу были

⁷³ Концепция национальной безопасности Российской Федерации // Российская газета, 26 декабря 1997, с. 4.

⁷⁴ Там же.

отнесены, прежде всего, хронический экономический кризис, нестабильность финансовой системы, национализм, сепаратизм, рост социальной напряженности, рост организованной преступности (особенно наркомафии), коррупция, ухудшение демографической ситуации, экологические проблемы и пр.

Список угроз внешнего характера, которые, впрочем, имеют меньшее значение, чем факторы внутреннего порядка, был весьма сходен с тем, что описывалось в военной доктрине 1993 г. К нему прибавились следующие угрозы – попытки некоторых стран использовать российские внутренние трудности в своих интересах, массовый приток незаконных мигрантов из стран СНГ и растущая активность иностранных спецслужб на территории РФ.⁷⁵

КНБ-1997 подчеркивала, что стратегические силы РФ остаются главным средством обеспечения ее военной безопасности, обычным же силам не отводилось должного внимания. Тезис о приоритетности внутренних источников опасности, над внешними навел некоторых военных аналитиков на мысль о том, что отныне ставка будет делаться не на развитие ВС общего назначения, а спецслужб и сил внутреннего назначения (в основном в рамках МВД).⁷⁶

КНБ-1997 вызвала глубокое разочарование российских военных, т.к., по их мнению, не отражала реального положения дел в мире и стране, не давала должных оснований для формирования новой военной стратегии в современных условиях и не проясняла перспективы военной реформы. Так, с резкой критикой КНБ выступил тогдашний председатель комитета по обороне Госдумы РФ генерал Л. Рохлин.

К рубежу веков сложилась новая геополитическая ситуация в мире, и произошли серьезные изменения во внутреннем положении страны. В отличие от оптимистических оценок перспектив развития системы международных отношений,

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ The Jamestown Foundation Prism, Vol.IV, No.1, Part 1, 9 January 1998.

звучавших в КНБ-1997 г., реалии мировой политики не давали оснований для подобного рода благодушных взглядов. НАТО, игнорируя позицию РФ, пошла на свое расширение в восточном направлении, не скрывая своих планов дальнейшей экспансии, в том числе и на постсоветском пространстве. В 1999 г., опять же оставив без внимания позицию России, НАТО организовала военную интервенцию в Косово. Деятельность ведущей организации в сфере европейской безопасности ОБСЕ, на которую Москва делала ставку еще с советских времен, оказалась фактически парализованной. Встревожило российское руководство и принятие новой стратегической концепции НАТО (1999 г.), которая допускала действия альянса за пределами традиционной зоны его ответственности (Северная Атлантика), а также размещение военных баз и складирование вооружений там, где ему это понадобится (прямое нарушение парижских соглашений РФ-НАТО 1997 г.). Это заставило российские политические и военные элиты пересмотреть свое отношение к НАТО и другим международным организациям, а также к состоянию европейской безопасности.

Что касается внутренней ситуации в России, то на стратегическое мышление военно-политического руководства страны, прежде всего, серьезное влияние оказала вторая чеченская война, начавшаяся в том же 1999 г., а также угроза международного терроризма, которая из потенциальной превратилась к концу 1990-х в реальную. К тому же, эти процессы совпали по времени с процедурой передачи Б. Ельциным власти своему преемнику В. Путину, который был сторонником более реалистического подхода к оценке проблем национальной безопасности и более жесткого отстаивания российских национальных интересов на международной арене. Все это и привело к принятию новых доктрин в сфере национальной безопасности, которые были призваны скорректировать прежний курс в данной сфере в соответствии с новыми реалиями.

В отличие от своего предшественника, В. Путин действовал более последовательно и методично. Сначала он принял новую редакцию КНБ (январь 2000 г.), которая вносила существенные коррективы в политические основы военной политики государства.

В отличие от КНБ-1997, КНБ-2000, признавая всю серьезность угроз внутреннего порядка, все же считала основным источником угроз национальной безопасности РФ внешние факторы. Среди них документ упоминал:

- ослабление авторитета и роли таких признанных универсальных и региональных организаций, как ООН и ОБСЕ в деле обеспечения международной безопасности;
- ослабление политического, экономического и военного влияния России в мире;
- консолидацию и расширение недружественных России военно-политических блоков (прежде всего, НАТО), включая возможность размещения иностранных войск на границах РФ;
- ослабление СНГ и обострение конфликтов внутри и вокруг этой организации;
- продолжающееся распространение ОМУ (в 1998 г. Индия и Пакистан присоединились к «ядерному клубу»);
- сохраняющиеся территориальные претензии к РФ со стороны иностранных государств (хотя эта угроза и переместилась с первого (военная доктрина 1993 г.) на последнее место в списке угроз национальной безопасности РФ).⁷⁷

Характерной чертой КНБ-2000 было то, что она подчеркивала растущую взаимозависимость между внутренними и внешними угрозами, их взаимное переплетение. Это особенно хорошо видно на примере внутреннего и международного терроризма, которые взаимно подпитывают друг друга, а также транснационализации организованной преступности, которая

⁷⁷ Концепция национальной безопасности Российской Федерации // Независимая газета, 14 января 2000, с. 4.

действует уже на основе международных картелей и сетевых структур.

В апреле 2000 г. на основе КНБ-2000 была принята новая военная доктрина РФ. Документ выделял три основных характеристики современной военно-политической обстановки.

Во-первых, для современной ситуации свойственно качественное совершенствование средств, форм и способов вооруженной борьбы, увеличение ее пространственного размаха и тяжести последствий, распространение на новые сферы. Возможность достижения военно-политических целей непрямыми, неконтактными действиями предопределяет особую опасность современных войн и вооруженных конфликтов для народов и государств, для сохранения международной стабильности и мира, обуславливает жизненную необходимость принятия мер для их предотвращения, мирного урегулирования противоречий на ранних стадиях их возникновения и развития.

Во-вторых, сочетание противоречивых тенденций. С одной стороны, имеет место снижение опасности развязывания крупномасштабной войны, в том числе ядерной, формирование и укрепление региональных центров силы, что в целом содействует созданию многополярной модели мира; с другой – происходит усиление национального, этнического и религиозного экстремизма; активизация сепаратизма; распространение локальных войн и вооруженных конфликтов; усиление региональной гонки вооружений; распространение ядерного и других видов оружия массового уничтожения, средств его доставки; обострение информационного противоборства.

В-третьих, среди дестабилизирующих факторов особенно выделяются следующие: попытки ослабить (игнорировать) существующие механизмы обеспечения международной безопасности (прежде всего ООН и ОБСЕ); использование военно-силовых акций в качестве средства "гуманитарного вмешательства" без санкции Совета Безопасности ООН, в обход общепризнанных принципов и норм международного права; нарушение отдельными государствами международных

договоров и соглашений в области ограничения вооружений и разоружения; использование субъектами международных отношений информационных и других (в том числе нетрадиционных) средств и технологий в агрессивных (экспансионистских) целях; деятельность экстремистских националистических, религиозных, сепаратистских, террористических движений, организаций и структур; расширение масштабов организованной преступности, терроризма, незаконного оборота оружия и наркотиков, транснациональный характер этой деятельности.⁷⁸

Что касается описания угроз военной безопасности РФ – внешних и внутренних, – то особого отличия от предшествующих документов (КНБ-2000 и даже военной доктрины 1993 г.) в военной доктрине 2000 г. не было. Пожалуй, единственной новацией было введение в список угроз мер информационной войны. К ним были отнесены «враждебные, наносящие ущерб военной безопасности Российской Федерации и ее союзников информационные (информационно-технические, информационно-психологические) действия».⁷⁹

Во второй срок правления В.В. Путина каких-либо новых документов в сфере национальной безопасности не принималось. Однако уточнение политических основ военной стратегии происходило различными путями – через ежегодные послания Президента Федеральному собранию РФ, программные речи главы государства и пр. В этом смысле показательно выступление Президента В. Путина на Мюнхенском форуме по вопросам международной безопасности в феврале 2007 г. И хотя его речь не носила официального характера, учитывая состав аудитории, которой она была адресована (высшее политическое и военное руководство ведущих стран мира), мировое сообщество со всей серьезностью отнеслось к тем корректировкам, которые

⁷⁸ Военная доктрина Российской Федерации. 21 апреля 2000 г. // http://www.ipmb.ru/1_3.html

⁷⁹ Там же.

она внесла в восприятие Москвой стратегической ситуации в мире.

Среди «озабоченностей» (читай – угроз) В.В. Путин назвал следующие тенденции:

- Одностороннее использование военной силы США и их союзниками (Косово, Афганистан, Ирак). Военные угрозы США в адрес Ирана, Сирии и Северной Кореи.
- Ослабление традиционных институтов международной безопасности (прежде всего СБ ООН и ОБСЕ). В.В. Путин назвал это следствием сознательной политики небольшой группы государств, желающих закрепить свою гегемонию в мире.
- Восточное направление экспансии НАТО и создание ее военной инфраструктуры на российских границах.
- Планы США по размещению элементов ПРО в Центральной и Восточной Европе.
- Отсутствие прогресса в области контроля за вооружениями – как стратегическими, так и обычными. Ряд ядерных держав (намек на Англию, Францию и Китай) не хотят присоединиться к процессу ядерного разоружения вообще. Особой критики В.В. Путина удостоилась позиция стран НАТО, которые так и ратифицировали адаптированный договор об обычных вооруженных силах в Европе 1999 г. Вскоре В.В. Путин решил приостановить участие РФ в этом договоре (до его ратификации НАТО).
- Отсутствие реального сотрудничества между РФ и странами Запада (по вине последних) в сфере борьбы с международным терроризмом.⁸⁰

Таким образом, оценивая эволюцию доктринальных (политических) основ российской военной стратегии в

⁸⁰ Выступление Президента РФ В.И. Путина и дискуссия на Мюнхенской конференции по политике безопасности 10 февраля 2007 г. // http://www.kremlin.ru/appears/2007/02/10/1737_type63374type63376type63377type63381type82634_118109.shtml

постсоветский период, следует отметить, что формирование этих основ пока не завершилось. Для российского политического и военного руководства были характерны непоследовательность, резкая смена взглядов на военно-политическую обстановку в мире, характер угроз национальной безопасности РФ, роль и место ВС в обществе и военной организации государства. В определенной степени это естественно, ибо страна до сих пор находится в переходном периоде, когда общество и элиты не консолидированы на какой-либо единой социально-политической и ценностной основах. Отсюда и разница в понимании перспектив развития общества, национальных интересов страны и методов обеспечения национальной безопасности. Очевидно, должно пройти какое-то время, чтобы в обществе и элитах возникло согласие по этим базовым вопросам.

§2. Военное строительство, военная реформа

Как уже отмечалось в условиях отсутствия прочной доктринальной базы и ясных политических установок военное строительство в постсоветской России происходило с большим трудом, часто бессистемно и хаотично. Нередко имело место расхождение между словами и делами: принимались «правильные» документы, которые, однако, не соответствовали реальным возможностям государства и потому так никогда и не были воплощены на практике. До принятия в 1993 г. первой российской военной доктрины военного строительства как такового просто не существовало, царила полная неразбериха и хаос (при формальном наличии соответствующих документов).

Довольно долгое время военно-политическое руководство России просто не могло поверить, что распад СССР и возникновение на постсоветском пространстве независимых государств, стремящихся к обладанию всеми атрибутами государственности (включая наличие собственных ВС), - это «надолго и всерьез». Еще весной 1993 г. тогдашний советник Президента Б.Н. Ельцина генерал-полковник Д. Волкогонов,

выступая в Центре политики безопасности Дании («мозговой трест» датского МИД), всерьез уверял аудиторию, что в скором времени начнется «регенерация» СССР (хотя и в обновленном виде). Первыми кандидатами на объединение с Россией, по его мнению, должны были стать Беларусь и Казахстан. Он рассчитывал на «возвращение» в состав нового интеграционного объединения всех бывших советских республик, кроме Прибалтики. В докладе влиятельного российского «мозгового треста» Совета по внешней и оборонной политике 1995 г. всерьез говорилось о возможности создания в обозримом будущем конфедерации из России, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, и Армении. При этом не исключалось, что со временем к этой конфедерации присоединятся и Украина, Грузия, Азербайджан и Молдавия.⁸¹

Неудивительно, что разработка серьезных планов по военному строительству собственно российских ВС долгое время не велась. Как уже упоминалось, некоторое время была популярна идея создания объединенных или коллективных сил СНГ, командование которыми осуществлялось бы из Москвы. В марте 1992 г. в рамках киевского саммита СНГ Россия, Армения, Казахстан, Киргизстан, Таджикистан и Узбекистан подписали ряд соглашений по созданию Объединенных вооруженных сил на переходный период (включая единый Генеральный штаб) и Верховного командования этих сил. Причем, последнему подчинялись войска как стратегического, так и общего назначения.⁸² Были произведены персональные назначения командующих сил стратегического и общего назначения.

Ташкентский договор о коллективной безопасности (май 1992 г.) в определенном смысле являлся продолжением этой линии. В дополнение к посту Верховного командующего Объединенными силами СНГ создавался Совет коллективной

⁸¹ Будущее постсоветского пространства. Возродится ли Союз? М.: Совет по внешней и оборонной политике, 1995, с. 14.

⁸² Military News Bulletin, N 3, March 1992, pp. 1-12.

безопасности, состоявший из глав государств-участников договора.⁸³ Однако к моменту заключения этого договора ситуация изменилась радикальным образом, т.к. к этому времени большинство стран СНГ (включая Россию) обзавелись или собирались обзавестись собственными армиями. Поэтому в дальнейшем речь могла идти лишь о военной интеграции в рамках СНГ на базе национальных ВС. По этой причине Верховное командование и Объединенные вооруженные силы СНГ вскоре были ликвидированы. Вместо них были созданы координационные органы военной политики СНГ: Совет министров обороны стран-членов СНГ, Штаб по координации военного сотрудничества, а также коллективные миротворческие силы.

Убедившись, что даже самые близкие партнеры по СНГ не стремятся оказаться под военным контролем России, режим Б.Н. Ельцина взял курс на создание собственных ВС и соответствующих управленческих структур. Решение о создании ВС России было принято правительством РФ 31 марта 1992 г. и утверждено президентским указом от 6 апреля того же года. Указом от 7 мая 1992 г. Б.Н. Ельцин провозгласил себя Верховным главнокомандующим, а 18 мая назначил генерала армии П. Грачева первым министром обороны РФ. Так, формально началось военное строительство в постсоветской России.

Для обеспечения правовой базы для вновь созданных российских ВС были приняты два федеральных закона – Закон о безопасности (6 мая 1992 г.) и Закон об обороне (24 сентября 1992 г.), в них в самой общей форме определялись задачи министерства обороны и его роль и место в общей системе национальной безопасности страны. Военная доктрина 1993 г. в значительной степени повторила то, что было сказано в этих двух законах.

⁸³ Military News Bulletin, N 5, May 1992, pp. 1-2.

Планы проведения военной реформы были озвучены министром обороны П. Грачевым в одной из его статей. По его словам, реформа была рассчитана на 8 лет (1992-2000 гг.) и должна была включать в себя 3 этапа.

На первом этапе (1992 г.) должно было быть завершено создание аппарата министерства обороны; предполагалось завершить анализ необходимости нахождения российских военнослужащих за пределами территории РФ (т.е. сохранения или эвакуации российских военных баз в сопредельных странах); принять «пакет» законов о социальной защите военнослужащих (включая увольняемых в запас).

На втором этапе (1993-1995 гг.) предполагалось продолжить оптимизацию структуры российских ВС. Существовавшую с советских времен пятивидовую структуру ВС – Ракетные войска стратегического назначения (РВСН), Сухопутные войска, Военно-воздушные силы (ВВС), Противовоздушная оборона (ПВО) и Военно-морской флот (ВМФ) – планировалось сохранить. При этом предполагалось уделить особое внимание развитию РВСН как главному «щиту» страны. Наряду с этим, учитывая резкий рост локальных конфликтов по периметру российских границ, планировалось создать Мобильные силы на основе Воздушно-десантных войск (ВДВ) и морской пехоты. На них собирались возложить задачу «быстрого реагирования» в случае возникновения нового или обострения старого локального конфликта. Предполагалось также ввести смешанную комплектацию личного состава ВС (призывники и контрактники), что было тогда большим новшеством. Наконец, (под явным влиянием первой войны в Персидском заливе) предполагалось поощрить те оборонные предприятия, которые занимаются разработкой и производством высокоточного оружия.

На третьем, завершающем, этапе военной реформы (1996-2000 гг.) по каждому потенциально опасному направлению планировалось создать группировки войск, 8 же имевшихся военных округов (особенно находившиеся в «глубинке»)

предполагалось существенно сократить. Так, предполагалось армии преобразовать в армейские корпуса, дивизии – в бригады, а вспомогательные подразделения существенно сократить.⁸⁴

Однако по многим причинам (финансово-экономическим, политическим, организационным и пр.) этому плану не было суждено быть воплощенным в жизнь, он так и остался на бумаге. В реформировании армии наступила довольно длительная пауза. Зато начались массовые увольнения из армии. Если на момент распада СССР в ВС насчитывалось примерно 2,8 млн. чел., то к 1995 г. в армии и на флоте числились лишь 1,8 млн. чел.⁸⁵ Причем (несмотря на планы П. Грачева), большинство из уволенных в запас военнослужащих не получили от государства необходимого социального «пакета» и должны были сами позаботиться о себе. Все это привело к росту социальной напряженности в стране, бывшие военнослужащие легко пополняли ряды антиельцинской оппозиции, включая радикальные партии типа ЛДПР.

Новый всплеск интереса к военной реформе начался после отставки летом 1996 г. П. Грачева. Однако его преемник И. Родионов недолго удержался в кресле министра обороны, не успев разработать собственного плана преобразований. Кстати, в увольнении И. Родионова не последнюю очередь сыграл его конфликт с тогдашним секретарем Совета обороны Ю. Батуриным, который готовил свой план военной реформы, резко расходившийся с тем, что собиралось предложить министерство обороны.⁸⁶

⁸⁴ Mackintosh M. Reform in the Russian Armed Forces // Jane's Intelligence Review, December 1994, p. 534.

⁸⁵ Независимое военное обозрение, № 20, 9-15 июня 2000, с. 3; FBIS-SOV-93-225, 24 November 1993, p. 5; Baev P. Russian military development: "muddling through" from 1992 to 1998 and beyond. Oslo: Norwegian Defence Research Establishment, 1999, p. 14.

⁸⁶ Konovalov, A. The Generals' 'Circular Defence' and National Security Interests // RIA-Novosti, January 1997; RFE/RL NewsLine, 26 May 1997.

Свой вариант реформы удалось предложить в июле 1997 г. только следующему министру обороны И. Сергееву. Хотя «своим» он мог быть назван лишь условно, т.к. был результатом сложного компромисса между различными заинтересованными ведомствами. И, прежде всего, за его разработкой внимательно следил Совет обороны. По степени радикальности это был, пожалуй, самый смелый план из тех, которые выдвигались в 1990-е гг. Если предшественники И. Сергеева в основном занимались не реформой, а сокращением личного состава ВС, то новый министр обороны предложил их глубокие структурные изменения. План военной реформы предусматривал 2 этапа.

На первом этапе (1997-2000 гг.) должны были быть уточнены задачи как ВС в целом, так и их отдельных видов в частности. Должна была также быть проведена оптимизация структуры ВС, ликвидированы все дублирующие звенья. В соответствии с указанием Президента уровень военных расходов не должен был превышать 3,5% ВВП.

Если раньше подобные радикальные предложения так и остались бы на бумаге, то в данном случае конкретные действия были предприняты, не дожидаясь официального одобрения плана реформ Президентом. Уже в 1997 г. Военно-космическое командование и Противоракетные войска были слиты с РВСН. В том же году началась подготовка к слиянию ВВС и ПВО, что и было сделано в 1998 г. По словам нового главкома ВВС А. Корнукова, было уволено в запас примерно 90 тыс. военнослужащих и еще 40 тыс. должны были быть сокращены на следующем этапе реформы ВВС. За счет этих сокращений, отмечал главком, была достигнута не только экономия средств, но и была оптимизирована структура ВВС и повышена степень их боеготовности.⁸⁷ После слияния ПВО с ВВС структура ВС России из пятивидовой стала четырехвидовой.

Изменения коснулись и Сухопутных сил. Было ликвидировано Главное командование этих сил, они были

⁸⁷ RFE/RL NewsLine, 11 August 1998

подчинены непосредственно Генштабу. Единственным, кто не был затронут реформой, - это ВМФ, который сохранил четыре флота (Северный, Балтийский, Черноморский и Тихоокеанский), а также одну флотилию (Каспийская). ВМФ министром обороны была поставлена задача повышения качества боевой подготовки.⁸⁸

Предполагалась также реформа административного управления войсками. Вместо существовавших тогда 8 военных округов (ВО) было предложено иметь 6 за счет слияния Забайкальского ВО с Сибирским и Уральского с Приволжским. Слияние округов полностью закончилось к 2000 г.⁸⁹

Наконец, планировалось дальнейшее сокращение численности ВС РФ. Была поставлена задача по доведению численности личного состава с 1,8 млн. чел. до 1,2 млн. чел., что и было сделано к 1999 г.⁹⁰ Чтобы смягчить социальные последствия столь глубоких сокращений, в январе 1998 г. была принята специальная программа стоимостью 25 млрд. руб. (4,2 млрд. долл.), направленная на обеспечение 210 тыс. семей уволенных в запас офицеров жильем через систему ваучеров.⁹¹ Однако, по общепризнанному мнению, эта программа провалилась.

Второй этап реформы был намечен на 2000-2005 гг. и нацелен на снабжение ВС качественно новым поколением вооружений и продолжение оптимизации их структуры.

План военной реформы был подвергнут жесткой критике со стороны различных ведомств и отдельных экспертов. Так, против него выступил бывший министр внутренних дел, а в тот момент времени – вице-премьер в правительстве В.С. Черномырдина, курировавший «силовые» ведомства, А. Куликов. Это стоило ему министерского кресла: в марте 1998 г. он был уволен

⁸⁸ Красная звезда, 24 января 1998

⁸⁹ Независимая газета, 15 июля 2000 г., с. 2.

⁹⁰ Независимое военное обозрение, № 20, 9-15 июня 2000, с. 3.

⁹¹ RFE/RL NewsLine, 16 January 1998

специальным указом Президента. С жесткой критикой реформы (особенно идеи слияния ВВС и ПВО, а также ликвидации Главкомата Сухопутных сил) выступил также бывший директор Федеральной пограничной службы А.И. Николаев.⁹²

Тем не менее, несмотря на эту критику, план военной реформы был утвержден Б.Н. Ельциным 3 августа 1998 г. Основным «локомотивом» в данном случае выступил тогдашний секретарь Совета безопасности А.А. Кокошин.⁹³

Однако и этот вариант военной реформы ждала «несчастливая судьба», ибо он был принят накануне финансового кризиса в России, и государство просто не имело средств для его реализации в полной мере. Как жаловался еще до кризиса министр обороны И. Сергеев, его ведомство получало из казны только 26% из выделенных по закону средств.⁹⁴ К тому же политическая нестабильность на Олимпе политической власти (в последующие 2 года после принятия плана реформы сменилось 3 премьер-министра) также не способствовала последовательной реализации военной реформы.

Впоследствии высшее руководство страны не раз обращалось к теме военной реформы, однако до достижения социально-экономической и политической стабильности в стране строившиеся грандиозные планы были вряд ли реальными. Так, на состоявшемся 11 августа 2000 г. заседании Совета безопасности РФ был предложен амбициозный план реформы рассчитанный до 2016 г. Он предусматривал переход на трехвидовую структуру ВС (за счет слияния РВСН с другими видами войск) и обширную программу перевооружения войск (особенно сил общего назначения).⁹⁵ Однако, как и многие подобные начинания, эта инициатива не получила продолжения

⁹² Николаев А.И. Военная реформа буксует // Независимое военное обозрение, № 23, 2000, с. 1, 4.

⁹³ Kommersant-Daily, 4 августа 1998; Известия, 14 августа 1998, с. 2.

⁹⁴ Соловьев В., Сокут С. Военная реформа переведена в практическую плоскость // Независимая газета, 21 июля 1998 г., с. 1, 3.

⁹⁵ Независимая газета, 12 августа 2000 г., с. 3.

(тем более, что оба «автора» этого проекта министр обороны И. Сергеев и начальник Генштаба А. Квашнин вскоре оказались в отставке).

Назначенный на пост министра обороны в 2003 г. бывший секретарь Совета безопасности и личный друг В.В. Путина С. Иванов уделял внимание в основном социально-экономическим аспектам реформы, стараясь добиться повышения денежного довольствия военнослужащих и улучшения их жилищно-бытовых условий. Из структурных изменений, начавшихся при нем, необходимо отметить формирование региональных группировок войск по направлениям потенциальных угроз (при сохранении системы военных округов) – идея, высказывавшаяся экспертами с середины 1990-х гг.⁹⁶ Вместе с тем, С. Иванов не пытался сокращать численность личного состава ВС или серьезно реструктурировать военную организацию государства.

Пришедший ему на смену А. Сердюков также не торопился с какими-либо радикальными изменениями в составе ВС. Однако после прихода Д.А. Медведева на пост Президента он активизировал свою деятельность по проведению военной реформы. Планы по осуществлению таковой были объявлены 14 октября 2008 г. Несмотря на нехватку информации, становится ясно, что основной смысл реформы «по Сердюкову» - избавление от дублирующих структур и перевод ряда структур в разряд гражданских. Так, гражданской становится Служба тыла, часть военных медиков, юристов и журналистов. Существенно (с 17490 до 4916 чел.) сокращается число военнослужащих воспитательных органов. Ликвидируется институт прапорщиков и мичманов. В 2,5 раза сокращается аппарат Минобороны. Будут уволены 8019 младших офицеров (хотя, по мнению практиков, их, наоборот, не хватает). Общее число сокращений достигнет 200 тыс. чел., а сами ВС будут насчитывать 1 млн. чел. По

⁹⁶ Russia 2004/ Report on Transformation. Warsaw: Instytut Wschodni, 2005, pp. 165-171.

выражению А. Сердюкова, смысл преобразований в армии – в «максимальном удешевлении ее содержания».⁹⁷

Предполагаемая реформа вызвала недоумение и недовольство в войсках, т.к. она готовилась келейно, никакой разъяснительной работы не проводилось. Средств, выделенных на компенсацию последствий массовых увольнений военнослужащих, явно недостаточно. Ряд экспертов сравнивают «реформу А. Сердюкова» с худшими временами периода П. Грачева, когда социально-экономические последствия преобразований (да и последствия для боеспособности ВС) часто были непродуманными.

Обобщая сказанное, отметим, что военному строительству в постсоветской России была присуща еще большая хаотичность и неэффективность, чем формированию доктринальной базы (политических основ) военной стратегии. Это было обусловлено как объективными обстоятельствами (финансово-экономические проблемы, нехватка средств – особенно в 1990-е гг.), так и субъективными факторами (непрофессионализм военно-политического руководства, недостаток у него социальной ответственности перед ВС и обществом).

§3. Официальная военная стратегия

Официальная военная стратегия изложена в военных доктринах РФ 1993, 2000 и 2010 гг. Если в доктрине 1993 г. не существует цельного изложения стратегии, ее отдельные элементы «разбросаны» по различным разделам документа, то в доктринах 2000 и 2010 гг. имелись специальные разделы о военно-стратегических основах, где давалась характеристика современных войн, их типология, определялись основания для применения ВС России и их задачи на различных этапах развития вооруженного конфликта.

⁹⁷ Известия, 1 декабря 2008 г., с. 2.

При характеристике современных войн и вооруженных конфликтов в военных доктринах 2000 г. подчеркивалось, что их природа определяется их военно-политическими целями, средствами достижения этих целей и масштабами военных действий. В соответствии с этим современная война или вооруженный конфликт может быть:

- *по военно-политическим целям* - справедливой (не противоречащей Уставу ООН, основополагающим нормам и принципам международного права, ведущейся в порядке самообороны стороной, подвергшейся агрессии); несправедливой (противоречащей Уставу ООН, основополагающим нормам и принципам международного права, подпадающей под определение агрессии и ведущейся стороной, предпринявшей вооруженное нападение)
- *по применяемым средствам* - с применением ядерного и других видов оружия массового уничтожения; с применением только обычных средств поражения
- *по масштабам* - локальной, региональной, крупномасштабной.⁹⁸

Как неоднократно отмечали представители Генштаба РФ, которые явились основными авторами военных доктрин РФ, при определении характера современной войны тщательно анализировался опыт войн в Персидском заливе, интервенции НАТО в Косово, а также собственный опыт двух чеченских войн.⁹⁹ Опираясь на этот опыт, современные российские теоретики и официальные документы выделяют следующие *основные черты* современной войны:

— влияние на все сферы жизнедеятельности человечества;

⁹⁸ Военная доктрина Российской Федерации. 21 апреля 2000 г. // http://www.ipmb.ru/1_3.html

⁹⁹ Манилов В. Предотвращение. Сдерживание. Партнерство // Независимая газета, 25 апреля 2000, с. 1, 8; Военно-политический манифест России // Российская газета, 26 апреля 2000, с. 4.

— коалиционный характер; широкое использование непрямых, неконтактных и других (в том числе нетрадиционных) форм и способов действий, дальнего огневого и электронного поражения;

— активное информационное противоборство, дезориентация общественного мнения в отдельных государствах и мирового сообщества в целом;

— стремление сторон к дезорганизации системы государственного и военного управления;

— применение новейших высокоэффективных (в том числе основанных на новых физических принципах) систем вооружения и военной техники;

— маневренные действия войск (сил) на разрозненных направлениях с широким применением аэромобильных сил, десантов и войск специального назначения;

— поражение войск (сил), объектов тыла, экономики, коммуникаций на всей территории каждой из противоборствующих сторон;

— проведение воздушных кампаний и операций;

— катастрофические последствия поражения (разрушения) предприятий энергетики (прежде всего атомной), химических и других опасных производств, инфраструктуры, коммуникаций, объектов жизнеобеспечения;

— высокая вероятность вовлечения в войну новых государств, эскалации вооруженной борьбы, расширения масштабов и спектра применяемых средств, включая оружие массового уничтожения;

— участие в войне, наряду с регулярными, нерегулярных вооруженных формирований.

Что касается *уровней (масштабов)* военной конфронтации и, соответственно, способов и средств противодействия противнику, то выделяются следующие этапы эскалации вооруженного противостояния:

Вооруженный конфликт может возникнуть в форме вооруженного инцидента, вооруженной акции и других вооруженных столкновений ограниченного масштаба и стать следствием попытки разрешить национальные, этнические, религиозные и иные противоречия с помощью средств вооруженной борьбы (большинство конфликтов на постсоветском пространстве, на Балканах и в Африке). Особой формой вооруженного конфликта является приграничный конфликт. Вооруженный конфликт может иметь международный характер (с участием двух или нескольких государств), как это было, скажем, в случае с Южной Осетией (2008 г.) или внутренний характер (с ведением вооруженного противоборства в пределах территории одного государства - Чечня).

Вооруженный конфликт, как правило, характеризуется: высокой вовлеченностью в него и уязвимостью местного населения; применением нерегулярных вооруженных формирований; широким использованием диверсионных и террористических методов; сложностью морально-психологической обстановки, в которой действуют войска; вынужденным отвлечением значительных сил и средств на обеспечение безопасности маршрутов передвижения, районов и мест расположения войск; опасностью трансформации в локальную (международный вооруженный конфликт) или гражданскую (внутренний вооруженный конфликт) войну.

Как показывает опыт двух чеченских войн, для решения задач во внутреннем вооруженном конфликте могут создаваться объединенные (межвидовые) группировки войск (сил) и органы управления ими.

Источниками *локальных войн* могут послужить те же самые факторы, что и в случае с вооруженным конфликтом. Спецификой локальных войн является то, что основными противоборствующими сторонами являются государства и, соответственно, регулярные армии, хотя привлечение нерегулярных сил для нанесения противнику максимального ущерба также возможно. Скажем, в ходе всех индо-пакистанских

войн пакистанская сторона активно использовала нерегулярные вооруженные формирования из числа мусульманского населения на территории Индии для поддержки действий своей регулярной армии. В соответствии с официальной российской военной доктриной локальная война может вестись группировками войск (сил), развернутыми в районе конфликта, с усилением их при необходимости за счет переброски войск, сил и средств с других направлений и проведения частичного стратегического развертывания вооруженных сил. В локальной войне стороны будут действовать в границах противоборствующих государств и преследовать ограниченные военно-политические цели.

Региональная война может стать результатом эскалации локальной войны или вооруженного конфликта и вестись с участием двух или нескольких государств (групп государств) одного региона, национальными или коалиционными вооруженными силами с применением как обычных, так и ядерных средств поражения (что иногда предвещают в отношении Индии и Пакистана). В региональной войне стороны будут преследовать важные военно-политические цели, в том числе связанные со сменой правящего режима в стране противника(ков) и (или) оккупацией всей или части территории противника.

Крупномасштабная война может стать результатом эскалации вооруженного конфликта, локальной или региональной войны, вовлечения в них значительного количества государств различных регионов мира. Крупномасштабная война с применением только обычных средств поражения будет характеризоваться высокой вероятностью перерастания в ядерную с катастрофическими последствиями для цивилизации, основ жизнедеятельности и существования человечества. В крупномасштабной войне стороны будут ставить радикальные военно-политические цели. Она потребует полной мобилизации всех материальных и духовных ресурсов государств-участников.

Крупномасштабной и региональной войнам, как правило, предшествует угрожаемый период, в ходе которого еще есть

возможность избежать прямого вооруженного противостояния. Эти типы войн могут иметь начальный период, основным содержанием которого явится напряженная вооруженная борьба за овладение стратегической инициативой, сохранение устойчивого государственного и военного управления, достижение превосходства в информационной сфере, завоевание (удержание) господства в воздухе. В случае затяжного характера крупномасштабной или региональной войны ее цели будут достигаться в последующих и завершающем периодах.

Возможность крупномасштабной войны оценивается современной российской стратегической мыслью как маловероятная, хотя не исключается полностью. В пользу тезиса о маловероятности такой войны говорит ряд факторов, среди которых стоит упомянуть хотя бы два соображения: государства, обладающие потенциалом для ведения полномасштабной войны, во-первых, в настоящий момент не имеют противоречий такого масштаба, чтобы решиться на нее и, во-вторых, они достаточно хорошо понимают возможные последствия такой войны, цена, которую придется заплатить даже за возможный успех, слишком высока и неприемлема.

Официальная военная стратегия РФ считает, что *правомерным основанием* для использования вооруженной силы являются следующие случаи или ситуации:

- отражение агрессии против Российской Федерации
- защита от антиконституционных действий, противоправного вооруженного насилия, угрожающих целостности и неприкосновенности территории Российской Федерации
- выполнение задач в соответствии с международными договорами РФ
- выполнение других задач в соответствии с федеральным законодательством.¹⁰⁰

¹⁰⁰ Военная доктрина Российской Федерации. 21 апреля 2000 г. // http://www.ipmb.ru/1_3.html

В данном случае есть определенное противоречие между этим – достаточно ограниченным – списком случаев правомерности применения вооруженной силы и перечнем угроз военной безопасности РФ. Последний, помимо всего прочего, подразумевает необходимость борьбы с международным терроризмом, транснациональной организованной преступностью, защиту прав российских граждан за рубежом и пр. Неясно, будет ли правомерным использовать ВС для противодействия этим опасным явлениям или нет?

В соответствии с современно военной доктриной РФ *целями* применения ВС и других войск являются:

- в крупномасштабной (региональной) войне в случае ее развязывания каким-либо государством (группой, коалицией государств) - защита независимости и суверенитета, территориальной целостности Российской Федерации и ее союзников, отражение агрессии, нанесение поражения агрессору, принуждение его к прекращению военных действий на условиях, отвечающих интересам Российской Федерации и ее союзников;
- в локальных войнах и международных вооруженных конфликтах - локализация очага напряженности, создание предпосылок для прекращения войны, вооруженного конфликта либо для принуждения к их прекращению на ранних стадиях; нейтрализация агрессора и достижение урегулирования на условиях, отвечающих интересам Российской Федерации и ее союзников;
- во внутренних вооруженных конфликтах - разгром и ликвидация незаконных вооруженных формирований, создание условий для полномасштабного урегулирования конфликта на основе Конституции Российской Федерации и федерального законодательства;
- в операциях по поддержанию и восстановлению мира - разведение противоборствующих сторон, стабилизация обстановки, обеспечение условий для справедливого мирного урегулирования.

Что касается *форм* применения ВС РФ и других войск, то они зависят от типа войн и вооруженных конфликтов. Современная военная стратегия РФ предусматривает следующие формы использования ВС:

- в крупномасштабной и региональных войнах - стратегические операции, операции и боевые действия;
- в локальных войнах и международных вооруженных конфликтах - операции и боевые действия;
- во внутренних вооруженных конфликтах - совместные специальные операции;
- при участии в борьбе с терроризмом - контртеррористические операции;
- миротворческие операции (по мандату ООН или региональной организации).

Эти формы могут сочетаться. Скажем, в обеих чеченских войнах применялось сочетание совместных специальных операций (помимо регулярных ВС, в этих операциях принимали участие спецслужбы, подразделения МВД, погранвойск, железнодорожных войск и пр.) с контртеррористическими операциями. В случае южноосетинского конфликта (уровень международного вооруженного конфликта) сочетались операции, боевые действия и миротворческие операции (точнее, операции по принуждению грузинской стороны к миру).

Более конкретные задачи ВС РФ во многом определяются характером внешних и внутренних угроз военной безопасности страны. Современная военная доктрина РФ предполагает, что *основные задачи* ВС и других войск должны включать:

1. Обеспечение военной безопасности (в мирное время):
 - своевременное вскрытие угрожающего развития военно-политической обстановки, подготовки вооруженного нападения на Российскую Федерацию и (или) ее союзников;
 - поддержание состава, состояния, боевой и мобилизационной готовности и подготовки стратегических ядерных сил, сил и средств, обеспечивающих их функционирование и применение, а также систем управления

на уровне, гарантирующем нанесение заданного ущерба агрессору в любых условиях;

— поддержание боевого потенциала, боевой и мобилизационной готовности и подготовки группировок войск (сил) общего назначения мирного времени на уровне, обеспечивающем отражение агрессии локального масштаба;

— содержание вооружения и военной (специальной) техники, запасов материальных средств в готовности к боевому применению;

— несение боевого дежурства (боевой службы) выделенными (назначенными) войсками, силами и средствами; качественное и в полном объеме выполнение планов и программ оперативной, боевой и мобилизационной подготовки, воспитания личного состава войск (сил);

— поддержание готовности к стратегическому развертыванию в рамках государственных мероприятий по переводу страны на условия военного времени;

— охрана и защита государственной границы РФ;

— развитие противовоздушной обороны РФ как единой системы на основе централизованного управления всеми силами и средствами противовоздушной обороны;

— создание условий для безопасности экономической деятельности, защита национальных интересов РФ в территориальном море, на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне РФ, а также в Мировом океане. Решение задач по защите национальных интересов России в Мировом океане осуществляется в соответствии с Основами политики Российской Федерации в области военно-морской деятельности,¹⁰¹ а также нормами международного морского права.¹⁰¹

¹⁰¹ Показательна нынешняя активизации российских ВМФ (Северный флот) в районе Баренцева моря, нацеленная на защиту экономических интересов России около архипелага Шпицберген и в бывшей так

- охрана важных государственных объектов;
- предотвращение и пресечение диверсий и террористических актов;
- предупреждение экологических и других чрезвычайных ситуаций, ликвидация их последствий;
- организация гражданской и территориальной обороны; обеспечение технического прикрытия и восстановления коммуникаций;
- обеспечение информационной безопасности.

Особо подчеркивается необходимость скоординированного действия всех элементов военной организации государства и тесного взаимодействия с гражданскими властями.

2. По отражению вооруженного нападения (агрессии) на Российскую Федерацию и (или) ее союзников:

- частичное или полное стратегическое развертывание;
- ведение стратегических операций, операций и боевых действий (в том числе совместных с союзными государствами) по разгрому вторгшихся, уничтожению группировок войск (сил) агрессора в районах их базирования, сосредоточения и на коммуникациях;
- поддержание готовности к применению и применение (в предусмотренных Военной доктриной случаях и в установленном порядке) потенциала ядерного сдерживания;
- локализация и нейтрализация приграничных вооруженных конфликтов;
- поддержание режима военного (чрезвычайного) положения;
- защита населения, объектов экономики и инфраструктуры от воздействия средств поражения противника;

называемой «серой зоне», являвшейся предметом спора с Норвегией до 2010 г.

— выполнение союзнических обязательств в соответствии с международными договорами РФ.

Нормативной базой для решения задач по отражению вооруженного нападения на РФ являются План применения Вооруженных Сил Российской Федерации, Мобилизационный план ВС РФ, указы Президента РФ по вопросам военной безопасности, приказы и директивы Верховного Главнокомандующего ВС РФ, другие нормативные правовые акты, планы и директивные документы.

3. Во внутренних вооруженных конфликтах:

— разгром и ликвидация незаконных вооруженных формирований, террористических групп и организаций, уничтожение их баз, центров подготовки, складов, коммуникаций;

— восстановление законности и правопорядка;

— обеспечение общественной безопасности и стабильности;

— поддержание правового режима чрезвычайного положения в районе конфликта;

— локализация и блокирование района конфликта;

— пресечение вооруженных столкновений и разъединение противоборствующих сторон;

— изъятие оружия у населения в районе конфликта;

— усиление охраны общественного порядка и безопасности в районах, примыкающих к району конфликта.

Предполагается, что выполнение задач по предупреждению и пресечению внутренних вооруженных конфликтов, локализации и блокированию районов конфликтов, уничтожению незаконных вооруженных формирований, банд и террористических групп возлагается на создаваемые на временной основе объединенные (разноведомственные) группировки войск (сил) и органы управления ими. Так было в случае с обеими чеченскими

войнами и вторжением Басаева-Хаттаба в Дагестан в августе 1999 г.

4. В операциях по поддержанию и восстановлению мира:

— разъединение вооруженных группировок конфликтующих сторон;

— обеспечение условий для доставки гуманитарной помощи гражданскому населению и его эвакуации из зоны конфликта;

— блокирование района конфликта в целях обеспечения выполнения санкций, принятых международным сообществом;

— создание предпосылок для политического урегулирования.

Следует отметить, что в описании форм миротворческих операций военная доктрина РФ несколько отстает от мировой теории и практики. Так, по принятой в ООН терминологии выделяются следующие понятия:

- Превентивная дипломатия (preventive diplomacy) – комплекс мер по предотвращению конфликта, включая проведение переговоров, мониторинг, демонстрацию силы в отношении потенциального агрессора и пр.

- Операции по поддержанию мира (peace-keeping operations) – разъединение враждующих сторон, создание условий для прекращения огня и заключения перемирия, эвакуация мирного населения из зоны конфликта, доставка гуманитарной помощи и пр. (что, собственно, и описано в доктрине 2000 г.).

- Операции по принуждению к миру (peace-enforcement operations) – принуждение одной или обеих сторон к соблюдению ранее заключенных соглашений.

- Продвижение к миру (peace-making) – совокупность мероприятий по закреплению и развитию достигнутых позитивных результатов на пути мирного урегулирования, включающих проведение переговоров по достижению

мирного урегулирования (а не просто соглашения о прекращении огня или временного перемирия), вывода войск противоборствующих сторон из зоны конфликта, возобновление деятельности гражданских властей, начало возвращения беженцев и пр.

- Построение мира (peace-building) – постконфликтное урегулирование, направленное на ликвидацию причин конфликта, радикальную перестройку обществ, принимавших участие в конфликте, с целью недопущения конфликта в будущем.¹⁰²

Считается, что на всех этапах, включая два последних, военная сила как гарант безопасности и соблюдения мира является важнейшей составляющей мирного урегулирования. Современная же военная доктрина РФ ограничивает задачи своих миротворцев только одной фазой. Это тем более странно, что в реальной практике российских миротворцев все эти стадии были представлены. Так, операции по принуждению к миру проводились в Приднестровье в 1992 г., в Абхазии в 1992-1993 гг., Южной Осетии в 2008 г.; продвижению к миру – в Абхазии (1993-1994 гг.), Южной Осетии (1992-1993 гг.), Таджикистане (1994-1997 г.); построению мира – в Таджикистане (до сих пор).

В военных доктринах 2000 и 2010 гг. выполнение задач в операциях по поддержанию и восстановлению мира возлагается именно на ВС РФ. Для подготовки к выполнению этих задач выделяются специально назначенные соединения и воинские части. Наряду с подготовкой к применению по прямому назначению они обучаются по специальной программе. Российская Федерация осуществляет тыловое и техническое обеспечение, обучение, подготовку российских контингентов,

¹⁰² An Agenda for Peace: Preventive Diplomacy, Peacemaking and Peacekeeping. New York: United Nations, 1992. Относительно интерпретации этих терминов см.: Лебедева М.М. Мировая политика. М.: Аспект Пресс, 2006, с. 215-218; Rukavishnikov V. Peacekeeping and National Interests. Copenhagen: Copenhagen Peace Research Institute, 2001, p. 4-8.

планирование их применения и оперативное управление ими в соответствии со стандартами и процедурами ООН, ОБСЕ и Содружества Независимых Государств. Думается, ограничение участия в миротворческих операциях только военнослужащими ВС РФ, вряд ли, обоснованно. Многие современные миротворческие операции (скажем, на Балканах) имеют характер полицейских операций, к которым военнослужащие регулярных войск не приспособлены. Явно, необходим пересмотр этой части военной доктрины.

Среди задач внутреннего характера ВС и других войск, кроме борьбы с террористами и бандформированиями, предусмотрена возможность оказания помощи органам государственной власти, органам местного самоуправления и населению при ликвидации последствий аварий, катастроф и стихийных бедствий.

Что касается конкретной организации и конфигурации войск для решения указанных задач, современная российская военная стратегия предусматривает создание группировок войск (сил) на территории РФ с учетом следующих обстоятельств:

- степень потенциальной военной опасности на конкретных стратегических направлениях;
- характер взаимоотношений РФ с сопредельными государствами;
- расположение жизненно важных для РФ промышленных районов и районов стратегических ресурсов, особо важных объектов;
- возможность стратегического развертывания на угрожаемых направлениях при максимальном снижении объемов перевозок, а также межрегионального маневра;
- возможность своевременного вывода войск и материально-технических запасов из-под вероятных ракетно-авиационных ударов;
- условия для расквартирования и обеспечения жизнедеятельности войск, решения социальных и бытовых проблем;

— наличие и состояние базы мобилизационного развертывания;

— общественно-политическая обстановка в конкретных регионах.

Начиная с военной доктрины 1993 г. в официальных документах РФ, определяющих ее военную стратегию, специально подчеркивается, что в целях формирования и поддержания стабильности, обеспечения адекватного реагирования на возникновение внешних угроз на ранних стадиях ограниченные контингенты ВС РФ и других войск могут размещаться в стратегически важных регионах за пределами территории России в составе объединенных или национальных группировок и отдельных баз.¹⁰³ Условия такого размещения определяются соответствующими международно-правовыми документами. Несмотря на то, что это – общепринятая практика многих государств, это положение военной доктрины РФ неизменно вызывает критику со стороны ряда иностранных государств, обвинения России в неоимпериализме.

Нормативными документами РФ специально оговаривается правовой статус российских военнослужащих, находящихся за рубежом. Так, при создании смешанных воинских формирований СНГ они комплектуются военнослужащими государств-участников в соответствии с их национальным законодательством и принятыми межгосударственными соглашениями. Военнослужащие - граждане РФ проходят службу в таких формированиях, как правило, по контракту. Формирования российских войск, находящиеся на территориях иностранных государств, независимо от условий размещения входят в состав ВС РФ и других войск и действуют в соответствии с установленным в них порядком, с учетом

¹⁰³ Основные положения военной доктрины Российской Федерации // Известия, 18 ноября 1993 г.; Красная звезда, 19 ноября 1993 г.; Военная доктрина Российской Федерации. 21 апреля 2000 г. // http://www.ipmb.ru/1_3.html

требований Устава ООН, резолюций Совета Безопасности ООН, двусторонних и многосторонних договоров России.

Особняком стоит *ядерная доктрина* РФ. В постсоветское время она претерпела существенные изменения. В поздний советский период официальная ядерная стратегия основывалась на принципе неприменения ядерного оружия первыми против ядерных государств и полного его неприменения против неядерных государств (при условии, что с его территории не наносится ядерного удара по СССР). Этот принцип, принятый Л.И. Брежневым в 1982 г. (кстати, заимствованный у КНР), всегда вызывал у зарубежных стран (особенно у ядерных государств) недоверие. Его считали одним из многочисленных трюков советской внешнеполитической пропаганды, одним из направлений так называемого «советского мирного наступления».

В этом плане военная доктрина РФ 1993 г. представляла крутой разворот от советской ядерной политики. Во-первых, в ней ничего не говорилось о неприменении ядерного оружия первыми, что было легко интерпретировать как готовность России нанести превентивный ядерный удар в случае необходимости. Во-вторых, менялась политика и в отношении неядерных государств. В частности, в документе подтверждалось обязательство не применять ядерное оружие против неядерных государств, являющихся частью режима ядерного нераспространения (т.е. подписавших и ратифицировавших Договор о ядерном нераспространении 1968 г.). Но при этом предусматривались два исключения:

- если неядерное государство, связанное соглашением о союзе с ядерным государством, нападет на РФ, ее ВС или союзников;

- если неядерное государство сотрудничает с ядерным государством или поддерживает его в деле агрессии против РФ, ее ВС или союзников.¹⁰⁴

В этих случаях Россия оставляла за собой право нанесения или ненаказания ядерного удара по такой стране.

Изменение в ядерной стратегии РФ вызвало, с одной стороны, резкую критику со стороны западных экспертов (особенно из стран Балтии и Польши, которые расценили это положение доктрины, как недвусмысленную угрозу со стороны России в связи с их намерениями вступить в НАТО); с другой – многие эксперты приветствовали отказ России от «пацифистского лицемерия» советской поры и ее переход к более реалистической и предсказуемой политике (кстати, в стиле западных стран, обладающих ядерным оружием).¹⁰⁵

В дальнейшем развитие ядерной стратегии России не претерпело столь радикальных изменений. Имели место лишь отдельные уточнения, хотя некоторые из них явно преследовали цель еще большего ужесточения позиции Москвы в ядерной сфере. Видимо, это объясняется тем, что учитывая относительную слабость России в области обычных вооружений и сил общего назначения в 1990-е гг., Москва все в большей мере была вынуждена опираться на свой ядерный «щит».

15 марта 1999 г. Президент Б.Н.Ельцин утвердил "Основные положения политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания".¹⁰⁶ Этот документ определял роль и задачи стратегических ядерных сил (СЯС), условия их применения для обеспечения национальной безопасности государства.

Согласно этому документу Российская Федерация, рассматривала свои ядерные силы в качестве гаранта

¹⁰⁴ Основные положения военной доктрины Российской Федерации // Известия, 18 ноября 1993 г.; Красная звезда, 19 ноября 1993 г.

¹⁰⁵ Dick C. Op. cit., p. 2; Lockwood, D. Nuclear Arms Control // SIPRI Yearbook 199., Oxford: Oxford University Press, 1994, p. 648.

¹⁰⁶ http://www.ipmb.ru/1_4.html

национальной безопасности и средства сдерживания агрессии против российского государства и его союзников. До тех пор, пока в арсеналах других государств имеется ядерное оружие, обеспечение гарантированного ядерного сдерживания агрессии против России и ее союзников является одним из важнейших приоритетов российского государства. Главной целью политики РФ в области ядерного сдерживания является обеспечение гарантированной защиты территориальной целостности и суверенитета РФ и ее союзников, создание благоприятных условий для мирного развития России. Политика РФ в области ядерного сдерживания не направлена против каких-либо конкретных государств или союзов государств. РФ, рассматривая ядерное оружие как средство сдерживания агрессии, допускает возможность его применения только в качестве вынужденной крайней меры пресечения критических угроз национальной безопасности России и ее союзников, когда все другие меры не смогли эти угрозы устранить. РФ подтверждала, что не применит ядерное оружие против государств - участников Договора о нераспространении ядерного оружия, не обладающих ядерным оружием, кроме как в случае вторжения или другого нападения на РФ, ее территорию, ее вооруженные силы или другие войска, ее союзников, или на государство, с которым она имеет обязательство в отношении безопасности, осуществляемых или поддерживаемых таким государством, не обладающим ядерным оружием, совместно или при наличии союзнических обязательств с государством, обладающим ядерным оружием.

В документе говорилось, что РФ выступает за последовательное сокращение всеми ядерными державами своих ядерных сил на принципах взаимности, за придание универсального характера режиму нераспространения ядерного оружия и его главному инструменту - Договору о нераспространении ядерного оружия 1968 г.

Россия также обещала поддержать создание новых международно-признанных зон, свободных от ядерного оружия, на основе договоренностей, добровольно заключенных между

государствами соответствующего региона, поскольку это укрепляет мир и безопасность на глобальном и региональном уровнях. В этой связи Россия оказала практическую поддержку инициаторам создания Центрально-азиатского безъядерной зоны, идея которой была выдвинута Узбекистаном в 1993 г. и договор о создании которой был подписан в 2006 г.

В документе также подчеркивалось, что Российская Федерация, подписавшая Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний 1986 г., выступает за скорейшее вступление его в силу. В документе также говорилось о том, что Российская Федерация поддерживает проведение многосторонних переговоров по запрещению производства расщепляющих материалов для ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств. Подтверждалась также приверженность заключенным с США соглашениям в сфере контроля за стратегическими вооружениями.

КНБ-2000 продолжила эту линию. Как следует из этого документа, противостоять угрозам со стороны наиболее развитых мировых держав Россия будет именно с помощью ядерного оружия. "Российская Федерация, - говорится в документе, - должна обладать ядерными силами, способными гарантированно обеспечить нанесение заданного ущерба любому государству-агрессору или коалиции государств в любых условиях обстановки"¹⁰⁷.

При этом роль ядерного оружия отнюдь не сводилась лишь к отражению или сдерживанию агрессии, осуществляемой непременно с применением ядерного оружия. Россия допускала "применение всех имеющихся в ее распоряжении сил и средств, включая ядерное оружие, в случае необходимости отражения вооруженной агрессии, если все другие меры разрешения кризисной ситуации исчерпаны или оказались неэффективными".

¹⁰⁷ Концепция национальной безопасности Российской Федерации // Независимая газета, 14 января 2000, с. 5.

Еще откровеннее этот подход был выражен в тексте военной доктрины 2000 г. "Российская Федерация, - говорилось в документе, - не применит ядерное оружие против государств-участников Договора о нераспространении ядерного оружия, не обладающих ядерным оружием, кроме как в случае вторжения или любого другого нападения на Российскую Федерацию, ее территорию, ее Вооруженные Силы или другие войска, ее союзников, или на государство, с которым она имеет обязательство в отношении безопасности, осуществляемых или поддерживаемых таким государством, не обладающим ядерным оружием, совместно или при наличии союзнических обязательств с государством, обладающим ядерным оружием".¹⁰⁸

При этом речь шла о странах, официально заявивших о своем безъядерном статусе. Подход к членам ядерного клуба был значительно жестче: "Российская Федерация оставляет за собой право на применение ядерного оружия в ответ на использование против нее и ее союзников ядерного и других видов оружия массовой поражения, а также в ответ на широкомасштабную агрессию с применением обычного оружия в критических ситуациях для национальной безопасности Российской Федерации и ее союзников". Поскольку определение того, что является такой "критической ситуацией", не имело четких критериев, Россия оставляла за собой почти неограниченную свободу выбора, понижая тем самым "ядерный порог". Ряд отечественных авторов отмечал, что главная проблема – сделать так, чтобы угроза использования ядерного оружия в тех или иных кризисных ситуациях выглядела убедительной для потенциального агрессора.¹⁰⁹ Они даже предлагали разработать отечественную теорию ограниченной ядерной войны с тем,

¹⁰⁸ Военная доктрина Российской Федерации. 21 апреля 2000 г. // http://www.ipmb.ru/1_3.html

¹⁰⁹ Кокошин А.А., Веселов В.А., Лисс А.В. Сдерживание во втором ядерном веке. М.: Институт проблем международной безопасности РАН, 2001, с. 100.

чтобы не ошибиться в определении допустимости понижения «ядерного порога».

Что касается «содержательного» аспекта ядерной стратегии, то Россия по-прежнему придерживается трехкомпонентного состава стратегических ядерных сил (наземные, морские и авиационные силы). Еще в конце 1990-х военно-политическим руководством страны было решено, что в наземной составляющей СЯС России вместо шести типов МБР постепенно перейдут к одному типу ракеты, единой как для стационарного, так и для подвижного базирования. Этой системой является «Тополь-М»; первые стационарные комплексы этой системы были поставлены на боевое дежурство еще в начале нынешнего десятилетия. «Тополь-М» будет находиться в строю, по крайней мере, до 2020 года. В морской составляющей в будущем ставка делается на введение в строй подводных ракетносцев типа «Дмитрий Донской», которые будут оснащаться ракетами типа «Булава» с разделяющейся головной частью. Недавно «Булава» прошла успешные испытания и доказала целесообразность своего использования в дальнейшем.¹¹⁰ В части авиационной составляющей, прежде всего, планируется осуществить модернизацию бомбардировщиков типа Ту-95МС и Ту-160, а также крылатых ракет большой дальности, которыми оснащены эти бомбардировщики. Эти самолеты смогут служить до 2015 г. и далее.¹¹¹

Таковы основные принципы официальной военной стратегии РФ, по крайней мере, так, как они отражены в официальных документах. В целом, несмотря на определенные противоречия и погрешности, она отражает те реальные потребности и проблемы, которые существуют у современной России в сфере военной безопасности. Она также в целом предлагает адекватные средства и способы обеспечения военной безопасности России, хотя на практическом уровне это не всегда подкрепляется конкретными

¹¹⁰ Известия, 2 декабря 2008 г., с. 1-2.

¹¹¹ Кокошин и др. Указ. соч. С. 93-94.

действиями (см. раздел по военному строительству). Необходимо отметить, что военная стратегия России носит в целом оборонительный характер, она не направлена на глобальную экспансию. Ее основная задача – обеспечить благоприятные условия для завершения социально-экономических и политических реформ в России и интеграции нашей страны в мировое сообщество на равноправных условиях.

§4. О войнах будущего: дискуссии в экспертном сообществе

Выше шла речь об официальной военной стратегии РФ в постсоветский период. Однако, наряду с официальными подходами к проблеме обеспечения военной безопасности РФ, существуют и другие, неофициальные, точки зрения на эту проблему. Особенно горячие споры в экспертно-аналитическом сообществе идут о том, какова должна быть военная стратегия России в будущем.

Специалисты выделяют два основных типа стратегического мышления в современной России – традиционное (консервативное) и нетрадиционное («новаторское»)¹¹². К *традиционному* направлению относили президента Академии военных наук РФ генерала армии М. Гареева. Сторонники этой школы, не отрицая влияние революции в военном деле (РВД) на нынешнюю и будущую военную стратегию ведущих стран мира (включая Россию), все же призывают не преувеличивать роль современного высокоточного, бесконтактного оружия в достижении конечного успеха.

«Традиционалисты» считают, что наследие классического стратегического искусства не потеряло своей актуальности и обязательно должно учитываться при разработке будущей военной стратегии. Так, в одной из своих программных статей М.

¹¹² Попов И. Военная мысль современной России <<http://futurewarfare.narod.ru/theoryRF.html>>

Гареев обрушился с критикой на авторов «новомодных теорий»: "Рассчитанные на дезинформацию и широко пропагандируемые в СМИ суждения об исключительно бесконтактном характере вооруженной борьбы обрекают войска сил общего назначения на пассивность и бездействие... В последнее время чуть ли не каждый день придумывают новое название войн: и сетевая, и сетецентрическая, асимметричная, трехмерная, информационная, дистанционная, бесконтактная и т.д... И так называемая теория войн шестого поколения, обозначенная В.И. Слипченко и другими "экспертами" новой волны, не дает ответа на вопрос о характере будущей войны. В ней, наряду с некоторыми рациональными моментами, много схоластики и нежизненного. Книжки о войнах шестого поколения издаются и распространяются фондом Сороса... Клаузевиц или Свечин не представляли себе, как в отрыве от прошлого или того, что делается сегодня, можно рассуждать о войнах будущего. А тут - люди, не изведавшие ни одной войны, конфликта, не побывав в своей жизни ни на одном учении, вдруг объявили себя "крупнейшими специалистами в области будущих войн".¹¹³

В определенном смысле продолжателем традиционного направления военно-стратегического мышления является также директор Института проблем международной безопасности РАН (в 1990-е гг. – зам. министра обороны, секретарь Совета обороны и Совета безопасности РФ, с 1999 г. – депутат Госдумы РФ), академик А.А. Кокошин, который также считает необходимым основывать будущую военную стратегию на опыте предшественников. Вместе с тем, он призывает активно внедрять результаты военно-технической революции в практику ВС

¹¹³ Гареева М. Отстаивая национальные интересы. Обеспечение безопасности России требует более рационального использования невоенных и военных средств // Военно-промышленный курьер, декабрь 2005 г.

России с целью радикального перевооружения последних в соответствии с требованиями войн будущего.¹¹⁴

Среди *нетрадиционных* (так называемых «новаторских») школ военно-стратегической мысли можно условно выделить три основных направления – «мятеж-войны», дистанционно-бесконтактной войны и концентрической войны.

Ряд российских экспертов считает, что в будущем основным средством ведения войны будут не классические войны и военные операции, а стратегия не прямых действий (*мятеж-война*), среди которых ведущее место займут терроризм, использование незаконных военных формирований, информационно-психологических средств воздействия и пр. Особенно популярна эта теория среди националистически настроенных идеологов, которые считают, что в нынешних условиях (и в обозримом будущем) стратегия мятеж-войны будет направлена, прежде всего, против России, которая, по их мнению, является основным препятствием распространению в мире либерально-западных ценностей. Так, один из ведущих сторонников школы мятеж-войны С.В. Анчуков следующим образом характеризует особенности этой стратегии: «Стратегия мятеж-войны – это действительно отклонение от догм классического военного искусства. Это стратегия не прямых действий, в которой выигрывает не тот, кто одержал победу в горячей войне ценой невероятных потерь, а тот, кто обеспечил ПОБЕДУ до начала военных действий, в незримом сражении за душу народа».¹¹⁵

По его мнению, наряду с прямой интервенцией, экспортом революций и мятежей, «за современным миротворчеством, гуманитарными, антитеррористическими и иными

¹¹⁴ Кокошин А.А. и др. Сдерживание во втором ядерном веке; Кокошин А.А. Армия и политика. М.: ИМО, 1995; Кокошин А.А.. Стратегическое управление. Теория, исторический опыт, сравнительный анализ, задачи для России. М.: РОСПЭН, 2003 // <http://www.ipmb.ru>

¹¹⁵ Анчуков С.В. Тайны мятеж-войны: Россия на рубеже столетий <<http://www.pseudology.org/Anchukov/index.htm>>

“специальными операциями”, за экономическими санкциями и наступлением криминалитета, за взрывами в мирных городах и политическими убийствами просматривается лик глобальной информационной войны».

С.В. Анчуков считает, что иерархия задач в мятеж-войне против России выглядит следующим образом:

- деморализация русского народа, в том числе тотальным подавлением его национального самосознания;
- идейный разгром национально мыслящей, активной части населения;
- экономический захват и контроль ключевых объектов, имеющих для русских жизненно-важное значение;
- развал сложившихся союзов прорусской (пророссийской) направленности;
- прямое уничтожение материальных объектов, на обширной территории России имеющих для русских значение системы обеспечения национальной безопасности и обороны.¹¹⁶

В то же время сторонники концепции мятеж-войны (как и представители традиционного направления стратегической мысли) не верят, что военно-технологическое превосходство одной из сторон само по себе является достаточным условием для победы в войне. Так, по их мнению, горстка хакеров за сравнительно небольшие деньги может вывести из строя информационные системы и средства связи даже крупной военной державы и тем самым лишить последнюю былых преимуществ в информационно-психологической войне. Парадокс заключается в том, что технологические преимущества, точнее зависимость той или иной армии от информационных технологий, могут превращаться в источник уязвимости этой державы. С.В. Анчуков и А.И. Суслов подчеркивают, что именно недочеты и несогласованность применявшихся систем связи повинны в смерти 25% погибших во второй иракской войне солдат союзников, а также в гибели 75% подбитых иракцами

¹¹⁶ Там же.

самолетов.¹¹⁷ К тому же, если перед победившей в войне армией ставится задача удержания контроля за территорией бывшего противника, то она, по сути дела, возвращается к войнам предшествующих поколений и рискует получить асимметричный ответ в виде партизанской войны и терроризма (т.е. той же мятеж-войны).

Оценивая в целом «инновационный потенциал» концепции мятеж-войны, отметим, что в ней верно подмечена современная тенденция к стратегии не прямых действий, сочетанию действий регулярных и иррегулярных вооруженных сил. Однако представляется маловероятным, чтобы мятеж-война полностью заменила традиционные войны или, по крайней мере, отодвинула их на задний план. Мятеж-война, скорее всего, характерна для войн и конфликтов внутреннего характера, а также выступает дополнительным фактором в межгосударственных войнах (конфликтах), как это было в Югославии, Афганистане и Ираке.

Вторая школа, которую часто называют *теорией дистанционной* или *бесконтактной войны*, как раз наоборот считает, что войны будущего – этой войны передовых военных технологий.

Так, ведущий теоретик дистанционной войны В.И. Слипченко считает, что войны, которые ведутся в последнее время, и прежде всего Соединенными Штатами, коренным образом отличаются от войн прошлых лет. Это бесконтактные войны, в которых может быть задействовано большое количество высокоточного оружия. Имеющийся достаточный опыт организации, ведения и результатов бесконтактных войн (в зоне Персидского залива, Югославии, Афганистане) позволяет утверждать, что именно этим войнам принадлежит будущее и

¹¹⁷ Анчуков С.В., Суслов А.И. Война и военная стратегия: реквием современности

(постмодернистский взгляд и посильные размышления о будущем) // Самиздат, 9 марта 2003 г.
<http://zhurnal.lib.ru/a/anchukow_s_w/woinast.shtml>

именно к ним должны готовиться вооруженные силы практически всех государств. В.И. Слипченко называет их «войнами шестого поколения» (появление ядерного оружия стало базой для войн пятого поколения).¹¹⁸ По его мнению принятая в 1998 г. Объединенным комитетом начальников штабов ВС США «Единая перспектива 2010» как раз и представляет собой четкую стратегическую концепцию ведения войны нового поколения.

Согласно В.И. Слипченко, уже сейчас идет расслоение между государствами по степени готовности к войнам шестого поколения. Дело в том, что разработка и производство высокоточного оружия в требуемых количествах и его информационное обеспечение будет под силу только наиболее развитым в научно-техническом, экономическом и военном отношении государствам. Сегодня можно определить условные границы между государствами, которые непременно будут обладать этим оружием в достаточном количестве, и теми, кто никогда не сможет создать и даже закупить его. Те страны, вооруженные силы которых отстанут в военном развитии, будут вынуждены продолжать делать ставку на имеющееся у них ядерное оружие или другие виды оружия массового поражения.

По мнению сторонников данной школы, Россия, к сожалению, шла именно этим путем, что и было зафиксировано в ее военных доктринах 1993 и 2000 гг., определявших роль СЯС как основную в деле обеспечения военной безопасности РФ.¹¹⁹

В.И. Слипченко отмечает, что высокоточное оружие является средством бесконтактного уничтожения; его высокие боевые свойства, продемонстрированные в войнах последних десяти лет, дали, безусловно, новый толчок для разработки средств противодействия ему и предопределили начало нового витка гонки ударных и оборонительных высокоточных систем оружия. Однако совершенно ясно, что интенсивное наращивание и

¹¹⁸ Алексин В. В третьем тысячелетии мир ожидают совсем другие войны // Независимое военное обозрение, № 8, 2000, с. 4.

¹¹⁹ Там же.

распространение высокоточного оружия будет нести в себе и мощный потенциал дестабилизации стратегической обстановки в мире. Это обстоятельство вынуждает военную науку изучать бесконтактные войны, принципы их ведения и предъявлять обоснованные требования к вооруженным силам.¹²⁰

Согласно данному направлению стратегической мысли, вооруженные силы большинства государств должны готовиться к бесконтактным безъядерным войнам, хотя ядерное оружие в обозримый период будет оставаться в арсеналах многих стран, поэтому и способность отразить ядерный удар должна сохраняться. Боевой потенциал вооруженных сил будет представлять собой совокупность современных систем высокоточных ударных и оборонительных вооружений, способных без ставки на ядерное оружие и на живую силу выполнить стоящие перед ними задачи.

Сторонники дистанционной войны уверены, что внедрение новых военных технологий приведет к существенным структурным изменениям в ВС ведущих стран мира. Уже примерно через десять лет они должны будут состоять не из видов и родов сил, действующих по сферам — суша, море, воздух, а из разведывательно-ударных и оборонительных боевых систем, объединяющих информационные поля в космосе, воздухе, на море и на суше, а также сил и средств доставки высокоточного ударного и оборонительного оружия. Вооруженные силы стран должны будут состоять из двух функциональных видов — стратегических оборонительных и стратегических ударных сил (в том числе и ядерных), а также могут иметь в своем составе относительно небольшие мобильные силы и единую систему управления. В вооруженных силах должно начаться широкомасштабное наращивание количества безъядерных стратегических ударных вооружений воздушного и

¹²⁰Слипченко В.И. К какой войне должны готовиться вооруженные силы // Отечественные записки, № 8, 2002 г. <<http://www.strana-oz.ru/?numid=9&article=356>>

морского базирования, космических средств различного назначения, но одновременно должна значительно повыситься роль воздушно-космической обороны (против авиации, баллистических и крылатых ракет, космических средств).

В войнах прошлых поколений, которые были контактными, основная нагрузка ложилась на сухопутные войска. Победить без оккупации территории противника было невозможно. Порой эта оккупация длилась многие годы, десятилетия, что требовало огромных расходов на содержание оккупационных войск, поддержание их боеспособности.

В современных же условиях кардинально меняется понятие «победа». Достаточно с помощью стратегических ударных (неядерных) сил бесконтактным способом разгромить экономический потенциал противника, вывести из строя системы энергоснабжения, коммуникации, и политическая система противника, скорее всего, развалится сама по себе. То есть, по мнению сторонников дистанционной войны, сейчас можно решать вопрос о смене неугодного правящего режима и без наземных операций. Так, в результате бомбардировок Югославии в 1999 г. вся ее военная и особенно экономическая инфраструктура оказались разрушенными. Материальный ущерб составил около 100 млрд.долл., был поставлен вопрос о смене политического режима в этой стране.¹²¹

Адепты дистанционной войны видят в такого рода способе ведения военных действий реализацию на практике закона «убывающей силы», когда, с одной стороны, идет быстрое наращивание масштабов военной высокоточной ударной мощи одного государства-агрессора и, с другой — резко снижается экономический потенциал другого государства, подвергшегося агрессии. Не исключено, что уже в самом начале бесконтактной войны в результате нанесения агрессором издалека внезапных массированных высокоточных огневых ударов по органам и

¹²¹ Алексин В. В третьем тысячелетии мир ожидают совсем другие войны, с. 4.

средствам государственного и военного управления противника может быть полностью нарушено управление его войсками. Если обороняющийся противник оказался не готов к такой войне, т. к. всю ставку, как и в прошлом, сделал на ядерное оружие, на свои сухопутные войска и противовоздушную оборону на базе активной радиолокации, то нападающему (агрессору) не нужно громить такие его вооруженные силы. Они, за исключением средств ответного удара, не будут представлять собой никакой угрозы для нападающего, который может находиться очень далеко. В условиях разрушенной экономики такие вооруженные силы обречены сначала на потерю боеспособности, а затем и на полный развал. Ошибочно надеяться, что уже в ходе такой бесконтактной войны можно будет воспользоваться ядерным оружием (кроме акта самоубийства) или можно будет где-то в глуши развернуть новые объекты военной экономики и таким образом поправить дело. В бесконтактных войнах невозможно будет сохранить экономику, используя для ее обороны силы и средства прошлых поколений контактной или ядерной войн. Кроме того, руководство страны, подвергшейся бесконтактной агрессии, все же вряд ли решится применить имеющееся у него ядерное оружие, т. к. оно, скорее всего, есть и у агрессора.¹²²

Однако теория бесконтактной войны не объясняет, почему в случае с Афганистаном и Ираком (несмотря на активное использование высокоточного оружия и информационных технологий) все же потребовались наземные операции и территориальная оккупация этих стран (кстати, не очень эффективная).

Школа бесконтактной войны указывает на вероятные изменения в самой природе боевых действий. Если раньше главные объекты и цели, предназначенные для их поражения, находились на поле боя в тактической зоне, то в бесконтактных войнах будущего такими целями станут тактико-оперативно-

¹²² Здесь и далее по: Слипченко В.И. К какой войне должны готовиться вооруженные силы.

стратегические. Для их поражения потребуется очень большое количество высокоточных и беспилотных средств различной дальности действия (оружие, основанное на новых физических принципах) и средств их доставки (в основном наземного, воздушного, морского, а в последующем и космического базирования). Речь идет не о лавине огня из всех видов оружия, а о «хирургически точных бесконтактных операциях» по уничтожению множества важнейших объектов экономики. В начале бесконтактной войны первоочередному поражению подвергнутся заранее обнаруженные по факту радиолокационного и радиоизлучения позиции сил и средств ПВО, радиоэлектронной борьбы (РЭБ), пункты управления, узлы связи, важнейшие базы, аэродромы, средства ответных действий. Все, что будет продолжать работать на принципе использования радио или радиолокационного излучения, будет практически немедленно уничтожаться специальными разведывательно-ударными системами. Выключенные средства излучения будут уничтожаться самонаводящимися на тепловое излучение двигателей транспортных средств или агрегатов их питания крылатыми ракетами, запускаемыми воздушными носителями за пределами зон ПВО. Все последующие удары будут предназначены в основном для безусловного поражения объектов экономики, инфраструктуры, энергетики, коммуникаций на всю глубину территории противника в любой части света.

Согласно концепции дистанционной войны массированное применение высокоточных крылатых ракет воздушного и морского базирования в бесконтактных войнах будет осуществляться при помощи большого количества беспилотных летательных аппаратов различного назначения. Они будут действовать одновременно с нескольких стратегических воздушно-космических направлений, т. е. без сосредоточения основных усилий на одном направлении, что создаст исключительно сложную воздушно-космическую обстановку в зоне ответственности ПВО обороняющегося.

По мнению экспертов, принципиально новым в военном искусстве бесконтактных войн может стать постепенное смещение функций стратегического ядерного сдерживания к стратегическому неядерному сдерживанию. В отличие от ядерного сдерживания, высокоточным оружием можно будет не только угрожать нанесением неотвратимого неприемлемого ущерба, но и осуществлять упреждающий удар по ним. Сдерживающий эффект от угрозы применения высокоточного оружия будет несравнимо более высоким, чем от нереальной угрозы привлечения ядерного оружия. Учитывая его значительную легитимность по сравнению с ядерным оружием, следует ожидать, что оно непременно возьмет на себя реальные функции сдерживания любого противника в любом регионе планеты. Стратегия сдерживания в ближайшей перспективе до 2010–2015 годов, вполне вероятно, будет носить комбинированный характер: сильные в военном отношении государства будут сдерживать агрессию высокоточным оружием, хотя будут иметь и ядерное оружие, а слабые государства — ядерным и другими видами оружия массового поражения.

Сторонники бесконтактной войны особо подчеркиваю, что стратегическое неядерное сдерживание, в отличие от ядерного, может осуществляться не из центра, а из региональных командований на стратегических направлениях, что повышает гибкость его применения и эффективность.

Школа дистанционной войны считает, что для реализации концепции стратегического неядерного сдерживания и ведения бесконтактных войн должны быть созданы разведывательно-ударные боевые системы, включающие:

— разведывательные средства стратегического предупреждения о начале подготовки противника к нападению, о его готовности нанести бесконтактный высокоточный удар в ближайшее время (месяцы, недели, сутки, часы, минуты), о начале воздушно-космическо-морской ударной операции с применением определенных видов оружия и сил;

- требуемое количество стратегических высокоточных неядерных сил и средств различного базирования и их носителей;
- автоматическую систему управления всеми силами и средствами стратегического неядерного сдерживания и ведения войны;
- средства воздушно-космической обороны (противокрылаторакетной, противоракетной, противокосмической);
- силы и средства технического обеспечения.

В бесконтактных войнах, скорее всего, изменятся многие привычные представления не только в области стратегии, но также и в области оперативного искусства и тактики. Для государств, участвующих в вооруженном противоборстве, такая война всегда будет иметь широкий пространственный размах. Не будет явно выделенного направления главного удара, т. к. удары будут наноситься одновременно со всех направлений театра войны (военных действий). Сторонники дистанционной войны всерьез уверены, что в ближайшие десять-пятнадцать лет даже самые передовые нынешние формы и способы ведения контактной войны потеряют всякий смысл.

Во всех предыдущих поколениях контактных войн основными формами наземных военных действий были удар, бой, операция, являвшиеся основополагающими категориями военной науки и военного искусства. В бесконтактной вооруженной борьбе произойдут большие изменения. Известно, что во всех предыдущих поколениях контактных войн ведущую роль в последовательном разгроме группировок противника играла тактика. В войнах будущего главную роль в одновременном поражении противника будет играть стратегия.

Эксперты, придерживающиеся теории дистанционной войны, особо подчеркивают, что меняется координатная система войн нового поколения. Если в войнах прошлых поколений, которые велись исключительно контактным способом, координаты главных усилий противоборства были, в основном, двухмерными и лежали на земной поверхности (ширина, глубина наступления

или обороны), а вертикальная (главным образом, воздушная) использовалась лишь как вспомогательная, обеспечивающая действия наземных войск, то в бесконтактных войнах все происходит наоборот. Войны как бы отрываются от земной поверхности и становятся объемными, трехмерными. Основные усилия противоборства в них будут сосредоточены по воздушно-космическим координатам, а наземные координаты лишь в некоторых случаях могут стать обеспечивающими. Решающие военные действия будут происходить не на сухопутных театрах, а в воздушно-космическом пространстве, которое станет главным театром войны. Суверенитет государства, подвергнутого нападению, может быть нарушен именно здесь без проникновения на его наземную территорию.

Сторонники теории дистанционной войны идут настолько далеко, что утверждают, будто постепенно утратят смысл и значение или изменят свое содержание такие фундаментальные понятия современной теории стратегии, как стратегическое развертывание (отмобилизование, оперативное развертывание, перегруппировка войск, резервов), стратегическое наступление или стратегическая оборона группы фронтов на континентальных театрах военных действий. В связи с этим исчезнут тактические, оперативные и даже стратегические рубежи и фланги. Такие термины контактного противоборства, как «фронт», «тыл», «передний край» потеряют свой традиционный смысл и будут вытеснены понятиями: «требуется уничтожить» или «не требуется уничтожать» бесконтактным способом. Массированные удары в течение длительного времени будут одновременно наноситься по объектам на всей территории страны, подвергнутой нападению. Трудно будет выявить отличие между стратегией и оперативным искусством. Управление разведывательно-ударными боевыми системами нападающего в такой войне в конечном итоге сведется к нескольким командам: «обнаружить», «принять решение», «уничтожить», «задокументировать результаты уничтожения».

Считается, что новым содержанием наполнятся принципы военного искусства:

- во-первых, главными в таких войнах будут спрессованные одновременные действия разведывательно-ударных боевых систем. Носители средств поражения в своем большинстве не будут находиться в непосредственном контакте с противником;
- во-вторых, резко уменьшится, а может, исчезнет вообще влияние ядерного оружия на достижение стратегических и политических целей. Ядерное оружие сохранится на вооружении ряда стран, но его нельзя будет применять ни в каких критических ситуациях;
- в-третьих, в связи с бесконтактным характером войн перестанут быть необходимыми группировки сухопутных войск, сил и средств, оружие поля боя;
- в-четвертых, согласование усилий видов вооруженных сил и родов войск будет осуществляться по двум взаимоувязанным, но противоположным направлениям — действиям стратегических безъядерных ударных и стратегических оборонительных сил и средств;
- в-пятых, из трех известных в прошлых поколениях контактных войн элементов боя и сражения — огонь, удар и маневр — сохранится лишь удар высокоточных сил и средств, запускаемых из зон, находящихся за пределами досягаемости средств поражения обороняющейся стороны.

На основании вышесказанного сторонники теории дистанционной войны делают весьма смелый, категоричный вывод. В бесконтактных войнах, которые, скорее всего, проявятся после 2010–2015 годов, победа может быть достигнута нападающим не только без оккупации, но и вообще без контакта с противником, лишь в результате проведения длительной стратегической воздушно-космическоморской ударной операции и выигрыша в информационном противоборстве.

Далее следуют призывы решительно изменить систему подготовки военных кадров для ведения бесконтактных войн. В военных институтах соответствующего назначения надо изучать высокоточное ударное и оборонительное оружие, его воздушные и морские носители, способы применения. В военных университетах и военных академиях следует учить работать с разведывательно-ударными боевыми системами. В военных академиях национальной обороны (генерального штаба) государств изучать воздушно-космическо-морские ударные операции, виды обеспечения операций и управление вооруженными силами в целом.

Признавая несомненную теоретико-методологическую ценность теории бесконтактной войны (особенно в плане влияния РВД на характер войн будущего и, соответственно, военную стратегию ведущих государств мира, все же трудно удержаться от ряда серьезных критических замечаний в ее адрес. Во-первых, далеко не всегда даже массированное и длительное применение высокоточного мощного оружия способно полностью сломить волю противника к сопротивлению и привести к победе. Так, ракетно-авиационные удары по Югославии в 1999 г. хотя и разрушили значительную часть военно-экономической инфраструктуры этой страны, но, однако, не уничтожили полностью ее военный потенциал и способность к сопротивлению.

Военное руководство НАТО очень боялось перехода к фазе наземных военных действий, т.к. учитывая особенности природного ландшафта театра боевых действий (горные и лесные массивы), а также относительно высокий боевой дух югославской армии, наземное вторжение неизбежно привело бы к большим потерям в войсках НАТО.

Еще более яркий пример неэффективности стратегии бесконтактной войны демонстрирует Афганистан. Социально-политическая и экономическая структуры этой страны были разрушены за четверть века до нанесения по режиму талибов ударов с применением того самого высокоточного,

бесконтактного оружия. Государство и общественные институты Афганистана распались как таковые. Однако ни это бедственное положение, ни иностранная интервенция, начавшаяся осенью 2001 г., не заставили капитулировать ни талибов, которые даже восстановили свой контроль за рядом районов страны, утраченный было в начале союзной операции в 2001 г., ни Аль-Каеду, которая по-прежнему имеет базы в этой стране. Афганистан по-прежнему представляет собой угрозу безопасности как сопредельного региона, так и мира в целом, ибо он является одним из основных производителей и поставщиков героина в мире, а также местом подготовки террористических кадров.

Нелишне также отметить, что и в случае с Афганистаном не удалось обойтись лишь бесконтактными методами ведения войны. В начале войны силы так называемого Северного альянса организовали полномасштабные наземные операции для освобождения большей части территории страны (включая ее столицу Кабул). Сами США и их партнеры по союзной коалиции были вынуждены организовывать «точечные» наземные операции силами спецназа для ликвидации ключевых структур Талибана и Аль-Каеды. В Ираке также после стадии бесконтактной войны США и их союзники были вынуждены перейти к классическим наземным операциям, а затем и вовсе завязли в «болоте» антипартизанской войны.

Еще одно сомнение в отношении дистанционной войны возникает в связи с ее возможностью со всеми типами государств. Если она вполне вероятна (и, отчасти, она уже имело место в упомянутых случаях) в отношении неядерных государств, то представляются маловероятными военные действия подобного характера в отношении ядерных государств. Как признают сами сторонники бесконтактной войны, даже после нанесения превентивного удара стратегическими неядерными средствами жертва агрессии вполне может сохранить ядерный потенциал ответного удара. Это служит эффективным средством сдерживания потенциального агрессора.

Еще одним направлением нетрадиционной военной мысли является *теория консциентальной войны*. Сторонники этой теории в отличие от Клаузевица, считавшего войну продолжением политики иными средствами, видят в войне «способ разрешения общественных противоречий путем уничтожения, геноцида или дезориентации противника с целью захвата или перераспределения его ресурсов».¹²³ Средства ведения войны зависят от уровня развития общества и его военно-технической базы, а также от характера задач, стоящих перед государствами в ходе конфликта.

Адепты консциентализма считают, что мир вступает в период пятой мировой войны. Третья мировая война – это «холодная война», длившаяся с конца 1940-х до начала 1970-х гг. (Заключительный акт Хельсинского Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г. завершил этот этап).

В начале 1980-х годов, по мнению консциенталистов, началась "четвертая мировая война", основным оружием в которой служили потоки информации (в том числе и дезинформации), внедряемой в массовое сознание через СМИ. Прямое уничтожение противника в этой войне было заменено на его дезориентацию, а в дальнейшем на культурный и экономический геноцид.

Консциенталисты считают, что СССР проиграл третью и четвертую мировые войны. Особенно катастрофичными для России были результаты четвертой мировой войны:

- огромные территории, присоединенные к России столетия назад, перестали ей принадлежать;
- природные ресурсы были серьезным образом перераспределены;
- вдвое уменьшились людские ресурсы;

¹²³ Потехин В. Современные войны и национальная безопасность России <<http://www.df.ru/~metuniv/consor/POTEN2.html#0>>

- Русь как историческое ядро российской государственности, была искусственно расчленена на три "суверенные" обломка и три искусственные нации;

- как субъект геополитики, Россия была вытеснена с мирового уровня на региональный.¹²⁴

Сторонники данной школы считают, что пятая мировая война носит характер консциентальной войны. Как разъясняет один из сторонников данной школы консциентальность происходит от латинского слова *conscientia* - «сознание» (также «совесть») и связано с сознанием. «Соответственно, консциентальная война – война на поражение сознания».¹²⁵ Другой эксперт приводит более развернутое определение: «Под консциентальной войной автор понимает войну психологическую по форме, цивилизационную по содержанию и информационную по средствам, в которой объектом разрушения и преобразования являются ценностные установки народонаселения противника, в результате чего первичные цели заменяются вторичными, третичными и более низкими, приземного уровня, с несколько увеличивающейся вероятностью их достижения, причем эта вероятность за счет экономических и других материальных рычагов воздействия варьируется таким образом, что достижение заменяющих целей воспринимается человеком как его благо».¹²⁶

Учитывая непосредственную связь ценностных и целеполагающих установок человека с культурой его народа, консциенталисты считают, что объектом разрушения в консциентальной войне является культурная оболочка противника, а поскольку культура - стержень цивилизации, вопрос идет о разрушении цивилизации. Сходной точки зрения придерживается и Ю. Крупнов, который считает, что в основе

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ Крупнов Ю. Как Россия сможет предотвратить пятую мировую войну <<http://www.krupnov.ru>>

¹²⁶ Потехин В. Современные войны и национальная безопасность России.

поражения в консциентальной войне лежит уничтожение человеческой способности к свободной идентификации, т.е. к самоопределению того, кем человек стремится быть и в рамках какой культурно-исторической традиции. Наличие и действующее состояние подобной способности делает жизнь человека принципиально открытой и, в то же время, очень жестко задающей единство самосознания через рефлексии собственного призвания и самых дорогих человеческих связей. После уничтожения такой способности человеку может быть навязана или наведена любая идентификация, которая по каким-то причинам необходима извне. Идентификация строится на основании воображения - деятельности по порождению образов и сущностных символов. Именно символические ряды и само воображение подвергаются замещению или слому в первую очередь.¹²⁷

Сторонники консциентализма считают, что сначала СССР, а затем и Россия стали первоочередным объектом консциентальной войны со стороны Запада. Для создания системы сопротивления этому типу войны Россия должна, во-первых, осознать сам факт ведения такой войны против нее, во-вторых, разработать комплекс мер по восстановлению социально-экономического и духовного потенциала страны.

В плане критики консциенталистской теории отметим, что, во-первых, она разделяет множество сходных черт с многочисленными теориями заговора, которые весьма примитивно трактуют суть происходящих в мире (а в данном случае - в России) процессов. Во-вторых, этой теории присуще весьма своеобразное представление о войне, которое имеет мало общего собственно с военной сферой. Скорее, речь идет о культурно-информационных, чем военных аспектах национальной безопасности, что находится за пределами нашей научной проблематики.

¹²⁷ Крупнов Ю. Как Россия сможет предотвратить пятую мировую войну.

Оценивая в целом нетрадиционные теории военной стратегии, отметим, что, несмотря на ряд оригинальных идей, эти теории так и не смогли предложить комплексного и непротиворечивого видения характера войн будущего и, соответственно, будущих военных стратегий. Дискуссии на эти темы в экспертном сообществе России по-прежнему далеки от завершения.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

1. В каких условиях развивалась военная стратегия России после окончания «холодной войны»?
2. Насколько быстро были учтены объективные изменения стратегической обстановки в доктринальных документах России?
3. Как характеризуется стратегическое окружение России в Концепциях национальной безопасности 1997 и 2000 гг. и Стратегии национальной безопасности 2009 г.?
4. В чем заключаются различия между российскими военными доктринами 1993, 2000 и 2010 гг.?
5. Каковы основные этапы военной реформы в России и каковы ее итоги?
6. В чем особенности ядерной военной доктрины России?
7. Каково содержание основных направлений дискуссий о войнах будущего?
8. В чем заключаются принципиальные различия между «традиционалистами» и «модернистами» в определении характера войн будущего?

ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ САМОПОДГОТОВКИ

1. Военная доктрина Российской Федерации (Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 21 апреля 2000) // http://www.ipmb.ru/1_3.html
2. Военная доктрина Российской Федерации (утверждена указом Президента РФ от 5 февраля 2010 г.) <http://президент.рф/ref_notes/461>
3. Концепция национальной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ от 10 января 2000 г. № 24) <http://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/snconold.htm>
4. Основные положения военной доктрины Российской Федерации // Известия, 18 ноября 1993 г.
5. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года (утверждена указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537) <<http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html>>
6. Анчуков С.В., Суслов А.И. Война и военная стратегия: реквием современности (постмодернистский взгляд и посильные размышления о будущем) // Самиздат, 9 марта 2003 г. <http://zhurnal.lib.ru/a/anchukow_s_w/woinast.shtml>
7. Балувев Д.Г. Политика в войне постиндустриальной эпохи // Международные процессы. 2005. Т. 3, № 3.
8. Внешняя политика и безопасность современной России: в 4-х томах / Сост. Т.А. Шаклеина. М.: РОССПЭН, 2002.
9. Кокошин А.А. Армия и политика. - М.: МГИМО, 1995.
10. Сергунин А.А. Эволюция военной стратегии: история и современность // Региональные аспекты международных отношений: история и современность. Н. Новгород: Издательство ННГУ, 2009. С. 11-17.
11. Сергунин А.А. Эволюция концепта «военная безопасность» в доктринальных документах Российской Федерации // Национальная безопасность / NOTA BENE, 2011. — № 5. — С. 6-14.

12. Слипченко В. Война будущего. - М., 1999.
13. Слипченко В.И. К какой войне должны готовиться вооруженные силы // Отечественные записки, № 8, 2002 г. <<http://www.strana-oz.ru/?numid=9&article=356>>
14. Sergunin A. On the Russian Military Reform: A Rejoinder // The Journal of Slavic Military Studies, 2012. — Vol. 25, — № 2. — P. 251-256.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эволюция военной стратегии современного государства показывает несколько тенденций, связанных с объективными изменениями не только в военном деле, но и в международных отношениях в целом. Исчезновение СССР как супердержавы, эрозия международного права и авторитета международных организаций (ООН и ОБСЕ), относительное падение значимости института государства в пользу негосударственных субъектов политики, обострение этно-религиозных противоречий и сепаратизма, рост доступности оружия, обладающего большой разрушительной силой, и военных технологий привели к увеличению числа военных конфликтов с участием нерегулярных вооруженных формирований. В этих новых конфликтах не всегда можно определить воюющие стороны, не имеющие четко выраженной национально-государственной принадлежности и ясных политических и стратегических целей. Порой бывает сложно отделить гражданское население от вооруженных формирований. Нерегулярные формирования часто прибегают к нетрадиционным приемам боевых действий, что затрудняет планирование военных действий против них. Все это нашло отражение в эволюции современной военной стратегии государств.

В оценке угроз преобладает региональный фокус, потому что в международной системе в настоящее время нет противостоящих центров силы или супердержав со сравнимым военным потенциалом. Несмотря на относительное падение политического и экономического влияния, США сохраняют статус самой сильной военной державы мира, способной к подготовке и ведению операций в глобальном масштабе. Ни одно другое государство в ближайшей и среднесрочной перспективе не будет обладать такими возможностями регулярных вооруженных сил. Поскольку великие державы основным источником угроз считают государства «третьего мира», государства-«изгои» и негосударственных субъектов политики

(международный терроризм, международные преступные организации, экстремистские движения), то в оценке угроз повысилось внимание к потенциальной асимметричной атаке со стороны противника.

Сами угрозы стали менее предсказуемы по источнику, характеру, интенсивности и последствиям, что повышает неопределенность стратегического окружения для многих государств, включая великие державы. В то же время, победа в современной войне не гарантируется лишь военным превосходством, как показал опыт войн на Балканах, на Кавказе, в Ираке, Афганистане, Ливии и Сирии. Планы военных кампаний вынуждены учитывать перспективу политического урегулирования после завершения военной фазы кампании. Более того, расширяется список миссий, которые военные вынуждены планировать и выполнять в условиях отсутствия войны.

В стратегическом планировании ведущих государств наблюдается повышение внимания к разработке оперативно-тактических операций, а не всеобъемлющих военных стратегий. Особое внимание уделяется внедрению научно-технических достижений и повышению за счет этого эффективности в управлении боевыми действиями. В частности, это включает в себя опережение противника в оценке ситуации на поле боя и в принятии решений, межвидовое взаимодействие сил и средств, широкое применение высокоточных систем оружия, достижение победы меньшими силами за счет нанесения ударов в стратегически важные точки, а не массовой атаки по всему фронту. В то же время, ни одному государству, включая США, не удалось реализовать в полной мере подобные планы из-за того, что они предполагают крайне затратные и длительные по времени реформы вооруженных сил государства. Да и ставка на РВД как панацею многие военные эксперты считают ошибочной, указывая на опыт современных войн.

Ядерное оружие не теряет своей значимости в силу того, что его распространение за пределы великих держав повышает риски боевого применения в случае обострения региональных

конфликтов. Еще большие риски создает возрастание числа государств, обладающих тактическим ядерным оружием. Совершенствование неядерных стратегических сил создает дополнительные условия для нарушения глобальной стабильности из-за того, что они позволяют решать те же задачи, что и ядерные силы, включая нейтрализацию стратегических ядерных сил противника.

Опыт военных реформ и изменения в военной стратегии, продиктованные радикальными переменами в международных отношениях рубежа XX-XXI веков, показали, насколько важно учитывать тесную взаимосвязь военной стратегии с более общей стратегией национальной безопасности. Последовательному стремлению США к лидерству соответствовало в целом поступательное наращивание возможностей и эффективности вооруженных сил. Основная проблема военной стратегии связана с политической составляющей – несоответствием амбиций глобального лидерства с реальными возможностями государства. Однако приход к власти Б. Обамы обозначил тенденцию к поиску оптимального сочетания национальных приоритетов и перспектив развития вооруженных сил. В России же сложности военных реформ в решительной мере объясняются длительной и непоследовательной переоценкой стратегии национальной безопасности: статуса России в новых условиях и ее реальных возможностей, приоритетов внешней политики государства, источников угроз безопасности, изменения характера отношений с бывшими союзными республиками как в сфере экономики, так и в вопросах безопасности.

Таким образом, процесс пересмотра многими государствами своей военной стратегии применительно к новой международной обстановке не завершен по различным причинам объективного и субъективного характера, а сама современная стратегия еще не получила законченного вида.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ

Источники

Военная доктрина Российской Федерации (Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 21 апреля 2000) // http://www.ipmb.ru/1_3.html

Военная доктрина Российской Федерации (утверждена указом Президента РФ от 5 февраля 2010 г.) <http://президент.рф/ref_notes/461>

Клаузевиц К. О войне. М.: Наука, 1999.

Концепция национальной безопасности Российской Федерации // Российская газета, 1997, 26 декабря.

Концепция национальной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ от 10 января 2000 г. № 24) <http://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/snconold.htm>

Основные положения военной доктрины Российской Федерации // Известия, 18 ноября 1993 г.

Стратегия в трудах военных классиков. / Под ред. А. Свечина. М.: Госвоениздат, 1926 // militera.lib.ru/science/classics2/index.html

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года (утверждена указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537) <<http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html>>

Федеральный закон Российской Федерации «О безопасности» от 5 марта 1992 г., № 2446-1 <http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_40315.html>

Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ "Об обороне" <<http://base.garant.ru/135907/>>

Aspin L. Report on the Bottom-Up Review. Washington: Office of the Secretary of Defense, Oct. 1993.

Ballistic Missile Review Report. February 2010. – Washington: Department of Defense, 2010.

Capstone Concept for Joint Operations. Version 2.0 – Washington: Department of Defense, 2005.

Clinton W. A National Security Strategy of Engagement and Enlargement. – Washington: GPO, 1995.

Chairman of the Joint Chiefs of Staff Instruction. – Washington: Joint Chiefs of Staff, 2008

Defense Strategic Guidance Media Roundtable at the Pentagon January 5, 2012 // www.defense.gov/transcripts/transcript.aspx?transcriptid=4954

Doctrine for Joint Nuclear Operations. Joint Publication 3–12. – Washington: Joint Chiefs of Staff, 1993.

Doctrine for Joint Nuclear Operations. Joint Publication 3–12. Final coordination (2). – Washington: Joint Chiefs of Staff, 2005.

Field Manual 100-7. Decisive Force: the Army in Theater Operations. – Washington: Headquarters Department of Army, 1995.

Homeland Security Joint Operating Concept. – Washington: Department of Defense, 2004.

National Defense Strategy 2008. Washington: U.S. Department of Defense, 2008.

Quadrennial Defense Review Report. – Washington: Department of Defense, 2010.

Stability Operations: Joint Operations Concept (Draft). – Washington: Department of Defense, 2004.

Strategic Deterrence Joint Operating Concept. – Washington: Department of Defense, 2004.

Strategic challenges: America's global security agenda / Ed. by S. Flanagan, J. Schear. – Washington: National Defense University, 2008.

Sustaining Global Leadership: Priorities for 21th Century Defense. – Washington: Department of Defense, 2012.

The National Defense Strategy of the United States. – Washington: Department of Defense, 2005.

- The National Military Strategy of the United States. – Washington: Office of the Chairman, Joint Chiefs of Staff, 2004.
- The National Military Strategy of the United States. – Washington: Office of the Chairman, Joint Chiefs of Staff, 2011.
- The National Security Strategy of the United States. – Washington: Government Printing Office, 2002.
- The National Security Strategy of the United States. – Washington: Government Printing Office, 2006.
- The National Security Strategy of the United States. – Washington: Government Printing Office, 2010.
- United States Department of Defense Fiscal Year 2012 Budget Request. – Washington: Office of the Undersecretary of Defense (Controller)/ CFO, 2011.

Литература

- Анчуков С.В., Суслов А.И. Война и военная стратегия: реквием современности (постмодернистский взгляд и посылные размышления о будущем) // Самиздат, 9 марта 2003 г. <http://zhurnal.lib.ru/a/anchukow_s_w/woinast.shtml>
- Арктика: зона мира и сотрудничества / Отв. Ред А.В. Загорский. – М.: ИМЭМО РАН, 2011.
- Балуев Д.Г. Политика в войне постиндустриальной эпохи // Международные процессы. 2005. Т. 3, № 3.
- Внешняя политика и безопасность современной России: в 4-х томах / Сост. Т.А. Шаклеина. М.: РОССПЭН, 2002.
- Военная сила в международных отношениях. Учебное пособие. / Под ред. В.И. Аннекова. – М.: Русавиа, 2009.
- Власов Н.А., Малыгина А.А., Павлов А.Ю. Военная стратегия ведущих держав Западной Европы. - СПб: Изд-во СПбГУ, 2009.
- Гареев М.А. М.В.Фрунзе – военный теоретик. - М.: Воениздат, 1985.
- Говард М. Большая стратегия. Под ред. и с предисл. О.А.Ржешевского. - М.: Воениздат, 1980.

Капитанец И. Война на море. Актуальные проблемы развития военно-морской науки. М: Вагриус, 2001.

Кокошин А.А. Армия и политика. - М.: МГИМО, 1995.

Кокошин А.А.. Стратегическое управление. Теория, исторический опыт, сравнительный анализ, задачи для России. - М.: РОСПЭН, 2003.

Кокошин А.А., Веселов В.А., Лисс А.В. Сдерживание во втором ядерном веке. - М.: РОССПЭН, 2001.

Колобов А.О. Специальные операции в мировой политике. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2004.

Комов С.А. О способах и формах ведения информационной борьбы // Военная мысль, 1997, № 4.

Коньшев В.Н. Военная стратегия США после окончания холодной войны. - СПб: Наука, 2009.

Коньшев В.Н. Американский неореализм о природе войны: эволюция политической теории. - СПб: Наука, 2004.

Коньшев В.Н., Сергунин А.А. Новая военная доктрина Барака Обамы и национальные интересы России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность, 2012. № 14 (155). С. 2-9.

Коньшев В.Н., Сергунин А.А. О новой военной доктрине Б. Обамы // Проблемы национальной стратегии, 2012. — № 3. — С. 98-113.

Кулагин В.М. Международная безопасность. - М.: Аспект Пресс, 2006.

Проблемы безопасности и военно-силовой политики в международных отношениях. - СПб: Изд-во СПбГУ, 2007.

Рыхтик М.И. Безопасность Соединенных Штатов Америки. История, теория, политическая практика. - Н. Новгород: Издательство Нижегородского государственного университета, 2004.

Сергунин А.А. Международная безопасность: новые подходы и концепты // Полис (Политические исследования). 2005. № 6.

Сергунин А.А. Эволюция военной стратегии: история и современность // Региональные аспекты международных отношений: история и современность. Н. Новгород: Издательство ННГУ, 2009. С. 11-17.

Сергунин А.А. Эволюция концепта «военная безопасность» в доктринальных документах Российской Федерации // Национальная безопасность / NOTA BENE, 2011. — № 5. — С. 6-14.

Слипченко В. Война будущего. - М., 1999.

Слипченко В.И. К какой войне должны готовиться вооруженные силы // Отечественные записки, № 8, 2002 г. <<http://www.strana-oz.ru/?numid=9&article=356>>

Ядерное оружие после «холодной войны» / Под ред. А. Арбатова и В. Дворкина. (Московский Центр Карнеги). М., 2006.

American defense policy / Ed. By Bolt P. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2005.

Conetta C. Keep Pentagon Cuts in Perspective // Project on Defense Alternatives Briefing Memo #53. January 5, 2010.

Conflict after the cold war / Ed. by R. Betts.. – Boston: Allyn and Bacon, 1994.

Galtung J. Violence, Peace and Peace Research // Journal of Peace Research. 1969. Vol. 6. No. 3. P. 167-191

Galtung J. Peace: Research, Education, Action. Essays in Peace Research. Vol. 1. Copenhagen: Christian Ejlertsen, 1975. P. 103-104.

Galtung J. A Structural Theory of Aggression // Journal of Peace Research. 1964. Vol. 11. No. 2. P. 95-119

Gompert D., Lachow I., Perkins J. Battle-wise: seeking time-information superiority in network warfare. – Washington: National Defense University, 2006.

Gray C. War, peace, and victory. Strategy and statecraft for the next century. - N.Y.: Simon & Schuster, 1990.

Klingner B. The Missing Asia Pivot in Obama's Defense Strategy. URL: <http://www.heritage.org/research/reports/2012/01/the-missing-asia-pivot-in-obamas-defense-strategy>.

Konyshov V.N., Sergunin A.A. Moscow Keeps a Wary Eye on Obama's New Defense Strategy // Atlantic Community, 2012. — № March 14, 2012.

Lamb C. Transforming defense. – Washington: National Defense University, 2005.

New roles of military forces. Global and local implications of the Revolution in Military Affairs / Ed. By B. Heurlin, K.S. Kristensen, M.V. Rasmussen & S. Rynning. Copenhagen: Danish Institute for International Studies, 2003.

Non-offensive defence for the twenty-first century / Ed. by Moeller B., Wiberg H. Boulder & London: Westview, 1994.

Sergunin A. On the Russian Military Reform: A Rejoinder // The Journal of Slavic Military Studies, 2012. — Vol. 25, — № 2. — P. 251-256.

The post-Cold War order: diagnoses and prognoses / Ed. by R. Leaver, J.L. Richardson. Canberra: Allen & Unwin and Boulder, CO: Westview Press, 1993.

The use of force: military power and international politics. Sixth edition / Ed. by R. Art, K. Waltz. - New York, 2004.

Периодические издания

Военная мысль

Военно-промышленный курьер

Зарубежное военное обозрение

Индекс безопасности

Национальная безопасность

Национальные интересы

Независимое военное обозрение

Проблемы национальной стратегии

Defense Horizons

Joint Force Quarterly

Institute for National Strategic Studies (INSS) Special Report

INSS Strategic Forum

International Affairs (London)

International Security

Security Dialogue

Strategic Review

Survival

Parameters

The Military Balance

Электронные ресурсы

Военная библиотека: <http://militera.lib.ru/>
Журнал «Военная мысль»: <http://www.mil.ru>
Журнал «Российское военное обозрение»: <http://www.mil.ru>
Институт проблем международной безопасности
http://www.ipmb.ru/1_3.html
Интернет-форум по проблемам военной политики:
<http://futurewarfare.narod.ru/>
Он-лайн библиотека «Национальная безопасность Российской Федерации»: <http://www.nationalsecurity.ru>
Сайт Президента России (документы): <http://kremlin.ru/acts>
Сайт министерства обороны РФ: <http://mil.ru/>
Сайт министерства обороны США:
<http://www.defenselink.mil/news/>
Сайт журнала «Стратегия России»: <http://sr.fondedin.ru/>
«Независимое военное обозрение»: <http://www.ng.ru/nvo/>

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I Особенности терминологии	8
ГЛАВА II Эволюция понятия «военная стратегия»	22
§1 К вопросу о трактовке понятия	22
§2 Эволюция доктринальных основ военной стратегии	36
ГЛАВА III Современная военная стратегия США	55
§1 Угрозы, стратегические концепции, военное строительство	55
§2 Особенности американской военной стратегии при Б. Обаме	63
§3 Последствия военной доктрины Б. Обамы для безопасности России	77
ГЛАВА IV Современная военная стратегия России	86
§1 Политические основы российской военной стратегии	88
§2 Военное строительство, военная реформа	10
§3 Официальная военная стратегия	110
§4 О войнах будущего: дискуссии в экспертном сообществе	131
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	153
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ	156